

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Никитин Никита Владимирович

**КОНСОНАНТИЗМ КЛИТИК
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО
Каленчук Мария Леонидовна

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Произношение русских клитик: теоретические проблемы и история изучения	12
1.1. К постановке проблемы. Античное осмысление клитических единиц. Происхождение терминов <i>энклитика</i> , <i>проклитика</i> , <i>клитика</i>	12
1.2. Проблемы выделения клитик и их фонетической классификации	16
1.2.1. Разграничение фонетических и синтаксических клитик. Два основных фонетических подхода к понятию <i>клитика</i>	16
1.2.2. Классификация клитик с фонетической точки зрения: степень произносительного слияния клитики с носителем и ее ударность/безударность	23
1.3. Русские фонетические клитики: история изучения	28
1.3.1. Конец XVI — XIX вв.	30
1.3.2. XX в.	38
1.4. Методика исследования. Структура и условия проведенных социолингвистических экспериментов	57
1.5. Выводы	66
ГЛАВА 2. Чередования согласных по месту образования на стыке клитики и ее носителя	68
2.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма	68
2.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними	71
2.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные	72
2.4. Многофакторный фонетический анализ	77
2.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет	80
2.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных	82
2.7. Выводы	85
ГЛАВА 3. Чередования согласных по глухости/звонкости на стыке клитики и ее носителя	87
3.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма	87

3.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними	94
3.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные.....	96
3.4. Многофакторный фонетический анализ	103
3.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет.....	104
3.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных	107
3.7. Выводы	110
ГЛАВА 4. Чередования согласных по твердости/мягкости на стыке клитики и ее носителя	112
4.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма	112
4.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними	115
4.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные.....	116
4.4. Многофакторный фонетический анализ	122
4.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет.....	123
4.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных	127
4.7. Выводы	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
Список литературы	139
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Онлайн-анкета для набора респондентов.....	155
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Эксперимент № 1. Набор предложений для проверки чередований по месту образования	158
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Чередования по месту образования: распределение аллофонов по сочетаниям	165
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Эксперимент № 2. Набор предложений для проверки чередований по глухости/звонкости и твердости/мягкости.....	170
ПРИЛОЖЕНИЕ № 5. Чередования по глухости/звонкости: распределение аллофонов по сочетаниям	180
ПРИЛОЖЕНИЕ № 6. Чередования по твердости/мягкости: распределение аллофонов по сочетаниям	185
ПРИЛОЖЕНИЕ № 7. Избранные спектрограммы	189

ВВЕДЕНИЕ

В мировой лингвистике в последние полвека наблюдается значительный рост интереса к клитикам — они исследуются лингвистами самых разных направлений. Фонетистам важны в первую очередь просодическая несамостоятельность клитик и вытекающие из этого произносительные особенности, наблюдаемые как внутри клитик, так и на стыке клитики и ее носителя. Не являются исключением и русские клитики.

Современный русский литературный язык продолжает эволюционировать — и это справедливо для всех его языковых уровней, включая звуковой. Меняется и произношение клитик, поэтому есть потребность усовершенствовать описание произносительных особенностей русских клитик в орфоэпических словарях и справочниках, сократив дистанцию между кодифицированными и узуальными нормами. В то же время изучение того, как устроено произношение клитик, позволит лучше понять тенденции развития русского языка XXI в. и взаимосвязь его разных языковых уровней. Этим обусловлена **актуальность темы**.

Степень разработанности темы. С одной стороны, лингвисты давно обратили внимание на то, что некоторые русские слова, будучи безударными и формируя одно фонетическое слово с опорной словоформой, произносятся так, как не должны произноситься части единого фонетического слова [Чернышев 1915: 40; Дурново 1924б: 16; Гвоздев 1949: 84–97; Панов 1967: 187–188; Барановская 1968; Высотский 1977: 27–28], и даже собрано значительное количество экспериментальных данных о произношении клитик [Борунова 1966: 69–71; Вербицкая 1976: 67–68; Каленчук 1986; Каленчук 1993; Богданова 2001а: 121–123; Зотова 2002; Каленчук 2008; Андреева 2018; Сапунцова 2018; Князев 2021]. С другой стороны, до сих пор нет системного, полного анализа произносительных особенностей русских клитик — есть только описания их отдельных звуковых черт, представленные в разных работах. Отсутствуют и корпусные исследования, посвященные этой теме, хотя и можно назвать нескольких лингвистов, которые,

изучая фонетические черты клитик, анализировали публичную речь носителей русского языка [Каленчук 1993: 127–128; Барышева 2025].

Цель работы — системно описать закономерности, определяющие произносительные особенности русских клитик в области консонантизма, и интерпретировать эти закономерности с точки зрения фонологии и грамматики.

Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

1) аналитически описать историю и теорию изучения клитик в русистике, проследив, как со временем развивалось их описание;

2) сформулировать определение клитики и уточнить классификацию фонетических клитик;

3) на основе изученной литературы и собственных наблюдений выявить и сформулировать реальные и потенциальные особенности фонетического оформления русских клитик;

4) разработать и провести социолингвистические эксперименты, проверяющие эти особенности;

5) сопоставить проведенные эксперименты с экспериментами других лингвистов, выявив сходства и различия полученных результатов и объяснив их;

6) проверить достоверность полученных экспериментальных данных корпусным методом;

7) проследить, как с течением времени менялось фонетическое поведение клитик, сравнивая звучащую речь литературно говорящих носителей русского языка разных поколений и экспериментальные данные разных лет;

8) теоретически интерпретировать полученные фактические данные и предложить системное описание произносительных особенностей русских клитик в области консонантизма.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые было предпринято системное и полное исследование консонантизма русских клитик. Его результаты позволяют ввести в научный оборот новые фактические данные о произношении клитик, пересмотрев некоторые представления об их звуковом облике, сложившиеся ранее.

Объектом исследования являются русские клитики, **предметом** — консонантизм клитик в современном русском литературном языке.

Теоретическая значимость предлагаемого исследования определяется тем, что системный анализ произношения русских клитик, в том числе их консонантизма, необходим для полноценного описания русской фонетики в целом, поскольку исчерпывающее описание фонетики любого языка предполагает определение границ, в рамках которых действуют те или иные фонетические закономерности. Исследование представляет интерес и для теории грамматикализации [Hopper, Traugott 2003; Lehmann 2015]. Грамматикализуясь, языковая единица претерпевает целый ряд изменений, в том числе фонетических. К ним относятся потеря просодической самостоятельности, звуковая компрессия и появление особых аллофонических правил. Если первые два изменения подробно в работе не рассматриваются, потому что традиционно выделяемые русские клитики уже просодически несамостоятельны и подверглись фонетической компрессии, то аллофоническим правилам уделено много внимания. Более подробное описание этих особенностей вносит некоторую ясность в степень грамматикализации тех или иных клитик, уточняя наши представления о взаимодействии фонетики и грамматики.

Практическая значимость работы заключается в том, что она позволяет скорректировать и дополнить описание русских клитик в орфоэпических словарях, а также в учебных пособиях по русской фонетике. Предлагаемая диссертация может использоваться при создании новой академической грамматики русского языка, включающей в себя раздел фонетики, базирующийся на новейших научных данных. Материалы предлагаемого исследования могут быть использованы и преподавателями русского как иностранного для отработки произношения на высокоуровневых языковых курсах.

Источником **материала** послужили прежде всего результаты социолингвистических экспериментов, поставленных в 2025–2026 гг. специально для изучения фонетических свойств клитик, и данные мультимедийного подкорпуса Нацио-

нального корпуса русского языка, а также сведения, почерпнутые из орфоэпических словарей.

Методология исследования основана на лингвистических работах, посвященных — иногда частично — не только фонетике клитик и экспериментальному изучению их произносительных особенностей (см. список работ выше), но и их морфологии и синтаксису [Zwicky 1977; Зализняк 2008; Плунгян 2016: 18–35; Валова, Слюсарь 2017; Циммерлинг 2018; Aikhenvald et al. (eds.) 2020: 1–24; Wackernagel 2020; Zingler 2022; Haspelmath 2023]. Предлагаемая работа может рассматриваться как узуально ориентированное исследование: все основные выводы в ней опираются на конкретные речевые употребления языковых единиц.

В диссертации применяются такие общенаучные **методы** исследования, как наблюдение, описание, анализ, классификация и эксперимент. Последний метод требует уточнений: было поставлено два социолингвистических эксперимента, в каждом из которых по 60 носителей русского языка, говорящих на московском варианте литературной нормы, читали наборы предложений, изобилующих клитиками. Аудиозаписи обрабатывались с применением частных научных методов, включающих в себя аудитивный, спектрографический и статистический анализы. Собственно лингвистическими являются сравнительно-исторический, лексикографический и корпусный методы и многофакторный фонетический анализ.

Положения, выносимые на защиту:

1) фонетическая клитика — это просодически несамостоятельная словоформа, то есть словоформа, которая не может образовать фонетическое слово вне комбинации с другими словоформами;

2) с фонетической точки зрения важно различать клитики абсолютные, не демонстрирующие никаких сегментных особенностей произношения ([б'и'з_д]áра как [б'и'зд]áрный), и относительные, выдающие свою остаточную самостоятельность на сегментном уровне (морóз, [но_сó]лице), а также ударные (на́ голову) и безударные (на го́лову); с синтаксической точки зрения надо выделять не только постоянные проклитики (можно без лжи́, но нельзя *лжи́ без), постоянные энклитики (ложь бы, но не *бы ложь), но и амбиклитики, употреб-

ляющиеся как в препозиции, так и в постпозиции к носителю (*ведь з^нает, з^нает ведь*);

3) при делении клитик на абсолютные и относительные необходимо учитывать реализации фонем не только в самой клитике, но и в ее носителе, поскольку специфичность клитики иногда проявляется именно в нем: (*он*) *дост^и[к_л']и* отличается от (*они*) *дост^и[гл']и*, хотя в обоих случаях произносится [л'и³];

4) вопреки кодифицированной норме, согласно которой свистящий обязательно заменяется шипящим в позиции перед шипящим (*бе[ш_ш]áпки, завё[ж_ж]е, [ш'_ч']елове́ком*), в литературном узусе широко распространено и произношение без такого чередования (*бе[с_ш]áпки, завё[з_ж]е, [с'_ч']елове́ком*);

5) вопреки кодифицированной норме, в литературном произношении встречаются не только сочетания *ушл^а [п о']ля* и *ед^а [ш н]áде*, но и *ушл^а [б о']ля* и *ед^а [ж н]áде* (*ушла б Оля, еда ж Наде*) — последние два произнесения можно рассматривать как фонетическую проклizu при синтаксической энклизе;

6) на стыке клитики и ее носителя в кластерах типа *С(')С'* мягкость первого согласного преобладает только в некоторых сочетаниях зубных с зубными и губных фрикативных с губными фрикативными (чаще *и[з'_н']íх, на[д'н'_н']ím, [в'_в']éре*, чем *и[з_н']íх, на[д'н'_н']ím, [в_в']éре*), а единственные кластеры *С(')С'* на стыке клитики и ее носителя, где позиционная мягкость близка к обязательной, — это сочетания гоморганных губно-зубных щелевых или переднеязычных зубных щелевых: *[в'_в']éре, [с'_с']éном*;

7) произносительные особенности русских клитик, в частности особенности аллофонических чередований на стыке клитики и носителя, представляющие собой фонологические пограничные сигналы, и изменения фонетического поведения клитик могут объясняться теорией грамматикализации: наличие каких-либо произносительных специфических черт у клитик связано с тем, что в прошлом они были просодически самостоятельными словоформами (рус. *ведь* ← др.-рус. *въдѣ*), а утрата этих черт вполне объяснима продолжающейся грамматикализацией описываемых языковых единиц.

Степень достоверности исследования обеспечивается прежде всего ориентацией на узус, предполагающей разнообразие эмпирического материала, и корректным применением различных исследовательских методик. В диссертации экспериментальный метод совмещен с корпусным. Эти методы компенсируют минусы друг друга, потому что, с одной стороны, чтение вслух в лабораторных условиях всегда в той или иной степени искусственно, зато позволяет контролировать некоторые факторы, которые трудно проверить по корпусу; с другой стороны, корпус дает гораздо больше «живого», спонтанного речевого материала, хотя иногда не позволяет надежно проверить релевантные для фонетики факторы.

Верифицирует результаты исследования и обращение к спектрографическому анализу и математической статистике. Спектрограммы обрабатывались в программе Praat 6.3.08, статистическая же обработка данных производилась в программе StatSoft STATISTICA 10. Спектрографический анализ позволил уточнить некоторые решения, принятые на основе аудитивного метода, в то время как статистические методы были включены в многофакторный фонетический анализ, направленный на то, чтобы определить влияние конкретных языковых факторов на те или иные фонетические реализации.

Многие из представленных в работе результатов **апробированы** в статьях, напечатанных в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии, и в выступлениях на научных конференциях.

По теме диссертационного исследования опубликованы **три статьи**, входящие в журналы из указанного перечня ВАК.

1. Никитин Н. В. Особенности произношения русских предлогов как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2023. — № 4. — С. 273–291.

2. Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 316–326.

3. Никитин Н. В. Абсолютные и относительные клитики в русском языке: проблемы их выделения и лексикографического описания / Н. В. Никитин // Русская речь. — 2025. — № 2. — С. 42–55.

Различным аспектам диссертационного исследования было посвящено **восемь выступлений** на научных конференциях 2023–2026 гг.

1. Никитин Н. В. Особенности произношения русских клитик: проблемы описания / Н. В. Никитин // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 14–21 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2023. — С. 617–618.

2. Никитин Н. В. Теоретические аспекты изучения фонетических клитик / Н. В. Никитин // VII Международная конференция «Культура русской речи» (Готовские чтения). 5–7 марта 2024 г. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2024. — С. 147–148.

3. Никитин Н. В. Абсолютные и относительные ударные клитики: проблемы выделения / Н. В. Никитин // LII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 19–26 марта 2024 года. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 601–602.

4. Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Человек и мир в зеркале русской лексикографии (к 75-летию первого издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова). 25–26 октября 2024 года. Тверь : Тезисы докладов. — Тверь, 2024. — С. 88–89.

5. Никитин Н. В. Проблемы выделения клитик и их фонетической классификации / Н. В. Никитин // IX Международная научная конференция «Фонетика сегодня». 5–7 декабря 2024 года. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2024. — С. 72–73.

6. Никитин Н. В. *Бе[ш-ш]áпки* или *бе[с-ш]áпки*: корпусные данные / Н. В. Никитин // LIII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 25–31 марта 2025 года. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2025. — С. 767–768.

7. Никитин Н. В. *Бе[ш_ш]áпки* или *бе[с_ш]áпки*: экспериментальные данные / Н. В. Никитин // LIV Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 24–30 марта 2026 года. Санкт-Петербург.

8. Никитин Н. В. Свистящие перед /ч'/ на стыке проклитики и ее носителя в русском языке: новые экспериментальные данные / Н. В. Никитин // XII Конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». 2–3 апреля 2026 года. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2026. — С. 54–55.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и семи приложений. Список литературы включает в себя 141 работу. Объем диссертационного исследования — 202 страницы.

ГЛАВА I. Произношение русских клитик: теоретические проблемы и история изучения¹

1.1. К постановке проблемы.

Античное осмысление клитических единиц.

Происхождение терминов *энклитика*, *проклитика*, *клитика*

Прежде чем рассмотреть произносительные особенности русских клитик, целесообразно понять первоначальный смысл традиционных терминов *энклитика*, *проклитика*, *клитика* и обозначить языковые явления, из-за которых грамматисты ввели специальные названия для безударных слов.

Самый ранний из этих терминов — *энклитика*, восходящий к древнегреческому прилагательному *ἐνκλιτικός* ‘энклитический’. Понятие энклитического слова нужно было, скорее всего, потому, что некоторые сдвиги ударения, ограниченного в древнегреческом тремя последними слогами, объяснялись как раз употреблением энклитик. Энклитическими считались односложные и двусложные слова, которые при определенных условиях теряли ударение, вызывая в некоторых случаях появление дополнительного ударения в предшествующей словоформе. Так, из *ἄνθρωποι + τινές* получалось *ἄνθρωποι τινες* ‘некоторые люди’ (здесь энклитика как бы «отбросила» свое ударение на последний слог предыдущего слова), а *μεταμέλει + μοί* давало *μεταμέλει μοι* ‘я раскаиваюсь’ [Соболевский 2000: 17–18; Montanari et al. (eds.) 2015: 945–946]. В приведенных сочетаниях энклитиками являлись атонированные *τινές* и *μοι*. При этом такие безударные слова обладали еще одной важной особенностью — они блокировали мену острого ударения на тупое у предшествующих словоформ с острым ударением на последнем (перед энклитикой) слоге: *Διὸς υἱός* ‘сын Зевса’, но *Διός τε* ‘и Зевса’ (а не **Διὸς τε*, ведь *τε* ‘и’ является энклитикой) [Jakobson 1971: 264]. Первое дошедшее до нас употребление *ἐνκλιτικός* встречается в работах александрийских грамматистов

¹ В главе используются материалы статьи [Никитин 2025a].

(подробнее историю вопроса см. в [Тронский 1962: 63–73; Montanari et al. (eds.) 2015: 923–948; Probert, Roussou 2023]).

По всей видимости, энклитики, по первоначальным представлениям, именно *теряли* ударение, поскольку античные мыслители, описывая древнегреческую акцентуацию, исходили из того, что по умолчанию ударение есть у каждого слова, но у энклитик оно может «исчезать»: «Однако не только окситонированные, но и в принципе все слова, как считалось, имели “базовое” ударение — *kúrios* или *ídiος τόνος*. <...> Энклитики, как и другие слова, рассматривались как носители собственного базового ударения; в сущности, все энклитики считались имеющими ударение на последнем слоге — либо острое, либо облеченное»² [Montanari et al. (eds.) 2015: 945]. Ср. *ἄνθρωποι τινες* ‘некоторые люди’ с *ἄνδρες τινές* ‘некоторые мужи’: одно и то же слово *τινες* в первом примере безударно, а во втором — ударно, то есть сохраняет свое базовое ударение [Соболевский 2000: 18]. Ср. также комментарий И. М. Тронского: «Античная традиция о месте и характере ударения в слове всегда исходит из предположения, что слово ортотонично» [Тронский 1962: 62].

Всем этим объясняется внутренняя форма анализируемого термина: *ἐνκλιτικός* означало ‘наклоненный/наклоняющийся’ (ср. др.-греч. производящее *ἐκκλίνειν* ‘отклонять, наклонять; поворачивать и др.’); такая же трактовка *ἐνκλιτικός* представлена в [Skeat 1888: 190; Соболевский 2000: 17]. Впоследствии термин заимствуется латынью, где появляется прилагательное *encliticus* ‘энклитический’ [Patridge 2006: 534] и существительное *encliticum* ‘энклитика’ [Дворецкий 1976: 369], так как для латинских грамматистов понятие энклитического слова тоже было актуально; например, энклитикой, влияющей на ударение, а точнее — смещающей его, является латинский союз *que* ‘и’: *rósa* ‘роза’, но *rosáque* ‘и роза’ [Соболевский 1953: 10]. *Encliticus* используется уже в грамматике Присциана [Lewis, Short 1891: 645]. Из латинского это слово попадает в другие европейские языки.

² Здесь и ниже перевод с английского выполнен автором исследования.

В античных грамматиках, насколько можно судить, безударные слова в препозиции к ударному специального названия не имели: «Проклитические группы, где ударение ортотонических слов оставалось неизменным, не вызывали к себе внимания, и античные грамматики никогда не упоминают о том, что во фразовых условиях проклитики теряют свое ударение» [Тронский 1962: 58]. По мнению Тронского, первым термин *проклитики* (точнее было бы сказать — прилагательное *проклитический*) употребил Г. Герман в начале XIX в. [Тронский 1962: 59, 136]. В грамматике греческого языка, написанной Германом, действительно есть целый раздел, посвященный проклитическим речениям (*de dictionibus procliticis*) [Hermannus 1801: 96–101]. Проклитическими называли единицы живых европейских языков тоже как минимум с этого же столетия: «В XIX в. безударные короткие элементы вроде французских личных форм *je, tu, il* и т. д., обычно предшествующие глаголу, иногда назывались проклитическими» [Haspelmath 2015: 14].

Термин *проклитика* образован по аналогии с *энклитика*: если *энклитика* располагается после носителя ударения и, соответственно, «наклонена» на предыдущее слово, то *проклитика* предударна и примыкает, наоборот, к последующему слову. Очевидна соотнесенность приставок: в обоих случаях используются греческие по происхождению префиксы *эн-* и *про-*.

Кроме того, само примыкание безударного слова к ударному имеет специальные названия: примыкание клитики к словоформе слева называется энклизой, а справа — проклизой. Приставки и корень здесь те же, что и в терминах *энклитика* и *проклитика* (ср. др.-греч. *ἐνκλιτικός* и *ἐγκλίσις* ‘наклон; направление’).

Бесприставочный гипероним *клитика* стал употребляться только в середине XX в. — его вводит в научный обиход Ю. Найда: «Связанный корень может быть либо основой, как *-ceive, -tain, -veal* (ср. *receive, retain, reveal*), либо клитикой, как /ə-, -ə, -l/ — безударные формы *a, you* и *will*. Эти связанные алломорфы свободных форм никогда не употребляются изолированно, но они не обязательно формируют морфологические конструкции с единицами, с которыми они связаны

фонологически» [Nida 1949: 97]³. Последний тезис сопровождается двумя примерами: в словосочетании *a bored person* артикль *a* фонологически⁴ «опирается» на *bored*, хотя морфологически относится к *bored person* целиком; аналогично устроено *I'll hit yuh (you)* (в авторской транскрипции — /áyl híčə/), где местоимение *yuh (you)* фонологически примыкает к *hit*, а морфологически — к глагольной группе *will hit*. Так появляется однословное обозначение родового для проклитик и энклитик понятия [Haspelmath 2023: 9].

Описываемая триада терминов образована именно в таком порядке: сначала александрийские грамматисты придумывают специальное название для безударных слов с носителем ударения слева (*эн-клитическое слово*); затем в научный обиход вводится термин для обозначения безударных слов, опирающихся на последующее, а не на предыдущее слово (*про-клитическое слово*); наконец осознается необходимость в однословном выражении родового понятия — и это понятие обозначается термином *клитика*, оказавшимся, несмотря на более простую морфемную структуру, самым молодым из рассматриваемых терминов.

Любопытно, что в XX в. вместо слов *проклитика* и *энклитика* использовались также термины *преклитика* и *постклитика* [Мельчук 1997: 212], содержащие латинские по происхождению приставки *пре-* и *пост-* и обладающие, по мнению некоторых ученых, более прозрачной внутренней формой. Однако по крайней мере в русскоязычной традиции эти слова не прижились.

Итак, самым древним является осмысление клитик как лишенных собственного ударения слов (на материале древнегреческих энклитик): с одной стороны, эти единицы априори считаются обладающими ударением просто в силу того, что они — слова; с другой стороны, при определенных условиях они ударения лишаются. Такое понимание клитик в несколько видоизмененном виде живо и по сей день, однако сегодня представлено и другая фонетическая интерпретация единиц этого класса. Разное понимание обозначенной проблемы находит отражение и в работах, так или иначе описывающих русские клитики, в частности их произношение.

³ Цитата приводится по второму изданию работы Найды, хотя термин *клитика* использовался уже в первом издании — 1946 г. [Haspelmath 2015: 14].

⁴ По терминологии автора именно фонологически.

1.2. Проблемы выделения клитик и их фонетической классификации

1.2.1. Разграничение фонетических и синтаксических клитик.

Два основных фонетических подхода к понятию *клитика*

В современной лингвистике по-разному понимают содержание и объем понятия *клитика*. Так, А. В. Циммерлинг указывает на две различные традиции определения клитик [Циммерлинг 2020: 478–479]:

1) выделение клитик как единиц, неспособных формировать фонетическое слово⁵ самостоятельно, то есть вне комбинации с другими словами; такие клитики называются фонетическими; данная традиция опирается на работы Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо;

2) осмысление клитик как единиц, обладающих в первую очередь какими-либо синтаксическими особенностями и вычленяемых на основе дистрибуции клитик в предложении; такие клитики можно назвать синтаксическими; эта традиция восходит к трудам Я. Вакернагеля и А. Звики.

Говоря о фонетических клитиках, Циммерлинг в качестве определяющего критерия называет способность/неспособность словоформы к созданию фонетического слова изолированно — без других словоформ. Однако фонетическая клитика, интерпретированная таким образом, может быть и ударной, что явным образом противоречит мнению многих лингвистов, исходящих из *обязательной* безударности клитики. Кроме того, Циммерлинг, по крайней мере в указанной выше работе, не выделяет третьей традиции — смешанной, когда эксплицитно в определение клитики закладываются как фонетические, так и грамматические крите-

⁵ Вместо терминологического сочетания *фонетическое слово* могут использоваться другие формулировки. А. А. Зализняк, скажем, пишет о тактовых группах, отмечая, что *тактовая группа* = *фонетическое слово* [Зализняк 2008: 9]; П. Гард пишет об *акцентных единствах*, напрямую не указывая на обсуждаемую синонимию, хотя даже если его акцентное единство не совсем то же самое, что фонетическое слово, то это *почти* то же самое [Гард 2015: 26–31, 90]. Для обозначения обсуждаемого явления предлагались также сочетания *акцентная группа*, *ритмическая группа* или просто *такт*.

рии (см. пример такого взгляда на клитики в [Aikhenvald et al. (eds.) 2020: 12; Zingler 2022]).

Точнее было бы представить обсуждаемые традиции так:

1) **фонетическая традиция**, где ключевым оказывается просодический критерий; в зависимости от его выбора выделяются **два подхода**:

- а) клитики — безударные словоформы⁶,
- б) клитики — словоформы, лишенные способности образовывать самостоятельно фонетическое слово (иными словами, просодически несамостоятельные);

2) **грамматическая традиция**, где в фокусе внимания оказываются синтаксические свойства клитик, а любые апелляции к просодии элиминируются из определения клитики;

3) **смешанная традиция**, где в явном виде в определение клитики закладываются как фонетические, так и морфосинтаксические критерии.

Кажется, не делая только что предложенного разграничения, А. В. Циммерлинг немного искажает реальное положение вещей; например, А. А. Зализняк, которого он относит к ученым, мыслящим в рамках фонетической традиции, напрямую пишет, что считать клитикой просто безударную словоформу «допустимо в качестве первого, довольно грубого приближения» [Зализняк 2008: 6], тем самым противопоставляя себя лингвистам, разделяющим другой фонетический подход.

Так, если считать клитику, согласно первому фонетическому подходу, безударной словоформой, то в *на́ голову*⁷ (*надеть что-л.*) предлог *на* не клитика, тогда как при втором подходе ударное *на* продолжает описываться как клитика: формирует фонетическое слово именно существительное, предлог же оказывается под ударением лишь в силу акцентных свойств самостоятельного слова. Более

⁶ Материал разных языков, в том числе русского, показывает, что одно и то же слово может быть в одной форме регулярно ударно, а в другой — безударно. Поэтому лучше говорить, если мыслить в рамках первого фонетического подхода, о клитике не как о безударном слове, а как о безударной словоформе.

⁷ Хотя сочетание *на голову* может произноситься с ударением на существительном, для сравнения рассматриваемых подходов интересен вариант с ударением на предлоге.

того, его употребление не добавляет в высказывание новое фонетическое слово; ср. *прикры́ть кѣпкой го́лову* vs. *наде́ть кѣпку на́ голову* — в обоих сочетаниях три фонетических слова, хотя в первом из них три морфологических словоформы, а во втором четыре⁸. Следовательно, при втором подходе клитика может быть как безударной, так и ударной: если словоформа ударна, то это не значит, что она просодически самостоятельна⁹.

В настоящей диссертации клитикой называется словоформа, неспособная самостоятельно формировать фонетическое слово. В пользу такого решения говорят следующие аргументы.

Во-первых, серьезная теоретическая проблема, возникающая в связи с признаком *безударный*: словесным ударением называется выделение одного из слогов неодносложного слова, но тогда, видимо, надо признать клитиками односложные самостоятельные слова типа *рот* и т. д., потому что в них по определению нет ударения. Можно попробовать снять противоречие, сказав, что нельзя считать безударной односложную словоформу, поскольку в таком случае само противопоставление ударный — безударный теряет смысл, и что, следовательно, слог здесь ни ударный, ни безударный. Это тоже неудачное решение: не только единицы *бы*, *от*, *по*, но и *б* (вариант *бы*) *к*, *с* и т. д. нельзя будет называть клитиками, поскольку в них меньше двух слогов.

Второй аргумент выводится из акцентологических исследований. Например, П. Гард утверждает, что если в случаях вроде рус. *но́ столу* или чеш. *na mostě* ‘на мосту’ (ударение на предлоге) рассматривать существительные как клитики, то «правила ударения невозможно будет четко сформулировать» [Гард 2015: 89]. Думается, что при желании четко сформулировать правила ударения удастся, однако для этого потребуется введение дополнительных оговорок, неоправданно усложняющих описание.

⁸ Принципиально иную трактовку единицам типа *на́ голову* и *за́ руку* дает В. А. Плунгян, считая их вторичными словоформами, уже не содержащими проклитику [Плунгян 2024: 89–90].

⁹ Безударные клитики еще называют акцентными [Мельчук 1997: 213]. Из-за многозначности термина *акцентный* это, возможно, не самое удачное название.

Возможно возражение: не опровергается ли предложенное определение высказываниями типа *Мне надоели твои «но»!*, где *но* формирует отдельное фонетическое слово? Нет, не опровергается — по двум причинам. Прежде всего, здесь указанная единица употреблена автонимно — для называния самой себя, а так можно употреблять какое угодно слово и даже морфему¹⁰. Иными словами, вполне реально *Недоделал, недослушал, недописал — я устал от твоих «недо»!*, хотя едва ли стоит говорить при этом, что приставка *недо-* является словоформой. Наконец, в обсуждаемом предложении союз ведет себя не как союз — в нем нет никаких черт служебной лексемы.

Есть более весомый контраргумент. Специалисты, исследующие предлоги, давно заметили, что непроизводные предлоги способны не окказионально, а вполне закономерно употребляться «с нулевой формой существительного»: — *Вам чай с сахаром или без? — Без* [Панков 2009: 14]. Разумеется, в таком вполне естественном диалоге *без* в обоих случаях формирует фонетическое слово, причем подозревать здесь автонимное употребление или какую-то языковую игру, конечно, нельзя. Однако во всех подобных репликах есть явный эллипсис: существительное опускается, потому что очевидно, о чем идет речь, — в предшествующем контексте оно нам уже дано (собственно, поэтому некоторые грамматисты говорят в таких случаях о «нулевой форме существительного»). Поскольку эллипсису способно подвергаться почти любое самостоятельное слово и, следовательно, многие служебные словоформы могут формировать из-за этого фонетические слова, не переставая при этом быть служебными, то представляется разумным не учитывать контексты с эллипсисом при оценке просодической самостоятельности словоформы.

¹⁰ См. также: «...при членении текста на высказывания обычно не учитываются некоторые особые классы “металингвистических” высказываний, которые могут “уравнивать в правах” словоформы и аффиксы. Это переспросы, уточнения, поправки и т. п., где предметом рефлексии говорящего оказывается как раз внутренняя структура слова. Ср. вполне возможный в русском языке диалог: — *Вас обсудили?* — *Не об-, а о-...*» [Плунгян 2016: 19]. Следует ли из возможности данного диалога, что сегменты *об-* и *о-* в *обсудить* и *осудить* — самостоятельные слова? Кажется, употребление подобных «металингвистических высказываний» не должно влиять на оценку линейно-синтагматической свободы значимых языковых единиц, в том числе на характеристику союза *но* как клитики.

В завершение необходимо ввести еще один термин — *полуклитика*: он становится необходимым как раз в рамках развиваемого подхода. Определение ударности/безударности в конкретном языке осложняется тем, что просодическая самостоятельность допускает градации: словоформа может быть безусловно самостоятельна с суперсегментной точки зрения, как существительное *диссертация*, или безусловно несамостоятельна, как предлог *к*, но **есть словоформы, которые то образуют, то не образуют фонетическое слово в зависимости от произносительной позиции, — это и есть полуклитики**. Так во многих языках, в том числе в русском, ведут себя местоимения, которые можно рассматривать как «динамически неустойчивые слова»: уже довольно давно отмечены колебания типа *он ли́л* — *о́н недолива́ет* [Иванова-Лукьянова 1971: 179]. Стоит упомянуть и производные предложные единицы¹¹: *сквозь о́кна, вокруг до́ма* — одно фонетическое слово (обычно), но *скво́зь паралле́логра́мм, во́круг запове́дника* — два фонетических слова ввиду сильной отделенности *сквозь* и *вокруг* от следующего ударного слога. Термин *полуклитика* употребляется здесь по аналогии с *полупроклитиками* А. А. Зализняка [Зализняк 2008: 69–72].

Тем не менее в литературе можно найти иное понимание полуклитик: Н. В. Черемисина, тоже обращавшая внимание на полупроклитики, вкладывала в тот же самый термин несколько иной смысл. Полупроклитиками и полуэнклитиками она называла некоторые двусложные служебные слова, а также «малознаменательные» части речи «с самостоятельным словесным ударением “половинной” силы» [Черемисина 1989: 73]. Самостоятельность ударения объяснялась отсутствием редукции¹² («...ударный *о* звучит здесь как [о], а не как предупред-

¹¹ Языковые единицы типа *вокруг* или *вслед* допускают разные трактовки: можно считать их производными предлогами [Шведова (ред.) 1980: 707; Всеволодова (ред.) 2018: 72] или предложными/предлогообразными наречиями [Черкасова 1967: 30–32; Урысон 2017: 39–43]. Здесь такие слова называются предложными единицами, чтобы указать на их функцию, но не характеризовать их частеречную принадлежность, избежав тем самым соответствующих дискуссий [Всеволодова (ред.) 2018: 75–82]. Такая формулировка применима и к собственно предлогам *вне, сквозь, через* и нек. др., не употребляющимся как наречия: предлоги тоже являются предложными единицами.

¹² Речь идет о фонологической редукции — о снятии функционального противопоставления гласных: при произнесении *в[о]т де́ло* фонема /о/ находится в сигнификативно сильной позиции, в то время как при произнесении *в[э]т де́ло* имеет место нейтрализация /о/ и /а/

ное а»), а «половинность» его силы — ослабленностью такого ударения. Обращаясь к русской силлабо-тонической поэзии, Черемисина отмечала, что, скажем, «в рифме *тоску́я — найду́ я а* (в местоимении *я*) не подвергается качественной редукции, как в заударном слоге» [Черемисина 1989: 74], поэтому *я* является не собственно энклитикой, а полуэнклитикой.

Такое словоупотребление отличается от терминологического разграничения, предлагаемого в настоящей главе: степень ударности конкретной полуклитики здесь никак не оценивается — важно, что полуклитика просодически то образует отдельное фонетическое слово, то сливается с другой словоформой в одно фонетическое слово, причем отсутствие фонологической редукции не свидетельствует об ударности, или полуударности (слабоударности), или просодической самостоятельности полуклитики. Последний тезис принимается вслед за выводами М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной о связи ударности и редукции в некоторых морфемах и словах: «Первые компоненты некоторых сложных и сложносокращенных слов, отдельные приставки как русского, так и иноязычного происхождения, относительные проклитики (предлоги, союзы, местоимения, частицы) <...> в этих словах в безударном положении могут произноситься качественно нередуцированные гласные» [Каленчук, Касаткина 1993: 105]¹³. Редукция же, как и консонантные произносительные особенности, оценивается другим классификационным признаком — абсолютностью/относительностью примыкания, речь о котором пойдет дальше.

Кроме терминов *полуклитика* (ср. *полупроклитики* А. А. Зализняка) и *динамически неустойчивое слово* (Г. Н. Иванова-Лукьянова), для обозначения примерно того же класса языковых единиц в работах по русской фонетике встречаются по меньшей мере еще два термина: *клитикоид* и *вариативно-акцентогенная словоформа*. Первый термин использовался Е. В. Ягуновой для обозначения

(ср. *д[э] д[э]ло*). Поскольку в современном русском литературном языке нет фонологического противопоставления по долготе/краткости гласного, в уточнениях *качественный* или *количественный* нет необходимости. Можно сказать, что в тексте настоящей диссертации редукция — то же самое, что редуктивная нейтрализация в области гласных [Трубецкой 2012: 265–268]. Подробнее о термине *редукция* и его многообразных употреблении см. [Макаров 2025].

¹³ Принципиально иной взгляд на ударение представлен, например, в [Князев 2015].

слов, способных «принимать значение “наличие фонологического ударения” или “отсутствие фонологического ударения”, например, местоимения, вспомогательные и фразовые глаголы» [Ягунова 2008: 62–63]. Второй термин употребляет В. Лефельдт, говоря о словоформах, имеющих акцент, но склонных к неударности; к ним относятся, в частности, личные местоимения¹⁴ [Лефельдт 2006: 180–184].

В англоязычных работах описываемые единицы, способные системно выступать и как клитики, и как просодически самостоятельные словоформы, могут называться клитизуемыми формами, в зависимости от контекста формирующими или не формирующими самостоятельное фонологическое слово¹⁵ [Aikhenvald et al. (eds.) 2020: 12]. По классификации А. Звики можно называть такие формы простыми клитиками — по крайней мере тогда, когда они употребляются клитически [Zwicky 1977: 3–6]. Примечательно, что в обеих указанных работах полуклитики рассматриваются как разновидность клитик — их подкласс, а не как отдельный класс наравне с клитиками и автономными словоформами.

Итак, привычное для многих фонетистов определение клитики как безударной словоформы кажется не совсем удачным. Теоретически обоснованнее и практически удобнее интерпретировать клитики как словоформы, неспособные формировать фонетические слова самостоятельно. Тогда к многоаспектной классификации клитик прибавится еще критерий ударности/безударности, позволяющий учитывать случаи, когда клитика, обычно безударная единица, оказывается по каким-то причинам ударной. Необходимо, кроме того, выделять промежуточный между клитиками и просодически самостоятельными словами класс полуклитик, самостоятельно то образующих, то не образующих фонетические слова.

¹⁴ При этом в описании Лефельдта неударение ≠ безударность: последняя предполагает количественную и качественную редукцию гласных [Лефельдт 2006: 179].

¹⁵ Термин *клитизуемая словоформа* кажется удачным В. А. Плунгяну (личная беседа).

1.2.2. Классификация клитик с фонетической точки зрения: степень произносительного слияния клитики с носителем и ее ударность/безударность

Сравнивая произношение разных клитик, лингвисты давно заметили, что некоторые из них своим звуковым оформлением сигнализируют о как будто бы неполном вхождении в фонетическое слово, то есть фонемы в таких клитиках ведут себя не совсем так, как обычно ведут себя фонемы внутри фонетического слова. Например, в сочетании *под со́лнцем* [па^эц_со́]лнцем предлог произносительно неотличим от приставки *под-* (ср. [па^эцсы́]нать), тогда как в сочетании *но со́лнце* [но_со́]лнце союз *но*, с той же самой фонемой /о/, фонетически ведет себя не так, как предлог *под*: в нем, в отличие от *под*, произносится нередуцированный безударный [о]. При этом специальных названий никакие из этих клитик не имели.

Только в 70-е гг. XX в., по всей видимости впервые в русистике, было предложено разграничивать с фонетической точки зрения абсолютные и относительные клитики (типа *под* и *но* соответственно). Сделано это было С. С. Высотским в статье 1973 г.: он называл абсолютным то произносительное примыкание, при котором «энклитики и проклитики совершенно не обнаруживают внешних следов своего отдельного происхождения, а составляют вместе со словом, к которому они примкнули, одно целое звуковое образование — звуковую структуру слова» [Высотский 1973: 24].

В этой работе Высотский, в сущности, не дает определения относительным клитикам (хотя оно логично вытекает из определения абсолютного примыкания), однако формулирует его несколько лет спустя в другой статье: «Абсолютные энклитики и проклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в цельную звуковую структуру единого фонетического слова, не обнаруживая внешних следов своего отдельного происхождения. Относительные энклитики и проклитики

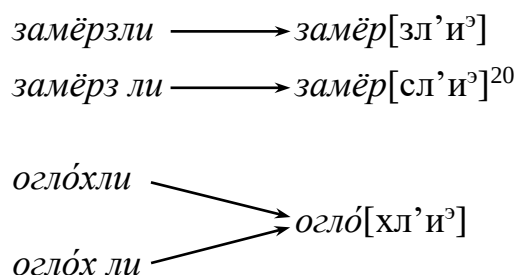
представлены в примерах с ослабленными, не полностью утраченными некоторыми признаками прежней самостоятельности слова» [Высотский 1977: 28]¹⁶.

Существенно, что подобное определение применимо не ко всем клитикам, обладающим произносительными особенностями, важными для описания этого участка звуковой системы. Так, союз *да*, в котором регулярно произносится [ə] даже в первом предударном слоге (*во́лки* [дэ_о́]вцы), нельзя назвать относительной клитикой в соответствии с определением Высотского, ведь [ə] в первом предударном слоге не имеет никакого отношения к «ослабленным, не полностью утраченным некоторым признакам прежней самостоятельности слова». Выходит, такие случаи либо формируют отдельную подгруппу внутри клитик вообще — они не относительные и не абсолютные, либо, если расширить понятие относительных клитик, составляют их особый подкласс. Л. Л. Касаткин, сначала заимствовав определение С. С. Высотского, впоследствии скорректировал его: «Относительные клитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, характеризуются иным произношением звуков, чем внутри одного лексического слова» [Касаткин 2006: 74]. Это определение позволяет включать клитики вроде союза *да* в состав относительных.

Высотский и Касаткин исходили из обязательной безударности клитик, поэтому их деление фонетических клитик на абсолютные и относительные не может быть автоматически перенесено в настоящее исследование: сначала его нужно рассмотреть в рамках фонетического подхода, согласно которому клитика — просодически несамостоятельная словоформа, в принципе способная быть ударной. Такая попытка предпринята ниже. Классификация клитик будет анализироваться с учетом двух критериев — ударности/безударности и степени примыкания к опорной словоформе.

¹⁶ Именно на статью 1977 г. несколько раз ссылались, отмечая, что разделение клитик на абсолютные и относительные с точки зрения фонетики ввел Высотский [Касаткин 2006: 74; Сапунцова 2018: 70]. Кажется, корректнее было бы в таком случае дать ссылку также на статью 1973 г. или сослаться только на нее, потому что уже в ней предлагается описываемое деление клитик на два подкласса.

Лучше начать со степени слияния (спаянности) клитики с носителем — этот критерий положен в основу разграничения абсолютных и относительных клитик. Обратимся к частице *ли*¹⁷. Ее звуковая структура не обладает никакими особенностями, так что, скажем, словоформа *огло́хли* (*они*) произносительно не отличается от сочетания *огло́х ли* (*он*): как в (*они*) *оглохли*, так и в *оглох ли* (*он*) после [х] произносится [л'и³]. Тем не менее так бывает не всегда: говорят *замёр[с_л']и* (*он*), но (*они*) *замёр[зл']и*¹⁸ и т. п. То есть хотя энклитика *ли* фонетически неотличима от комбинированной флексии *-л-и* (суффикс + окончание), реализация звонкой согласной фонемы перед этой частицей отнюдь не такая, как внутри одиночной словоформы: в делимитативно сильной по глухости/звонкости позиции перед *ли* звонкие фонемы представлены глухими вариантами — и только в делимитативно слабой *ли* и *-л-и* с предшествующим согласным совпадают в произношении¹⁹.

Другой пример — амбиклитика²¹ *ведь*. В ней регулярно произносится безударный [и³] [Сапунцова 2018: 75]²², а в энклитическом употреблении *ведь*

¹⁷ Высказывалось мнение, что в современном русском *ли* является уже транскатегориальным формантом (особая разновидность аффиксов) [Плунгян 2016: 29, 33–34]. Но пока что будем отталкиваться от традиционной точки зрения: *ли* — это клитика, которую, следовательно, можно отнести к какой-либо части речи.

¹⁸ Допустимо произношение *замёр[з'л']и*, почти ушедшее из литературного узуса, по крайней мере московского [Касаткин (ред.) 2017: 220].

¹⁹ На делимитативно сильном стыке языковые единицы фонетически выдают границу между собой, а на делимитативно слабом — не выдают. Например, звукосочетание [ф'т] невозможно внутри одного лексического слова (всегда [фт]) [Касаткин 2006: 173], поэтому в *любо́[ф'т]а́кя́я* наличие межсловесного шва фонетически маркировано, чего нет в *уло́[ф т]ако́й* (ср. *по[фт]о́ри́ть*). Подробнее см. [Каленчук 2018].

²⁰ Лига в транскрипции опущена сознательно.

²¹ Амбиклитика — клитика, которая способна выступать как в препозиции, так и в постпозиции к носителю [Aikhenvald et al. (eds) 2020: 13; Haspelmath 2023: 17–18]. Амбиклитики, в отличие от проклитик и энклитик в традиционном понимании, не имеют жесткого ограничения на позицию относительно своей вершины.

А. Тимберлейк, правда, употребляет термин *амбиклитика* в другом смысле, имея в виду клитики, о которых нельзя с уверенностью сказать, на какое слово они опираются — на слово-

фонема /д'/ с точки зрения глухости/звонкости ведет себя стандартно для позиции на конце словоформы — мы имеем ничем не примечательный безударный сегмент [в'и'т'] или [в'и'д'] (в зависимости от того, что следует далее). Несмотря на это, реализация звонкой согласной фонемы перед *ведь* не такая, как внутри фонетического слова, — она, подобно звонкой фонеме перед *ли*, реализуется глухим согласным: *грó*[п_в']едь, *замёр*[с_в']едь, *ло́*[ш_в']едь и др. Проще говоря, при употреблении энклитики *ли* и амбиклитики *ведь* фонетическое слово одно, а стык внутри этого слова такой, будто фонетических слов здесь два.

То же самое относится к амбиклитике *вот*: *помó*[к_в]от и т. д. Правда, *вот*, в отличие от *ведь*, часто произносится с нередуцированным безударным [о] (см. [Каленчук 1993: 131; Андреева 2018]), однако важно, что даже при произнесении [э] в энклитическом *вот* эта частица иногда все равно выдает свою отдельность²³.

Представляется целесообразным пересмотреть понятие относительной клитики — учитывать обычное/необычное поведение фонетического слова в целом, а не только клитики. В *замёр*[с_в']едь, *замёр*[с_в]от, *замёр*[с_л']и нет никакой, как писал Высотский, «цельной звуковой структуры единого фонетического слова», которое получается при абсолютной проклитизе/энклитизе: реализация звонкой фонемы здесь такая, как на границе разных фонетических слов, хотя сама клитика произносится без каких-либо особенностей.

В этой связи примечательно некоторое упущение в определениях Касаткина: «Относительные клитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, характеризуются [разрядка здесь и в цитате ниже моя. — Н. Н.] иным произношением звуков, чем внутри одного лексического слова»

форму слева или словоформу справа [Тимберлейк 1997: 75]. В диссертации обсуждаемый термин в таком значении не используется. Описанная ситуация, впрочем, возможна как следствие амбиклитичности в понимании, поддерживаемом здесь (ср. [Haspelmath 2023: 18]).

²² Впрочем, в эксперименте М. Л. Каленчук, проведенном в 80-е гг. XX в., крайне низкий процент произнесений [э] в *ведь* был отмечен только при проклитическом употреблении; при энклитическом же гласный [э] произносили во много раз чаще, чем в проклитике: 8 % произнесений [э] было зафиксировано в сочетании *о́н ведь обеща́л*, 16 % — в *до́ма ведь лу́чше*, 20 % — в *гра́дусник ведь разби́ли* [Каленчук 1993: 130–131].

²³ При проклитическом употреблении гласный [э] в первом предударном слоге тоже выдает особый статус *вот* (ср. союз *да*).

[Касаткин 2006: 74]. Таким образом, для признания клитики относительной нужно, чтобы именно она характеризовалась произносительными особенностями. Абсолютные же клитики определяются с учетом всего фонетического слова: «Абсолютные проклитики и энклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в одно фонетическое слово, где гласные и согласные звуки произносятся как в одном лексическом слове...» [Касаткин 2006: 73].

В первом случае речь идет о произнесении звуков как «внутри одного лексического слова» исключительно по отношению к клитике (*клитики ... характеризуются*), а во втором — по отношению к фонетическому слову целиком (*...в одно фонетическое слово, где...*). Выходит, амбиклитика *ведь* ни абсолютна, ни относительна, потому что «своих» фонетических особенностей у нее нет, в то время как звуки в фонетическом слове с *ведь* произносятся не совсем так, как в одном лексическом слове. Всё это напоминает историю с союзом *да* (см. выше). Наверное, привязка к фонетическому слову целиком нужна в обоих случаях — и в этом отношении надо вернуться к интерпретации Высотского.

Поскольку клитика может быть ударной, нужно понять, как соотносится наличие/отсутствие ударения с характером фонетического примыкания клитики к опорной словоформе. Придерживаясь касаткинского определения абсолютных и относительных клитик, его можно применять только к безударным словоформам. Однако ударная клитика тоже может не демонстрировать никаких фонетических особенностей. Так дело обстоит с *на́ голову* [на́_гэ́лову], где предлог неотличим, скажем, от приставки в *на́званный* [на́звэны́и], или с *по́д руки* [по́д_рук'и³], где /д/ закономерно реализуется звонким [д] перед сонорным [р]. То есть эти клитики, несмотря на ударение, подобны безударным клитикам типа *на* в *на го́род* (*погляде́ть*) — фонетически не выдают своего морфосинтаксического отличия от омонимичного префикса.

Впрочем, не совсем понятно, бывают ли клитики одновременно ударными и относительными. В сочетаниях вроде *скво́д[с' а³]блака́* представлено неклитическое употребление *сквозь*, так как этот предлог ударен наряду с существительным (разница лишь в силе ударения), из чего следует, что здесь два фонетических сло-

ва, а не одно, как в *на́ голову* и *по́д руки*²⁴. Получается, *сквòзь* нельзя назвать ударной относительной клитикой — на самом деле мы имеем дело с полуклитикой (см. п. 1.2.1).

Таким образом, абсолютность и относительность клитик продуктивнее определять в зависимости от особенностей реализации фонем внутри фонетического слова целиком, то есть надо учитывать произношение не только самой клитики, но и ее носителя. Не совсем ясным остается вопрос о классификационной связи ударности/безударности и степени примыкания клитики к носителю, поскольку непонятно, бывают ли клитики ударными и относительными одновременно.

1.3. Русские фонетические клитики: история изучения

Краткий очерк, представленный в этом параграфе, построен по хронологическому принципу. Это оправдывается стремлением продемонстрировать, как именно в русистике накапливались сведения о произношении клитик и как зарождался и развивался функциональный анализ сегментных особенностей их произношения.

В русской грамматической и фонетической традиции термины *энклитика* и *проклитическое слово* стали употребляться довольно поздно — во 2-й половине XIX в., хотя, как было указано выше, термин *энклитика* древний, да и энклитические единицы были как в старославянском и церковнославянском, так и в древнерусском и затем русском языках. Пользоваться же термином *клитика* в русистике начали только в середине — 2-й половине XX в. Несмотря на это, если обратиться к работам XVI–XIX вв., некоторые сведения о произношении клитик можно найти даже вопреки тому, что тогда специального однословного названия проклиза и энклиза и их результаты не имели.

²⁴ Вполне реален и вариант *скво[с' _а³]блака́*, но в данном случае важно рассмотреть именно слабоударное *сквòзь*. При обсуждении таких вопросов полезно помнить, что колебания между безударностью и слабоударностью в русском языке изучены плохо.

Однако, перед тем как перейти к анализу источников, необходимо сделать несколько замечаний относительно изложенного материала.

Во-первых, изучая отражение произносительных особенностей русских клитик в лингвистических работах, полезно будет искать фонетические клитики в любой трактовке, включая клитики — безударные словоформы (см. п. 1.2.1). Это позволит адекватнее и полнее представить накопленные лингвистами сведения.

Во-вторых, существенно, что транскрипционные записи других ученых (включая записи «полутранскрипционные», характерные для XVIII–XIX вв.) даются без изменений, причем сохраняются почти все особенности их оформления, в частности опечатки. Исключение делается для курсивного выделения и шрифта.

В-третьих, из проанализированных источников, содержащих сведения о клитиках, извлечена информация именно фонетического характера — без морфологии клитик. Например, рассматривается реализация /с/ как [ш] в предложении *с* перед шипящим щелевым следующего слова, но не комментируется алломорф *со* (*со всеми* и пр.), поскольку чередование /о/ с нулем фонемы носит морфологический характер.

Далее, в XXI в. важны в первую очередь эксперименты, посвященные клитикам, поэтому их целесообразно рассмотреть в следующих главах диссертации, сравнивая их результаты с результатами, полученными в ходе экспериментов, выполненных в рамках настоящего исследования. Такой подход кажется более продуктивным: эксперименты, проведенные в начале XXI в., будут *сразу же* сопоставляться с новыми экспериментами. Примерно то же самое относится к экспериментам, результаты которых представлены в работах XX в.: подробно некоторые из них рассматриваются в следующих главах, а здесь лишь упоминаются.

Наконец, сведения о клитиках так или иначе встречаются не только в лингвистических работах. Не одно столетие они фигурируют в стиховедческих трудах, и внимание им уделяется, например, в книгах по сценической речи. В предлагаемой диссертации анализируются преимущественно языковедческие работы, так как в фокусе внимания — сегментные произносительные особенности русских

клитик, а не возможные колебания между ударностью/безударностью в стихах, составление списка клитик для освоения их актерами и пр. В то же время в выборку источников включено несколько работ, где комментируется именно *просодия* клитик, что объясняется стремлением к более глубокому освещению заявленной темы.

1.3.1. Конец XVI — XIX вв.

Клитики фигурируют в восточнославянской языковедческой традиции как минимум с конца XVI в. — они упоминаются в церковнославянской грамматике Лаврентия Зизания [Зизаний 1596]. Почти ничего о них не говоря, Зизаний все же отмечает сочетания вроде *сего́ же* и *спа^сти́та*, где вместо двух «требуемых» ударений мы имеем одно. При этом далее, при описании предлогов и союзов, как примеры используются сочетания, где у служебных слов тоже отсутствуют знаки ударения: *предомно́у*, *хо́ди^т* и *трѣждáется* и нек. др. Хотя никаких комментариев о сегментных особенностях клитик Лаврентий Зизаний не дает, само их упоминание — пусть и мельком — в грамматике конца XVI в. свидетельствует о том, что восточнославянские грамматисты рано обратили внимание на безударность некоторых слов.

Подробнее описаны энклитики в грамматике М. Смотрицкого [Смотрицкий 1619], вышедшей почти через четверть века после грамматики Зизания и тоже посвященной нормам церковнославянского языка. Он отмечает гораздо больше сочетаний с безударными речениями: *что́ се*, *что́ е́сть*, *мы́бо*, *сы́немой*, *оу́слыши ма* и нек. др., в которых второе слово «беспросодийно», что показано отсутствием знака ударения. Более того, объясняются условия такой безударности — этому автор посвящает три наставления. Таким образом, описание Смотрицкого в этом отношении детальнее, чем вскользь брошенный комментарий Зизания.

Очевидна обусловленная общей ориентацией на античную грамматическую традицию попытка автора уподобить правила церковнославянской акцентуации древнегреческой: Смотрицкий отмечает, что если односложное речение следует

за речением, состоящим более чем из одного слога и имеющим «тяжкое» (тяжелое, тупое) или облеченное ударение на последнем слоге, то такое ударение претворяется в острое. (Ср. изложенные выше сведения о древнегреческих энклитиках и об отсутствии обычного в других позициях чередования острого наконечного ударения с тупым, если далее следует энклитика.) Смотрицкий, подобно Зизанию, никаких сегментных произносительных особенностей энклитик не фиксирует.

В первой дошедшей до нас грамматике русского языка — грамматике Г. Лудольфа 1696 г., представленной в оригинале и переводе на русский в [Ларин (пер.) 1937], — ничего о безударных словах напрямую не сообщается, хотя Лудольф был знаком с грамматикой Смотрицкого и, скорее всего, знал его наставления, касающиеся энклитик. Не исключено, что отсутствие в работе Лудольфа сведений о клитиках связано с абсолютной неактуальностью акцентологических рекомендаций Смотрицкого для русского языка. Единственное, что можно отметить, — это написания типа *давнoли*, *крылоли* (с другой стороны, есть *завтракаль ли*), *снами* и нек. др., намекающие на слитное произношение автором этих сочетаний. Тем не менее они нигде не комментируются.

В «первой русской грамматике на родном языке» — во фрагментарно сохранившейся грамматике В. Е. Адодурова, написанной в 1738–1740 гг. [Адодуров 2014: 231–254], — клитики тоже отдельно не описываются. Отмечаются чередования глухих со звонкими: *ра³бить*, но *расто³пить* — и зубных с передненебными перед передненебными [Адодуров 2014: 236–237], однако в качестве примеров проклитики не приводятся. Только в 31-м параграфе есть любопытное замечание о том, что описанные Адодуровым чередования распространяются и на предлоги [Адодуров 2014: 238]. Впрочем, Адодуров называл так не только предлоги в современном понимании, но и приставки [Адодуров 2014: 251–252], так что комментарий этот не посвящен отдельно проклитическим предлогам.

В. К. Тредиаковский уже отмечает некоторые сегментные фонетические правила, распространяющиеся на сочетания с клитиками. В его правилах «чистого выговора», во-первых, фиксируется мена глухих шумных на звонкие перед шум-

ными звонкими и обратная мена перед глухими: написанию *надъ хоромамі* и *съ большнію* соответствует произношение *натъ хоромамі* и *съ большнію* [Тредиаковский 1748: 404]. Там же, во-вторых, отражено чередование взрывного и щелевого заднеязычных перед /к/ и /г/ на стыке проклитики и носителя: пишем *къ кому, къ королю, къ Граматамъ*, а произносим *хъ кому, хъ королю, хъ Граматамъ* [Тредиаковский 1748: 408]. Тем не менее осознания того, что служебные слова могут произноситься без ударения и фонетически примыкать к другим словам, пока не произошло: «...ібо нієдінаго слѡва безъ просодіі выговоріть челоуѣку невозможно» [Тредиаковский 1748: 239].

Немногочисленные сведения как о сегментной, так и о суперсегментной стороне произношения клитик есть и в грамматике М. В. Ломоносова. Хотя он, разумеется, не употребляет термины *проклитика* и *энклитика*, все же из текста можно извлечь некоторую информацию об этих единицах. Например, Ломоносов, описывая влияние шумных глухих («твердых») и звонких («мягких»)²⁵ согласных на предшествующие шумные, указывает, что *отъ горы* и *къ добру* следует читать как *одгоры* и *гдобру* [Ломоносов 1755: 48]. Кроме того, «в обыкновенных разговорах» [з], [с], [т] на конце предлогов²⁶ «сливаются» с последующими шипящими: «...съ шумомъ, изъ шерсти, отъ червей, съ жилами, выговаривают: *ишшумомъ, иишшерсти, оччервей, жжилами*» [Ломоносов 1755: 48].

Безударные слова отмечаются только в одном месте — это несколько речений, которые «состоятъ изъ одной согласной буквы съ безгласною; что только въ сочиненіи съ другима реченіями быть можетъ, когда она съ послѣдующими или съ предъидущими въ одинъ слогъ сливается, напр: КЪ, ВЪ, ЛЪ [ЛЪ. — Н. Н.];

²⁵ Не считая губных [в] и [в']. Вообще, в этой части классификации Ломоносова есть противоречие: сначала он называет «мягкими» (то есть звонкими) как шумные, так и сонорные согласные [Ломоносов 1755: 19], так что ломоносовское *мягкий* = современное *звонкий*, *твердый* = современное *глухой*; а потом выделяет **в одном ряду** с мягкими и твердыми третью, отдельную группу *плавных* ([в], [л], [м], [н], [р]), к которой термины *твердый* и *мягкий* не применяются [Ломоносов 1755: 45], поэтому выходит, что *мягкий* ≈ *шумный звонкий*, *твердый* ≈ *шумный глухой*, *плавный* ≈ *сонорный* (а если считать [в], [в'] сонорными [Князев, Пожарицкая 2011: 39], то последнее соответствие точное, а не приблизительное).

²⁶ Причем, по терминологии Ломоносова, *предлог* = современный *предлог* + *приставка*, в то время как современный *предлог* = раздельный предлог, а *приставка* = слитный предлог [Ломоносов 1755: 57–59].

ЖЪ: *Къ тебѣ, въ полѣ, можноль, онажѣ*» [Ломоносов 1755: 50]. Иными словами, *къ, въ* не образуют отдельного слога и являются проклитиками, а *ль, жѣ* не образуют отдельного слога и представляют собой энклитики. Больше ничего о безударных словах в [Ломоносов 1755] не сообщается.

Итог научных лингвистических изысканий XVIII в. подведен в грамматике А. А. Барсова, где учтены наработки предшественников и развиты некоторые из них. С одной стороны, вслед за Ломоносовым Барсов приводит примеры мены глухих на звонкие в предлогах: *съ болѣзнію* — *зѣ болѣзнію, отъ дяди* — *одъ дяди* и пр. — и шипящие реализации /с/, /з/ перед /ш/, /ж/: *изъ шѣрсти* — *ишѣ шѣрсти, съ жаромъ* — *жѣ жаромъ* («онѣя жѣ перемѣны иногда умножаются, и какъ бы по степенямъ происходятъ», то есть здесь через «степень» *исъ шѣрсти* и *зѣ жаромъ* соответственно) [Успенский (ред.) 1981: 60–61]. С другой стороны, в дополнение к наблюдениям Ломоносова и, вероятно, вслед за Тредиаковским автор дает примеры, иллюстрирующие мену в клитиках звонких согласных на глухие: *изъ храма* — *исъ храма, изъ цѣркви* — *исъ цѣркви, ктожѣ фыкает* — *ктошѣ фыкает* (энклитика!) и др., а также, что более важно, отмечает для предлога *к* реализацию взрывной фонемы /к/ щелевым [х] в позиции перед [к]: «...*къ кому, къ какому, къ королю*» [Успенский (ред.) 1981: 61]. Барсов, кроме этого, пополняет примеры Ломоносова, иллюстрирующие слияние «безгласного» слога со следующим или предыдущим словом, — дает еще клитики *бѣ* и *съ* [Успенский (ред.) 1981: 67]. Наконец, прогресс заметен в осмыслении безударности клитик — Барсов прямо говорит, что «односложныя слова по большей части выговариваются вмѣстѣ съ предыдущимъ или послѣдующимъ словомъ заодно, т. е. подъ однимъ удареніемъ, привлекая оное на себя или съ себя свергая, на пр. съ предыдущимъ: *были-ли, видѣли-бы, сказали-же, былѣ-ли, нѣ-былѣ, // нѣ-были, на-гору, на-море, на-морѣ, за-море, <с послѣдующи^м> за-морѣ, не-бѣду, не-онѣ, не-стѣлѣ, изъ-за-морѣ, и изъ-за-морѣ*» [Успенский (ред.) 1981: 81]. В этом перечне приводятся как безударные, так и ударные клитики. При этом обращает на себя внимание замечание об «одном ударении» вне зависимости от его места, то есть, видимо, Барсов осознавал,

что «выговор заодно» сохраняется даже в том случае, если односложная клитика ударна.

В 1-й половине XIX в. выходят грамматики Н. И. Греча, в одной из которых он дает рекомендации по грамотному произношению. Упоминает Греч и клитики. Отмечается произношение [х] вместо [к] в предлоге *к* в тех же случаях, что представлены в работе Барсова, то есть когда этот предлог употребляется «предъ словами, начинающимися тою же буквою *к*; напримѣръ: *къ кому*, произносится *хкому*» [Греч 1827: 462]. Отражена безударность некоторых клитик — с возможностью перехода на них ударения: *идеешь по́ полю, я не́ былъ тамъ* и др. [Греч 1827: 483]. Примечательно, что Греч фиксирует чередование [и] с [ы] после согласного предлога: «...слова: *въ иномъ, съ Иваномъ, предъидущій* произносятся: *выномъ, сываномъ, предыдущій*» [Греч 1827: 461]. В целом описание клитик у Греча беднее, чем у Барсова.

В грамматике А. Х. Востокова, изданной в середине XIX в., отмечается мена в проклитике глухих на звонкие перед звонкими следующего слова: «...*къ Богу, къ добру, къ жизни, къ землѣ*, произносятся как бы: *г Богу, г добру, г жизни, г землѣ*» [Востоков 1859: 249]. Однако чередование свистящих с шипящими, в отличие от Ломоносова и Барсова и как будто бы вслед за Гречем, Востоков не фиксирует. В то же время у него описано явление, которое не отражено Ломоносовым и только отчасти зафиксировано в грамматиках Барсова и Греча, а именно реализация /к/ как [х] не только перед [к], но и перед [т], [ч']: «Передъ твердыми же согласными *к, т, ч*, буква *к* произносится какъ *х*, напр. *къ кому, къ тому, къ чему, кто*, — *хкому, хтому, хчему, хто*» [Востоков 1859: 249]. Что касается просодии клитик, то Востоков ограничивается одним предложением: «Односложныя слова могутъ быть безъ ударенія» [Востоков 1859: 3]. То есть односложные слова бывают ударные и безударные, но дальше мысль не развивается — остается как бы повисшей в воздухе.

В конце XIX в. В. А. Богородицкий, подробно описывая русскую фонетику, в разных местах монографии [Богородицкий 1887] приводит в качестве примеров сочетания с клитиками. Здесь встречается и уже традиционно фиксируемое

произношение вроде [з_г]óру: «...фонетически (согласно съ произношеніемъ) мы должны написать рассматриваемое слово: “згóру”» — или [ф_т]ом: «...“въ томъ” — это по правописанію, фонетически же — “фтóм”» [Богородицкий 1887: 18] (см. также [Богородицкий 1887: 52, 68–69, 268]); и не менее традиционное чередование свистящих с шипящими перед шипящими: «Если вмѣсто “съ шапкой” произносятся “шшапкой”, то въ этомъ вы легко усмотрите явленіе *ассимиляціи*» [Богородицкий 1887: 23]. Что касается сочетания *к кому*, то в противовес предшественникам комментариев Богородицкого оказывается более аккуратным — он фактически констатирует варианты: «Мнѣ кажется, что долгій или сильный взрывной согласный можетъ быть произнесенъ и въ началѣ слова, напр. **к**кому (обыкновенно же произносятся **х**кому, т. е. “къ кому”» [Богородицкий 1887: 35]²⁷. Иными словами, автор допускает в *к кому* произнесение имплозивного [к] перед взрывным [к] — наряду с «обычным» [х] в той же позиции²⁸.

Особенно примечательно, что Богородицкий уже пользуется термином *энклитика*, а его «образецъ научно-фонетическаго письма» (далее — образец) указывает на то, что автор транскрипции прекрасно осознавал безударность некоторых слов²⁹: *ос'ичѣка* (*ось и чека*), *па́гол_му* (*по голому*), *така́дно_з'друз'ім* (*так одно за другим*), *какн'іб'іл_с'єр'д'єч_нѣ* (*как ни бился сердечный*), *х_а_т'брос'та́т'час* (*хоть брось тотчас* — с вариантом *х_т'брос'та́т'час*), *шт_а_на_д_ь_бы_л_бы'іj_ѣмува́з'іт_с_с_а_б_о_ј* (*что надо было бы и ему возить с собой*) и др. [Богородицкий 1887: 106–107]. Энклитикой в комментариях к образцу называется уже во фрагменте *кладъ тяжеля, а какъ уже разъ загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось тотчасъ*: при слитном произнесении *какъ уже* «словечко “уже” является энклитикой и при-мыкаетъ къ предъидущему слову» [Богородицкий 1887: 113]. В этом же фрагмен-

²⁷ Там же отмечается произношение долгого фрикативного в сочетании *въ воду* (в транскрипции автора — *вв_о_ду*).

²⁸ В этой связи следует обратить внимание на примеры [к'к'іту́] и [з'з'іп'ѣ] [Богородицкий 1887: табл. после 278].

²⁹ Ударение в обсуждаемой грамматике обычно обозначается акутом (á), однако в образце ни акутов, ни грависов (à) нет — вместо них для обозначения разной проминентности используются шрифтовые выделения: курсивом маркируется слог под словесным ударением, полужирным выделен слог под логическим ударением.

те *хоть* произносится «довольно быстро, почти какъ *хѣт'*»³⁰ [Богородицкий 1887: 113] — и оно тоже безударно, как и *уже*. Эксплицитно безударность и энклитичность Богородицкий связывает в другой части своих комментариев: «Союзъ *а* произносится съ удареніемъ, но не сильнымъ, такъ какъ логическое удареніе не падаетъ на это словечко. Подобнымъ же образомъ союзъ *но*. Союзы эти, слѣд., не энклитики» [Богородицкий 1887: 110]. Отсюда совершенно ясно, что для Богородицкого энклитики обязательно безударны.

Термины *проклитика* и *проклитическое слово* не встречаются в работе Богородицкого, несмотря на то что они в то время, в конце XIX в., употреблялись [Брокгауз, Ефрон (изд.) 1898: 383], да и в транскрипционном образце проклитики фиксируются. Стоит отметить одно из наблюдений А. И. Александрова, помещенных в книге после авторских комментариев к образцу: «Предлоги съ словами, къ которымъ они принадлежать, относительно вокализма составляютъ одно цѣлое» [Богородицкий 1887: 116]. Судя по всему, оба лингвиста знали о просодическом слиянии непроизводного предлога и самостоятельного слова.

Далее, Богородицкий рассматривает произношение согласного перед мягким согласным (сочетания типа С(')С'), при этом имеется несколько десятков примеров, где первый согласный сочетания принадлежит проклитике³¹: *ѳ'к'іт'ѣ*, *в'д'ікм* наряду с *вд'ікм*, *кв'ѣр'ѣ* и др. [Богородицкий 1887: табл. после 278]³². Однако закономерности в реализации согласных фонем в позиции перед мягким согласным не анализируются отдельно для позиции внутри слова и для сандхи между клитикой и опорной словоформой. Тем не менее встречается мельком брошенное, но важное замечание: «...книжное вліяніе можетъ еще осложняться вліяніемъ *аналогіи*; на прим. въ префиксѣ: с н'ім (вм. с'н'ім т. е. “съ нимъ”) ↑ с нам'ї с вам'ї и т. п...» [Богородицкий 1887: 273]. Но скорее всего, это наблюде-

³⁰ Напомню, что [ѣ] = [э]: это гласный среднего ряда и среднего подъема, произносимый без огубления (аналогичные лабиализованные — [ѣ°] = [э°]). Ер в настоящей диссертации используется только при передаче транскрипций других авторов.

³¹ Вне цитаты, выделенной кавычками или квадратными скобками (при цитации транскрипций), курсив в оригинале заменен на подчеркивание.

³² Комментируются сочетания зубных с [л'], в том числе зубной + [л'] в предлоге *для*: *дл'а*, но отмечено: «Быть можетъ, въ группахъ *тл'* и *дл'* согласные *т* и *д* произносятся съ среднею мягкостью, или даже вполне мягко» [Богородицкий 1887: 276].

ние относится не только к предлогам, но и к префиксам в современном, узком смысле — и тогда междусловный характер шва в описании оказывается в одном ряду со стыком приставки и корня.

Наконец, Богородицкий косвенно отмечает безударность союза *что* при ударности местоимения *что* [Богородицкий 1887: 60], что, кстати, отражено в образце: во фрагменте *что надо было бы* [штáна^{дь}бы^лб^ьы] изъяснительный союз *что* безударен, а во фрагменте *что ни дѣлалъ* [штон'íð'æ̌ľ] относительное местоимение *что* ударно. Любопытно, что, по мнению ученого, в союзе произносится отнюдь не [ъ] (то есть [ə]), а более открытый гласный [ǎ], близкий к [a^ə], но не тождественный ему (вероятно, [ǎ] ≈ [ʌ] в МФА³³ — см. [Богородицкий 1887: 162–163]).

Итак, безударность некоторых слов была замечена еще в доломоновских грамматиках: упоминает атонированные речения Л. Зизаний, а М. Смотрицкий даже дает несколько наставлений, объясняющих, в каких случаях встречаются безударные слова в церковнославянских текстах. Несмотря на это, в своих трудах Г. Лудольф, В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский совсем не касаются, а М. В. Ломоносов почти не касается просодии клитик. Однако Тредиаковский и Ломоносов, если суммировать их наблюдения, отражают некоторые сегментные сведения о произношении предлогов-проклитик: чередование шумных по глухости/звонкости в зависимости от глухости/звонкости следующего шумного (*на*[т_х]*орó*ма^{ми}, *о*[д_г]*оры́*), чередование в них зубных с передненебными перед передненебными (*и*[ш_ш]*é*р^{сти}), а также мену [к] на [х] в позиции перед [к] носителя ([х_к]*о*му́). А. Х. Барсов больше внимания уделяет суперсегментным свойствам клитик, напрямую сообщая о том, что «односложные слова по большей части безударны» (*за-моря́*), при этом указывая и на ударные клитики (*за́-мор*е), и приводит примеры, иллюстрирующие мену звонких на глухие в предлогах (*и*[с_х]*ра́*ма), а еще, как и Тредиаковский, фиксирует чередование [к] || [х] в позиции перед /к/ ([х_к]*о*му́). В XIX в. этот набор сведений немного расширяется: чередование, например, [к] с [х] приписывается дополнительно позиции перед

³³ Здесь МФА — Международный фонетический алфавит.

/т/ и /ч/ ([x_т]ому́, [x_ч]ему́), а кроме того, отмечаются отступления от этого чередования (возможно произношение [q_к]ому́)). Как минимум со 2-й половины XIX в. употребляются термины *энклитика* и *проклитическое слово* и отмечается мягкое произношение конечного согласного проклитики, обусловленное позицией перед мягким согласным опорной словоформы ([ф' _к']итэ́, [в' _д']иком наряду с [в _д']иком, но только [к _в']эре]).

1.3.2. XX в.

Во всех работах, написанных до XX в., почти никаких сегментных особенностей произношения русских клитик не отмечается: фонетические закономерности, устанавливаемые для них, те же самые, что и для позиции внутри лексического слова. Так, произношение звонкого на месте глухой фонемы в предлоге к ([г _б]огу), фиксируемое некоторыми грамматистами, ничем не отличается от какого-нибудь о[дг]ада́ть или моло[д'б]а́; [x_т]ому́ первоначально имело ту же природу, что и произношение [хт]о, поэтому здесь не было какой-либо специфики. Тем не менее по мере накопления знаний о произношении предлогов, частиц и союзов все чаще исследователи замечают, что некоторые служебные слова на сегментном уровне обладают какими-то особыми фонетическими чертами. Подавляющее большинство таких наблюдений были сделаны в XX–XXI вв., при этом изыскания XXI в. осмысляют и уточняют в основном те особенности произношения клитик, которые были зафиксированы в прошлом столетии.

В начале XX в. издаются работы В. И. Чернышева, посвященные русскому литературному произношению. В книге [Чернышев 1915] отмечается чередование глухих со звонкими перед звонкими³⁴ и звонких с глухими перед глухими. В качестве примера приводятся и сочетания с предлогами: грамотные люди, по Чернышеву, пишут *къ землѣ, отъ двери, въ концѣ*, а произносят *зземлѣ, аддвери, фканице́* [Чернышев 1915: 40]. Есть пример с энклитикой: *окрън бы* нужно читать как *акрэббы*. Более любопытно другое сочетание знаменательного слова с энкли-

³⁴ Это не касается позиции перед [в] [Чернышев 1915: 41].

тикой: перед тем как объяснить механизм ассимиляции, В. И. Чернышев, анализируя одно из стихотворений А. М. Жемчужникова, указывает на «чисто малоросійскую риѣму: возлѣ — морозѣ ли, съ произношеніем на концѣ звонкаго з» [Чернышев 1915: 40]. Таким образом, литературное произношение, по Чернышеву, предполагает реализацию звонкой /з/ глухим [с] перед энклитикой *ли*. Произношение самой клитики остается неизменным, но, в противовес предыдущему сочетанию с частицей *бы*, открываются возможности для делимитации, которые Чернышев не обсуждает.

Фиксируется известная реализация сочетаний фонем /сш/ как [шш] и /сж/, /зж/ как [жж]: *съ шумом — шишумым, изъ шубы — шишубы, безъ жизни — бежжызни, съ женой — жжэной* [Чернышев 1915: 41]. Специально отмечается, что на стыке предлога и корня буквосочетание *зж* всегда читается как долгий [ж:], что не всегда бывает в других позициях: обычно *уѣзжаю — уежъжяю* (менее часто *уежъдъжяю*) и *позже — пѣжъжи* (менее часто *пѣжъдъжи*), но только *безъ жизни — бежжызни* [Чернышев 1915: 41].

Описывается мена зубных фрикативных на альвеолярные перед [ч'] и [ш':] ([ш'ч']): *съ чѣмъ — щем или шьчем, безъ чести — бещести или бешьчести, безъ щотки — бещѣтки или бешьчѣтки*. Отмечено и чередование по способу образования у заднеязычных согласных перед /к/, /т/, /ч/: *къ кому — хкаму* (вероятно, опечатка вместо *хкаму*), *къ камню — хкамяню* и *къ тебѣ, къ товарищу, къ чему — хтебѣ, хтаваріщу, хчему* [Чернышев 1915: 42].

Прогресс в осмыслении безударных слов замечен в разделе о делении речи в целом: «Въ печатной книгѣ мы ясно видимъ каждое отдѣльное слово, но тамъ слова раздѣлены по правиламъ правописанія, а не по произношенію. Такія написанія, какъ: въ селѣ, съ горы и под., в книгѣ представляютъ по два слова, но здѣсь предлоги въ и съ отдельно не выговариваются и со стороны произношенія никакъ не могутъ считаться отдѣльными словами» [Чернышев 1915: 60]. Далее эта мысль поясняется: «Съ точки зрѣнія произношенія наша живая рѣчь, какъ и письменная, тоже можетъ быть разложена на слова, но самостоятельнымъ словомъ въ произношеніи можетъ считаться только такое, которое имѣетъ на себѣ

ударение. Слова неударяемые (союзы, предлоги, частицы) относятся к тѣмъ словамъ, съ которыми они поставлены» [Чернышев 1915: 61]. То есть В. И. Чернышев, по сути, описывает клитики, хотя их так не называет³⁵; вот несколько примеров того, о чем идет речь: как отдельные «самостоятельные слова в произношении» рассматриваются *до крайности, но лишней, и во дворъ* [Чернышев 1915: 61]; см. также другой раздел книги Чернышева, где представлен разбор небольшого текста с точки зрения ослабления безударных слогов по формуле А. А. Потебни: *не знаетъ* (2 + 3 + 1), *на вѣтъкѣ* (2 + 3 + 1), *и поетъ* (1 + 2 + 3) [Чернышев 1915: 29–30].

Крайне детально для работ 1-й половины XX в. описаны клитики в грамматике Р. Кошутича. Прежде всего, не только напрямую сказано, что некоторые слова в русском языке безударны, но и дано название этим словам: в русском языке есть проклитики, примыкающие к следующему слову (*въ, къ, надъ, отъ; и, а, но* и др.), и энклитики, примыкающие к предшествующему слову (*же, ли, -то* и нек. др.), — в обоих случаях образуется одно ударное слово [Кошутич 1919: 225]. Более того, из всех проанализированных работ именно у Кошутича обнаружено, кажется, первое упоминание полуклитик — таких слов, которые, если несколько упростить картину, могут регулярно быть как безударными, так и ударными: к ним Кошутич причисляет предложные единицы *вокруг, между, против* и союзы *если, или, хотя*; в отдельную категорию попадают полуклитики — местоимения, некоторые числительные и наречия [Кошутич 1919: 225–226]. Причем удивительно, что Кошутич не просто выделяет клитики и единицы, занимающие промежуточные положение между клитиками и просодически самостоятельными словоформами, а еще и отмечает, что безударность в случае по крайней мере некоторых полуклитик, например личных местоимений, не влечет за собой редукции, и иллюстрирует это поэтическими примерами [Кошутич 1919: 358–361].

³⁵ Причем термин *энклитика* был Чернышеву известен: это слово фигурирует у него в другой работе — при перечислении греческих слов, которые следует употреблять в литературной речи с начальным э, а не е [Чернышев 1914: 54]. Тем не менее ни в этом труде, посвященном преимущественно фонетике (как ее понимает автор), ни в анализируемой здесь книге [Чернышев 1915], описывающей «законы и правила русского произношения», безударные слова, примыкающие к ударному и/или неспособные самостоятельно образовывать фонетическое слово, специального однословного названия не имеют.

Одновременно с этим много внимания уделено чисто сегментным особенностям клитик. Указывается, что союзы *да* и *хоть* произносятся с [ъ]; то же с некоторыми оговорками относится к союзам *что*, *чтобы* и *чтоб*, служебному *так*, союзу *как* [Кошутин 1919: 45–51]. Отмечено появление [и³] ([i]) в амбиклитике *ведь* во втором предударном слоге [Кошутин 1919: 56]. В дополнение к традиционно фиксируемым чередованиям по глухости/звонкости на конце предлогов перед шумными, отражено оглушение звонкого перед гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный на конце предложных единиц *близь*, *вокругь*, *сквозьь*, *противь*. При описании позиционной мягкости в кластерах C(')C' учтены предложно-падежные группы [Кошутин 1919: 141–143, 148–150, 152–156, 162]. Кроме того, Р. Кошутин фиксировал произносительные варианты с мягким свистящим, нарушающие традиционную мену зубных фрикативных на передненебные перед передненебными: «...изъ числа́ из бро́жа = "с'ч"сѣ́а или: "ш'ч"сѣ́а; съ чѣ́стнымъ с по́штенем = с'ч'ѣ́сн^{бл}м или: ш'ч'ѣ́сн^{бл}м, и т. д.» [Кошутин 1919: 70]. К последнему наблюдению не раз будут возвращаться самые разные лингвисты.

Некоторые особенности произношения проклитик отмечают Н. Н. Дурново. Говоря о звуке [э], он объясняет, что этот гласный «произносится только за слог, за два и дальше до ударения и после ударения и обозначается буквами “о” и “а”», однако фиксирует исключения из этого правила: «Непосредственно перед ударением этот звук произносится только в словах **да**, **хоть**, **что**, **так**, **как**, напри́м.: Однажды лебе́дь, ра́к **да** щука... **Да** здравствует!... <...> захотелось им **хоть** раз. **Хоть** римский твой и чуден о́гурец... Не говори, **что** плохо. <...> рас-сказать, **что** солнце встало. А **так** ты? **Так** ты не хочешь? Ну, **так** что ж? **Так** вот, в чём дело! **Как** только он сказал... Он работает, **как** вол. Всё **как** будто вымерло» [Дурново 1924б: 16]. Таким образом, Дурново тоже фиксирует не просто безударность некоторых слов, а то, что в них в первом предударном слоге произносится именно [э], а не [а³] или [а].

Стоит заметить, что в первом русскоязычном словаре лингвистических терминов [Дурново 1924а] нет статей, посвященных клитикам, хотя, например, там

есть статьи *ударение* и *выдыхательное ударение*, где можно было бы упомянуть проклитики и энклитики.

Рекомендации Д. Н. Ушакова в целом сходятся с предписаниями Н. Н. Дурново: Ушаков тоже считал, что *коли*, *хоть* и союз *да* следует произносить «со звуком ь» [Ушаков 1995: 174]. Тем не менее одно противоречие все-таки есть: Ушаков, в отличие от Дурново, утверждал, что [ь] ([э]) произносится только в союзе *да*, но не в омографичной частице, где произносится [а], в то время как Дурново не делал такого разграничения, по крайней мере в работе [Дурново 1924б].

Однако при внимательном изучении ушаковских высказываний о безударных словоформах можно заметить некоторую непоследовательность в том, как описываются сочетания свистящих с шипящими. В школьном руководстве 1929 г. Ушаков исходил из того, что сочетание *с шубой*, как и *бесшумный*, *изжарить*, *изжога*, *сжѐг*, «можно произносить» с долгим твердым [ш:] или [ж:] [Ушаков 1929: 14]. Приводя же примеры *изжога* и *шил*, Ушаков прямо говорил, что их можно произносить двояко — как с долгими шипящими [ж:] и [ш:], так и с сочетаниями [зж] и [сш] [Ушаков 1929: 14–15]. В других работах тех же лет, напротив, никаких похожих оговорок не удалось найти — ни в «Кратком введении в науку о языке» (переиздание 1929 г.), ни в статье «Русская орфоэпия и ее задачи» (напечатана в 1928 г.) [Ушаков 1995: 79, 165]. В орфоэпических правилах, представленных во вводном разделе «Толкового словаря русского языка», таких комментариев тоже нет, однако говорится, что долгий [ж:] между приставкой и корнем в словах типа *безжалостный* и *разжалобить* «обычно» произносится вместо [зж] [Ушаков (ред.) 1935: XXXIII]. Наконец, в своей знаменитой лекции, прочитанной в 1940 г., Ушаков — как бы впроброс — прокомментировал произношение [ж:] между приставкой и корнем так: «А в приставке, в таких словах как *безжа́лостный*, *разжа́лобить*, **если произносят, и это допустимое произношение, [жж]**, оно звучит твердо: *бе[жж]а́лостный* (полужирный мой. — Н. Н.)» [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 194].

В той же лекции содержится два указания на фонетические особенности некоторых частотных клитик. Во-первых, в 5-м пункте своей лекции Ушаков говорит о произношении [э] в союзах *коли* и *коль*, *хоть*, *да*, причем союз *да* снова отличается в этом отношении от частицы *да*, в которой произносится [а] [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 193]. В 15-м пункте, наряду с произношением [ш] в союзах *что* и *чтобы*, отмечается произношение [э] в союзе *что*, отличающемся от местоимения *что*, которое «произносится всегда со звуком [о]» [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 195]. В том же, 15-м пункте в [Ушаков 1995: 176], кстати сказать, произношение гласного в *что* не комментировалось.

А. А. Реформатский придерживался традиционного понимания проклитики и энклитики, однозначно связывая эти явления с атонированностью словоформы: «Безударное слово, примыкающее спереди к ударному, называется проклитикой и такое явление — проклитикой, например: *на́ дому́, мо́й дядя́*, где *на*, *мой* — проклитики; безударное слово, примыкающее сзади к ударному, называется энклитикой, а такое явление — энклитикой, например: *на́ дѣм, сходи́л бы́*, где *дом*, *бы* — энклитики» [Реформатский 1947: 69]. Здесь приводится в качестве примера энклитики самостоятельное слово: это тоже свидетельствует о том, что для Реформатского ключевым при определении клитик является критерий безударности. Примечательно, что при переиздании той же работы были добавлены стихотворные иллюстрации, где как клитики были употреблены прилагательное *старый* и существительное *братец* [Реформатский 1996: 192].

Р. И. Аванесов остановился на описании клитик и полуклитик подробнее. В статье [Аванесов 1948] отмечены такие их особенности произношения: 1) колебания между [э] и [о] в безударном союзе *что*³⁶; оговаривается, что гласный [а] никогда в нем не произносится; 2) [э] в союзе *чтобы* (*штѣбы пр'ишл'и*); 3) безударный [о] в союзах *но* и *то... то* вне зависимости от расстояния до следующего ударного слога; 4) безударный [о] в предлоге *сквозь*; 5) просодическое различие союза *что* и местоимения *что*: союз безударен, а местоимение удар-

³⁶ Это отличает Аванесова от Ушакова, без оговорок утверждавшего в лекции 1940 г., что в союзе *что* нормативно произношение [э].

но; отмечается также безударность союза *чтобы* и ударность местоимения *что* в сочетании *что бы* [Аванесов 1948: 8–9]. Кроме того, Аванесов у некоторых слов отмечает колебания между безударностью и слабоударностью. Так, возможно произношение *кто́-**ь**тъ* з'д'эльл, *зна́им-**мы*** в́ас, *куда́-**вы*** б'ьжы́т'ь³⁷, где энклитическими оказываются местоимения *это*, *мы* и *вы*, а слово *было* «в определенном употреблении» безударно: в контекстах *пришёл было вчера, он было пришёл вчера* произносится *пр'ишóл**бы**ль* ф'ч'ьра́, *о́нбыль* пр'ишóл фч'ьра́; фиксируется частая безударность обращения *брат*: в *Ты, брат, не заговаривай мне зубы* первое фонетическое слово — *ты́**б**рът* [Аванесов 1948: 9]. В брошюре [Аванесов 1958] отмечается также появление [э] в безударном *было*: в высказывании *Я пошёл было вчера в театр* может быть произнесено не только [пашóл бЫ́ль], но и [пашóлбЫ́ль]; фиксируется возможность безударного произнесения вводных слов *так сказать, говорит*: [тЬскьзЫ́т'], [гЬвьр'ит], [гр'ит] [Аванесов 1958: 45]. Там же отмечено произнесение [э] в безударном союзе *коли*, однако он исключение, поскольку другие двусложные союзы имеют слабое ударение: *хотя́* лóшади [хат'а́ лóшьд'и], *когда́* узнáю [кагда́ узнáју], *если́* мóжно [jès'ли мóжнЬ], *бүдто* придёт [бүттЬ пр'ид'óт], *слóвно* ребёнок [слóвнЬ р'иёб'óнЬк], *едва́* стáло рассветáть [iёдвá стáль рьс'в'иётáт']. Удивительнее такое описание становится, если прибавить сюда односложные слабоударные союзы *как* и *раз*. Это еще одно косвенное подтверждение известного тезиса о том, что Р. И. Аванесов связывал — пусть и непоследовательно — отсутствие качественной редукции гласного с ударностью этого гласного, что спорно [Аванесов (ред.) 1983: 684; Каленчук, Касаткина 1993].

Более любопытен в контексте колебаний между безударностью и слабоударностью предлог-полуклитика *перед*, потому что если опираться на транскрипцию Аванесова, то, получается, при безударности в *перед* произносится [д],

³⁷ Как и [ь], обозначение [ь], приблизительно соответствующее [и³] ([и^е]), используется только в транскрипциях-цитатах. Подробнее о причинах отказа от графем [ь] и [Ь] см. [Касаткин 2006: 23–25].

а при слабоударности — [т]: *п'ър'ьдатхóдьм* или *п'ёр'ьт*³⁸ *атхóдьм* [Аванесов 1948: 8]. В работе 1948 г. Аванесов замечает, что то безударным, то слабоударным может быть и предлог *через*, причем в обоих случаях в транскрипции дается [з]. В более поздних его работах фонетически *через* уподобляется *перед* [Аванесов 1958: 42; Аванесов 1974: 104]. Стоит заметить, что в предлоге *сквозь* не произносится [з'], даже если он безударный³⁹ (разумеется, речь не идет о позиции перед шумным звонким).

Таким образом, Аванесов исходил из того, что клитика является безударным словом. Это вытекает из его определения проклитик и энклитик: проклитика — предударное слово, энклитика — послеударное [Аванесов 1948: 7–8]. В целом изложенные Аванесовым сведения о клитиках носили дескриптивный характер и фонологический анализ выявленных особенностей им не проводился.

Функциональный подход к обозначенной проблеме явственно прослеживается в трудах А. Н. Гвоздева. В [Гвоздев 1949] он обращает внимание, что внутри фонетического слова одни произносительные закономерности действуют вне зависимости от того, включены ли в него проклитики и/или энклитики, а другие могут нарушаться, когда есть клитика. К закономерностям первого порядка автор относит, например, «ассимиляцию глухих перед звонкими» при отсутствии паузы: *згары́, атн'óзбы, кóдбóл'ьн*⁴⁰ — и мену свистящих на шипящие перед шипящими: *жжáръм, грúжжъ, нóжжуравл'á*⁴¹ [Гвоздев 1949: 84–85]. Тем не менее есть фонетические правила, которые актуальны не для всех фонетических слов. Так, в союзах возможны [э] в первом предударном слоге: *тигра да (дь) льва* — и нередуцированный [о] в любом безударном слоге (таков союз *но*) [Гвоздев 1949:

³⁸ Акут вместо грависа — это опечатка: автор прямо говорит о колебании между безударностью и «побочным ударением».

³⁹ В своей брошюре, посвященной ударению и изданной в 50-х гг. XX в., Аванесов уже не фиксирует безударный вариант предлога *сквозь*, говоря, что он обычно слабоударен [Аванесов 1958: 42]. То же в словаре [Аванесов (ред.) 1983].

⁴⁰ А. Н. Гвоздев распространяет указанное правило и на стык двух «полных слов», не разделенных паузой, однако некоторые возможные отступления тут все же могут быть: они были экспериментально выявлены и описаны Д. А. Агароновым и Р. Ф. Пауфошимой [Агаронов, Пауфошима 1971]. См. также [Каленчук, Касаткина 2007: 174–176].

⁴¹ Современные эмпирические данные о мене свистящих на шипящие на стыке фонетических слов и ее необязательности см. в кандидатской диссертации [Дурягин 2016].

87–88], в то время как на стыке носителя и частицы *ли* «смягчения не происходит», а «оглушение конечных звонких», наоборот, присутствует: *нав'йс'л'и*, но *нав'йс л'и* (*пов'исли* — *пов'ис ли*); *асл'а́бл'и*, но *асл'а́пл'и* (*осл'а́бли* — *осл'а́б ли*) [Гвоздев 1949: 90–91]. Существенно, что одним фонетическим словом в этой работе считается сочетание как абсолютной, так и относительной клитики и опорного слова, так что фонетическое слово не является, по мнению А. Н. Гвоздева, чем-то перманентным и «одинаковым», «четко сформировавшейся единицей» [Гвоздев 1949: 95].

Необходимо заметить, что отдельно указано на сохранение звонкого согласного в частицах *б* и *ж* в позиции перед гласным или сонорным: *тыба́д'ин* *пашол*, *ана́бньп'исалъ*; *ан'и́жушл'и́*, *ан'и́жрады*, *кр'ич'и́жап'а́т'* (*ты б один пошёл*, *она б написала*; *они ж ушли*, *они ж рады*, *кричите ж опять*) [Гвоздев 1949: 92]. Связь этих служебных слов с самостоятельными, по мнению автора, двусторонняя, что представляет собой «совершенно исключительный случай в русском языке».

Далее, описав произносительные особенности клитик, Гвоздев проанализировал, как благодаря этим особенностям происходит различение языковых единиц. Например, вышеупомянутое «оглушение конечных звонких» перед энклитикой *ли* открывает путь к дифференциации клитики *ли* и комбинированной флексии *-л-и*: так как перед *-л-и* «оглушения» не происходит, следующие фонетические слова будут отличаться глухостью/звонкостью велярного согласного: *пра́д-ро́гл'и* — *пра́дро́кли* (*про́дро́гли* — *про́дро́г ли*). По сути, здесь речь идет о делимитативной функции фонем на различных стыках. При этом делимитативный потенциал реализуется только при определенных условиях (наряду с *про́дро́[гл']и* — *про́дро́[к_л']и* есть случаи вроде *засо́[хл']и* — *засо́[х_л']и*). Любопытно также следующее наблюдение Гвоздева: «Характерно, что служебные слова (проклитики и энклитики), с одной стороны, демонстрируют тесную связь с знаменательными словами, с другой, обнаруживают некоторую обособленность от них» [Гвоздев 1949: 97].

Из тех же положений исходил А. Н. Гвоздев, критикуя учение С. К. Шаумяна, а именно недостаточное объяснение того, что он считает *словами*: «Но он [С. К. Шаумян. — *Н. Н.*] совершенно не касается вопроса, как он понимает слово, включает ли он в слово проклитики и энклитики. Выше было показано, что их включение в слово приводит к тому, что в ряде случаев “смешанные” фонемы оказываются наравне с подлинными фонемами единственными различителями таких “больших” слов (*увяз ли — увязли*); с другой стороны, выключение энклитик и проклитик из слова и признание их за самостоятельные слова и самостоятельные фонетические единицы, помимо того, что это противоречит самым очевидным фактам их фонетической несамостоятельности и зависимости от слова, к которому они примыкают, создают ряд новых затруднений» [Гвоздев 1953: 54]. Клитики, таким образом, представляют некоторую сложность при определении фонетического слова и — шире — построения непротиворечивой и полноценной фонологической теории.

Л. Р. Зиндер тоже отмечал безударность некоторых слов: «В русском языке, напротив [в отличие от французского. — *Н. Н.*], ударение является постоянным признаком слова: слово и в предложении сохраняет присущее ему ударение. Исключение составляют только короткие служебные слова, лишенные в предложении самостоятельного ударения и потому являющиеся либо проклитиками, если они присоединяются к следующему за ними значимому слову (например — *перед домом, на мосту* и т. п.), либо энклитиками, если они присоединяются к предшествующему значимому слову (например, *читали мы* и т. п.)» [Зиндер 1960: 278]. Такое единство «короткого служебного слова» и слова ударного Зиндер считает более целесообразным называть не фонетическим словом, а *ритмической группой*: по его мнению, при употреблении термина *фонетическое слово* понятие *слово* «теряет свой основной признак» [Зиндер 1960: 278]. Отмечается неразработанность и сложность вопроса о фонетической границе между словами, и упоминаются некоторые примеры Гвоздева, проанализированные выше, но без их подробного обсуждения [Зиндер 1960: 279]. Впоследствии, при переиздании [Зиндер 1960], подробнее обсуждается делимитативная

функция фонем и уже комментируются гвоздевские примеры [Зиндер 1979: 249]. Предлагается еще одно название для фонетических слов — *акцентные группы* [Зиндер 1979: 251].

2-я половина XX в. занимает особое место в истории изучения фонетических особенностей русских клитик не только из-за развития функционального анализа этих особенностей, но и потому, что именно в это время лингвисты начинают проводить эксперименты, исследующие произношение русских клитик. Один из первых таких экспериментов был проведен С. Н. Боруновой [Борунова 1966]⁴². Она проверяла «сочетания *сч, зч* в условиях морфемного стыка» [Борунова 1966: 55], в том числе те из них, которые представлены на стыке предлога и знаменательного слова: *предлог + существительное* и *предлог + прилагательное + существительное*. В этих сочетаниях был зафиксирован низкий процент произнесений [ш':] — обычно произносили [сч'] и [ш'ч'] [Борунова 1966: 71].

В кандидатской диссертации С. А. Барановской 1967 г., посвященной корреляции русских согласных по глухости/звонкости и твердости/мягкости, утверждается, что на границе проклитики со словом распределение смыслоразличительных позиций по глухости/звонкости то же, что и внутри слова: *от окна* [-тл-], но *под утром* [-ду-]; *от врача* [-твр-], но *над врагом* [-двр-] и т. д. [Барановская 1967: 12]. При этом на стыке энклитики или «предлога-непроклитики» и самостоятельного слова позиция по глухости/звонкости всегда слабая: «Выявление глухости-звонкости согласных на стыках двух самостоятельных слов, предлогов-непроклитик (близ, сквозь, вглубь, вслед, вокруг, против, напротив, поверх, поперек, вплоть) со словом, слова с проклитиками следующего слова относится к группе межсловесных стыков. Если второе слово (или его проклитика) начинается с гласного, сонорного согласного, с глухого шумного согласного или с <в>, <в'> плюс гласный, <в>, <в'> плюс сонорный, <в>, <в'> плюс глухой шумный согласный, то конечный звонкий согласный предшествующего слова закономерно оглушается...» [Барановская 1967: 9]. Здесь возможны как минимум два возраже-

⁴² Следует помнить, что в настоящей главе подробные экспериментальные данные не приводятся: они сознательно помещены в следующих главах.

ния. Во-первых, в описываемых позициях реализация конечной согласной фонемы предлога *близ*, указанного Барановской, испытывает колебания, отмеченные позже М. Л. Каленчук [Каленчук 1986: 58–59]. Во-вторых, в реальном употреблении предлоги вроде *близ*, *сквозь* и др. могут регулярно произноситься без ударения, не формируя в таких случаях фонетического слова и контекстуально являясь клитикой. Эти колебания между клитическим и неклитическим употреблением регулярны, поэтому перечисленные Барановской предлоги являются полуклитиками (об этом понятии см. п. 1.2.1 выше). Название *предлог-непроклитика* отражает суть явления недостаточно точно.

В том же году выходит в свет книга [Панов 1967]. В ней М. В. Панов предложил свое видение звуковой системы современного русского языка вообще и осмыслил некоторые произносительные особенности русских клитик в частности.

Панов исходил из того, что, описывая фонетику, все слова следует делить на группы, внутри каждой из которых действуют свои законы: «Изучать фонетические закономерности с оглядкой на систему смыслов необходимо и потому, что разные лексические пласты имеют разные фонетические закономерности. Слова обыденные, общеупотребительные, наиболее частотные фонетически нетождественны “редкостным словам”: терминам, топонимам и пр. Если изучать русскую фонетику, не разграничивая высокочастотную и редкую лексику, то верно определить звуковые закономерности не удастся» [Панов 1967: 27]. Следовательно, законы чередования и сочетаемости фонетических единиц, по мнению Панова, должны устанавливаться внутри каждого «лексического пласта» отдельно: «...надо представить всю фонетическую систему русского языка как ряд подсистем, у каждой следующей — ниже частотность слов, реализующих подсистему, чем у предыдущей, и меньше число этих слов» [Панов 1967: 198]. Недопустимо, например, говорить, что чередование [о] с [а³] в *но́сит* [но́с'и³т] и *носи́ть* [на³с'и́т'] непозиционно из-за того, что есть *кака́*[о] и *ра́ди*[о] с безударным [о], ведь эти слова — из разных подсистем.

Клитикам в работе Панова посвящено буквально несколько страниц. Сначала рассказывается об особенностях произношения словоформ «перед постпозитивными частицами», затем описаны специфические черты «препозитивных частиц»: бегло отмечена возможность появления нередуцированных безударных гласных (произношение безударного [а] после мягкого [л'] в *для в́ас*, [о] без ударения в *но э́то не та́к*), а также особенности сочетаемости конечных согласных некоторых предлогов с мягким согласным опорной словоформы; возможен, к примеру, твердый зубной в предлогах *над* и *от* в сочетаниях *над ни́ми* и *от те́х* соответственно. Теоретически эти особенности осмысляются и вписываются в общую систему благодаря особым фонологическим единицам — **диеремам**⁴³, или разграничительным сигналам: в сочетании *но э́то не та́к* после союза *но* представлена как раз диерема, объясняющая появление безударного [о]. Получается, хотя клитики являются весьма частотными словами, которые, соответственно, нельзя рассматривать как подсистему редких слов, все же запрет безударного [о] оказывается непоколебленным, так как есть диерема #³, а следовательно, ударный гласный [э́] и безударный [о] находятся не в одном фонетическом слове, а как бы в двух. Любопытно, что в самой работе Панова термин *клитика*, равно как и *проклитика* и *энклитика*, не фигурирует — вместо этого автор пользуется описательными оборотами либо употребляет слово *прислонка* [Панов 1967: 187–190]. Впоследствии «диеремные» построения Панова подверглись критике в кандидатской диссертации [Каленчук 1986].

Именно М. В. Панов категорически отвергал приведенные выше наблюдения Р. Кошутича о возможном произнесении свистящего перед [ч']: «...произношение звуко сочетаний [сш], [зш] и т. п. совершенно искусственно и (вопреки мнению Р. Кошутича) в живой речи не встречается» [Панов 1967: 91]. Ср. также другое его замечание: «Но ввиду явно ошибочного утверждения, что возможно произношение (в естественной, не в деланной речи) *чере[с'ч']ур*, *ра[с'ч']истить* и др., все Кошутичевы наблюдения этого круга ненадежны» [Панов 2007: 107].

⁴³ Термин приводится в соответствии с современной орфографической нормой (*диерема*, а не *диэрема*, как в [Панов 1967]).

Стоит отметить, что не совсем удачной в работе Панова оказывается оценка *-ся* как частицы в современном русском языке⁴⁴. Ведь эта единица, в отличие от древнерусского местоимения *сѧ*, к которому она восходит, лишена таких линейно-синтагматических свойств, как переместимость и отделимость, поэтому обоснованнее интерпретация *-ся* в русских глаголах как экстернализованного суффикса [Плунгян 2016: 33–34] (см. также замечание Л. Л. Касаткина о позиции перед *-ся* в [Касаткин 2006: 173])⁴⁵. То же самое относится к сегменту *-то* со значением неопределенности: *кто-то*, *что-то* и др. — и показателю множественного числа *-те* у глаголов в императиве: *закройте*, *идите*, *поставьте*.

В обзоре работ, вышедших в 60-е гг. XX в., стоит уделить внимание монографии [Гард 2015], впервые изданной в 1968 г. В ней предпринята попытка построить акцентологическую теорию, применимую ко всем языкам с ударением. Разумеется, П. Гард рассматривает и клитики.

Сначала имеет смысл кратко изложить ключевые понятия теории Гарда. Ударение, по Гарду, выполняет контрастивную функцию, а именно: ударением создается контраст между звуковыми сегментами, называемыми *акцентными единицами*, в пределах бóльших сегментов, называемых *акцентными единствами*. Во многих языках акцентной единицей является слог⁴⁶, а акцентным единством — слово. При этом способность морфемы или группы морфем создавать акцентные единства называется акцентогенностью. Гард впоследствии уточняет определение слова: это, в сущности, не акцентное единство, а синтагма, *обычно* формирующая акцентное единство: «Нам представляется, что “слово” как раз соответствует рассмотренному выше понятию синтагмы, принадлежащей к тому типу, который в данном языке является обычно акцентогенным»⁴⁷ [Гард 2015: 30].

Но из формулировки *обычно акцентогенным* следует, что в некоторых случаях слово не является акцентогенным, то есть *не формирует отдельное акцент-*

⁴⁴ Трактовка современного русского *-ся* как частицы в принципе не редкость в работах прошлого столетия.

⁴⁵ Но не как транскатегориального форманта — вопреки С. В. Князеву [Князев 2006: 110].

⁴⁶ В некоторых языках — мора.

⁴⁷ Перевод с французского А. В. Андропова и Г. В. Васильевой под редакцией Ю. А. Клейнера и М. В. Гординой.

ное единство, а включается в акцентное единство, сформированное другим словом, являющимся акцентогенным. Вот именно такие слова — неакцентогенные — и есть клитики. При этом делается специальная оговорка: «...клитику не следует определять как безударное слово. Клитическое слово неакцентогенно: это значит, что его наличие в высказывании не влечет за собой появления дополнительного акцентного единства с присущим ему ударением; оно входит в состав акцентного единства, создаваемого соседним словом, но в этом единстве оно может нести отзвук ударения или само ударение» [Гард 2015: 88]. Поэтому, например, в русском выражении *час от часу*⁴⁸ компонент *от* продолжает оставаться, несмотря на свою ударность, клитикой, поскольку само акцентное единство создается сегментом *часу*. Видимо, то же самое относится и к случаям вроде *на́ голову (надеть что-л.)* и пр., где служебное слово является ударной клитикой, а, в свою очередь, самостоятельное слово продолжает оставаться неклитикой (поскольку не теряет акцентогенность).

В статье [Гловинская и др. 1971] не обсуждаются клитики и практически ничего о них не сказано, однако идея этой работы весьма любопытна в контексте обсуждаемой темы: в ней излагается точка зрения, согласно которой, может быть, никаких имманентных тенденций развития фонетика не имеет — она лишь следует за грамматическими (в широком смысле, то есть в том числе за словообразовательными) тенденциями развития языка: «Существуют ли внутренние тенденции развития, присущие фонетической системе языка? Факты как будто заставляют дать положительный ответ на этот вопрос <...>. Возможна, нам кажется, и другая точка зрения. Фонетика не имеет своих собственных законов развития; она лишь отражает законы самодвижения грамматики, а так как тенденции внутренних грамматических изменений бывают длительны, единонаправленны в течение многих веков, то и фонетическое их отражение тоже окажется единонаправленным» [Гловинская и др. 1971: 20]. Получается, системные изменения в фонетике происходят потому, что того требует грамматика. Релевантность такого подхода

⁴⁸ Применительно к современному русскому, вероятно, корректнее говорить о фразеологизме *час от часу не легче*.

к клитикам обусловлена тем, что его можно распространить на фонетические процессы, происходящие при образовании клитик из просодически самостоятельных словоформ. Более того, из этого исходят многие зарубежные исследователи, когда, описывая грамматикализацию, рассматривают, скажем, фонетическую компрессию и потерю просодической самостоятельности как одну из ее частей [Hopper, Traugott 2003: 140–174; Schiering 2006: 53–112].

В то же время подобный взгляд на исторические языковые изменения кажется спорным в некоторых отношениях. Часть фонетических процессов, наблюдаемых в области клитик, действительно могут объясняться «законами самодвижения грамматики», но многие звуковые изменения с трудом поддаются такой интерпретации. Каковы, например, грамматические причины падения редуцированных в славянских языках, палатализации велярных в праславянском, утраты индоевропейских придыхательных согласных в протославянском и мн. др. диахронические переходы? Почему *грамматике* выгодно ослаблять гласные и усиливать согласные — в соответствии с тенденцией Бодуэна де Куртенэ?⁴⁹ Вероятно, подход, представленный в статье [Гловинская и др. 1971], оправдан при изучении каких-то отдельных частей фонетической системы, особенно когда фонетика явно соприкасается с грамматикой, при обсуждении же тектонических произносительных изменений анализ, ориентированный преимущественно на грамматику, может оказаться малопродуктивным.

В 70-е гг. XX в. происходит весьма значимое событие в истории изучения клитик: С. С. Высотский предлагает различать с точки зрения фонетики клитики

⁴⁹ Речь идет о магистральном направлении развития русской фонетической системы: со временем ее вокализм утрачивает различительный потенциал, а сигнификативная роль консонантизма, наоборот, становится значимее. Некоторые фонетисты говорят в таком случае о законе *Панова — Бодуэна де Куртенэ*, исходя из того, что изначальная идея И. А. Бодуэна де Куртенэ была развита и доведена до общеизвестной формулировки М. В. Пановым [Соколянский 2010: 227]. Л. Л. Касаткин, впрочем, в одной из своих статей предложил более радикальное переименование, назвав эту тенденцию законом М. В. Панова [Касаткин 1993: 173].

Сам Панов называл эту закономерность то законом [Панов 2007: 442], то тенденцией [Панов (ред.) 1968: 114], тем не менее считать *законом* и направление развития языковой системы, и, скажем, такое вполне конкретное и императивное фонетическое чередование, как ме-на звонкого шумного на глухой в позиции перед глухим шумным, не представляется целесообразным.

абсолютные и относительные — в зависимости от того, наблюдаются ли в звуковом поведении клитики какие-либо «не полностью утраченные признаки прежней самостоятельности слова». Ввиду особой важности этого вопроса он был вынесен в теоретический параграф диссертации — см. п. 1.2.2.

Некоторые экспериментальные данные о произношении клитик и полуклитик *через* можно найти в трудах Л. А. Вербицкой. Исследовав речь петербуржцев и москвичей, Вербицкая пришла к выводу, что на стыке *через*, *без*, *под* или *над* и самостоятельного слова на конце предлога перед сонорным «обязательно произносится звонкий согласный, например: *через век* [č'ir'iz_v'ek], *через лето* [č'ir'iz_l'eta], *без места* [b'iz_m'esta], *под липой* [pad_l'ipaj], *над веткой* [nad_v'etkaj] и т. п.» [Вербицкая 1976: 68]. Это заключение не сходится с описанием Р. И. Аванесова, считавшим, что реализация конечной фонемы предлога *через* зависит от его ударности/безударности.

В начале 80-х гг. выходит статья [Лихтман 1980], посвященная чередованиям глухих/звонких на стыке двух слов. В частности, в этой работе у разных носителей русского языка, включая профессиональных актеров и дикторов, отмечаются отступления от правила, в соответствии с которым на стыке разных фонетических слов перед гласным, сонорным или [в], [в'], за которыми следует гласный или сонорный, должен произноситься глухой шумный вместо звонкого: на одной из записей С. Я. Маршак говорит *приоткры*[в а]кно (вместо ожидаемого *приоткры*[ф а³]кно́), М. Астангов — *утёсо*[в н]агие (вместо *утёсо*[ф н]а́гие), В. И. Качалов — *служителя*[б н']е слишком (вместо *служи́теля* [п н']е слі́шком) и т. д. [Лихтман 1980: 53–54]. Примеры и выводы Р. И. Лихтман заслуживают отдельного обсуждения, однако в контексте диссертационного исследования стоит обратить внимание на следующее соображение, касающееся некоторых клитик и полуклитик: «Наблюдения показывают, что произношение звонкого в частицах *уж*, *ведь*, *ж*, *б*, предлогах типа *вокруг*, связке *будь*, а также перед союзом *и* — обычное явление для тех, у кого на стыках слов знаменательных последовательно звучит глухой... Со звонким согласным звучит нередко и предлог *меж*, о произношении которого в литературе ничего не говорится» [Лихтман 1980: 57]. Звон-

кие реализации конечных звонких фонем на конце перечисленных служебных слов Лихтман предлагает считать «вариантом литературного произношения», поскольку описанное выше фонетическое явление «распространено и “надтерриториально”» [Лихтман 1980: 57].

Нельзя не заметить, насколько разными в XX в. были оценки клитик *б* и *ж* с точки зрения реализации в них звонкой фонемы: если А. Н. Гвоздев фиксирует для позиции перед гласными или сонорными согласными только [б] и [ж] соответственно, а Р. И. Лихтман полагает, что в этой позиции возможны как звонкие, так и глухие аллофоны, то другие лингвисты считали звонкое произношение вроде *кричи́те* [ж а³]*ня́ть* нелитературным. Оценки этих клитик противоречивы.

В 1985 г. была издана монография «От праславянской акцентуации к русской» А. А. Зализняка. Она, как и работа П. Гарда, интересна с точки зрения настоящего исследования в первую очередь тем, что клитические единицы А. А. Зализняк осмысляет не так, как многие другие лингвисты XX в.: «Все словоформы делятся на акцентно самостоятельные (способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу) и клитики (не обладающие этим свойством)» [Зализняк 1985: 118]. Таким образом, основной критерий выделения клитик отнюдь не безударность словоформы, а неспособность ее самостоятельно формировать тактовые группы, так что Зализняк и Гард оказываются представителями того же фонетического подхода, какой принят в качестве исходного в предлагаемой диссертации.

Некоторые тезисы Р. И. Лихтман, а также многие положения других лингвистов о произношении служебных слов, в том числе клитических, были экспериментально проверены М. Л. Каленчук [Каленчук 1986]. В данном случае разумнее говорить скорее о тенденциях, нуждающихся в более серьезной проверке, чем о каких-либо бесспорных результатах, достоверно опровергающих или подтверждающих тезисы других фонетистов: «Социальная однородность группы определенным образом ограничивала нас в выводах, так как мы можем говорить о речи отдельной группы людей, а не об общественной модели языка. Но нашей задачей было исследовать **тенденции в произношении в современный период** [полу-

жирный мой. — Н. Н.] и сравнить нормы произношения в анализируемых позициях, свойственные молодому поколению, с особенностями произношения предшествующих поколений» [Каленчук 1986: 44]. Исследован стык служебного слова со знаменательным с точки зрения глухости/звонкости, твердости/мягкости, места и способа образования. Некоторые результаты экспериментов Каленчук подробно обсуждаются в соответствующих главах настоящей диссертации.

Экспериментальные данные, представленные в кандидатской Каленчук, были дополнены принципиально новым эмпирическим материалом, изложенным в докторской [Каленчук 1993]. Изучен вокализм клитик *без, ведь, для, до, за, но, что* и мн. др. и полуклитик *он, сквозь, твой, тот* и др. [Каленчук 1993: 114–139]. В некоторых клитиках отмечено произнесение нередуцированных безударных гласных [о] и [э], например в *хоть* и *ведь*; высказаны самые разные предположения о факторах, влияющих на колебания между редуцированными и нередуцированными гласными. Этот материал, однако, здесь подробно не комментируется, поскольку диссертация посвящена консонантизму клитик.

Исследуя историю русского литературного произношения, М. В. Панов извлек из лингвистических работ XVIII–XX вв. немало сведений о произношении клитик, изложив их в монографии [Панов 2007], впервые вышедшей в 1990 г. Особенности клитик, выявленные Пановым, хотя и немногочисленны, но сопоставляются с *общими* фонетическими законами, что позволяет лучше представить себе роль клитик в звуковой системе русского языка XVIII–XX вв. Так, неоднократно отмечаемое в XVIII — начале XX вв. произношение типа [х_к]о^{му} не является в этот период специфической чертой клитик, потому что мена заднеязычного взрывного на фрикативный перед заднеязычным взрывным, судя по всему, была тогда позиционной в литературном языке. То же самое относится к фактам вроде [ш_ш]а^нкой, фиксируемым в грамматиках с середины XVIII в.: оно тоже представляет собой позиционное фонетическое чередование⁵⁰. Сравнение произ-

⁵⁰ Более того, считается, что оно позиционно до сих пор, хотя произношение свистящего в предлоге перед шипящим самостоятельного слова, возможно, представляет собой младшую орфоэпическую норму. См. подробнее следующую главу.

носительных закономерностей, характерных для клитик, с общими фонетическими законами продуктивно и будет осуществляться в настоящей работе.

Таким образом, в XX в. фиксируются многие произносительные особенности клитик и полуклитик и существенной доработке подвергается учение о суперсегментных свойствах клитик, а также заимствуется из зарубежных лингвистических работ сам термин *клитика*. В этот же период выявленные особенности интерпретируются с функциональной точки зрения: лингвисты больше внимания уделяют их различительному потенциалу, связанному с делимитативной функцией фонем. Более того, четко осознается, что одни клитики, абсолютные, полностью интегрируются в фонетическое слово и никак не сигнализируют о своей отдельнословности, в то время как другие, относительные, выдают ее какими-либо звуковыми особенностями в некоторых позициях. Наконец, во 2-й половине XX в. проводятся первые эксперименты, направленные на изучение фонетических особенностей русских клитик.

1.4. Методика исследования. Структура и условия проведенных социолингвистических экспериментов

Анализ лингвистических исследований дескриптивного и лексикографического характера, а также собственные наблюдения позволили очертить круг звуковых явлений, подлежащих экспериментально-фонетическому изучению.

Фонетическая транскрипция в основном тексте работы дается кириллицей с диакритиками и дополнительными латинскими символами — с правилами и оговорками, изложенными в [Касаткин 2006: 22–25, 175]⁵¹. Однако в разметке спектрограмм фонетическая транскрипция дана в соответствии с конвенциями, принятыми в Международной фонетической ассоциации [Handbook of the IPA 2007: 1–38]. Фонологическая же интерпретация выявленных закономерностей основывается на теории **Московской фонологической школы** [Панов 1967;

⁵¹ Разумеется, это не относится к цитатным употреблением.

Реформатский (сост.) 1970] в ее современном виде [Касаткин 2006: 98–146, 159–177; Каленчук 2022].

Материал, представленный в предыдущих параграфах, а также ряд работ XXI в. [Зотова 2002; Гусева 2002; Каленчук 2007; Каленчук 2008; Логинова 2010; Андреева 2018; Сапунцова 2018; Князев 2021; Никитин 2023; Барышева 2025; Никитин 2025б] позволяет выделить следующие (реальные или потенциальные) фонетические особенности клитик и полуклитик:

1) в области консонантизма:

а) распространение зубных фрикативных аллофонов перед переднеязычными на стыке клитики и ее носителя:

- перед [ш] и [ж]: [с_ш]áпкой вместо [ш_ш]áпкой, и[з_ж]ивотá вместо и[ж_ж]ивотá,
- перед [ч']: бе[с'_ч']егó или бе[с_ч']егó вместо бе[ш'_ч']егó или бе[ш'_ш']егó,
- перед [ш':] ([ш']): бе[с'_ш':]у́ки или бе[с_ш':]у́ки вместо бе[ш'_ш']у́ки (возможна интерпретация бе[ø_ш':]у́ки),
- перед [дж]: и[з_дж]жема вместо и[ж_дж]жема⁵²;

б) особые реализации конечной фонемы, парной по глухости/звонкости, на стыке клитики и ее носителя в позиции перед гласным, сонорным или [в], [в'], за которым следует гласный или сонорный согласный: принято считать, что нормальны в русском литературном произношении только варианты ве[т'л'_л]о́жь, ло́[ш_в']едь, достí[к_л']и, когда стык между

⁵² Неоднозначно решается вопрос о звуке или звуках, соответствующих буквосочетанию *дж*. В диссертации принят следующий принцип: если фрикативный шум слишком длительный для того, чтобы считаться нормальной послевзрывной фазой обычной аффрикаты, тогда перед нами сочетание [джж] (как в *поджа́рить* в сильной фразовой позиции); если же послевзрывная фаза короткая, то транскрибируется [дж] (ср., например, англ. *jeans* 'джинсы'). То есть с небольшими оговорками принимается интерпретация Л. Л. Касаткина [Касаткин 2017: 125–130].

Этот комментарий актуален и для кластеров *зубная фрикативная фонема + зубная аффриката*: в сильной фразовой позиции *по[цсы]нать* (*по/дс/ыпать*) отличается от [цы]нки (/ц/ыпки).

клитикой и носителем уподобляется сандхи между фонетическими словами;

в) вариативные реализации конечной фонемы, парной по твердости/мягкости, перед некоторыми мягкими согласными на стыке клитики и ее носителя ([в_в']*ére* или [в'_в']*ére*, и[з_н']*íx* или и[з'_н']*íx*, на[т_т']*énью* или на[т'_т']*énью*, чере[з_л']*és* или чере[з'_л']*és*);

2) в области вокализма:

а) реализации гласных фонем нередуцированными или редуцированными безударными гласными ([в'э]дь *Лíза* или [в'и³]дь *Лíза*, *чт[о]* *вы́дал* или *чт[э]* *вы́дал*);

б) степень фонологической редукции безударных гласных: *помо́г* б[ы³] или *помо́г* б[э] (в гласном [э], в отличие от [ы³], совпадают все гласные фонемы, кроме /y/); *винá* [дэ] *сы́ра* (гласный [э] в первом предударном слоге нарушает формулу А. А. Потебни);

в) реализация начальной гласной фонемы носителя после конечного мягкого согласного (полу)клитики как после твердого согласного: *ве[т'_а³]кно́*, *скво[с'_а³]кно́* (вместо закономерного внутри фонетического слова произношения **ве[т'_и³]кно́*, **скво[с'_и³]кно́*).

Перечисленные произносительные особенности проверялись двумя методами: **экспериментальным** и **корпусным**. В настоящей работе изложены результаты только по произносительным особенностям клитик в области консонантизма — в соответствии с задачами, сформулированными в начале диссертации.

Чтобы проверить консонантные особенности клитик в современном русском литературном языке, в 2025–2026 гг. были поставлены **два социолингвистических эксперимента**, в каждом из которых приняло участие по 60 литературно говорящих носителей русского языка:

1) являющихся коренными москвичами, причем большая часть — как минимум во втором поколении⁵³;

2) получивших или получающие высшее образование;

⁵³ Следовательно, проверялся московский вариант литературной нормы.

3) не демонстрирующих явных признаков акцента, территориального диалекта или немосковской региональной разновидности русского литературного произношения.

Большинство респондентов не покидали пределов Москвы или Московской области более чем на год, однако некоторые информанты уезжали на такой срок в другой регион России или в другую страну. Тем не менее они соответствуют третьему критерию.

Все информанты поделены на три возрастные группы, что может позволить проследить динамику рассматриваемых закономерностей:

- а) младшая — до 2000 года рождения (далее — г. р.) включительно;
- б) средняя — с 1999 до 1975 г. р. включительно;
- в) старшая — с 1974 г. р. включительно и старше.

Набор респондентов производился в Интернете: там, в том числе на сайте *gramota.ru* и в их телеграм-канале, а также в сообществе Mosling (<https://groups.google.com/g/mosling>), распространялась специальная онлайн-анкета (онлайн-опросник см. в приложении № 1). После заполнения анкеты данные возможных участников эксперимента автоматически переносились в таблицу, затем обрабатывались вручную. Те носители, которые подходили для участия в эксперименте и речь которых была в итоге записана, отражены в диссертации в зашифрованном виде, причем цифры в конце шифра соответствуют двум последним цифрам г. р.: ИЗ-40, ЛМ-01, ЮВ-73 и т. д.

Всего было проведено, как уже было сказано, **два** эксперимента: в первом из них, посвященном чередованиям по месту образования, проверялось 90 сочетаний самостоятельного слова с клитикой/полуклитикой; во втором, посвященном чередованиям по глухости/звонкости и твердости/мягкости, респонденты прочитали по 125 сочетаний. Всего было проверено 215 сочетаний⁵⁴. Наборы предложений для этих экспериментов представлены в приложениях № 2 и 4.

⁵⁴ Здесь и далее одно и то же (лексико-грамматически) сочетание считалось несколько раз, если оно было в разных фонетических условиях. Например, *из человека* встречается в первом наборе предложений четыре раза — в четырех разных просодических позициях, поэтому посчитано оно тоже четыре раза.

Предложения не были связаны между собой по смыслу, и в целом их объединяло только то, что они изобиловали сочетаниями самостоятельных слов с клитиками и были составлены с учетом языковых факторов, предположительно влияющих на фонетическое поведение клитик. Чтение было спонтанным, то есть без предварительного ознакомления с набором предложений. В онлайн-анкете для набора респондентов цель экспериментов обозначалась общо — как исследование современного русского литературного произношения в его московском варианте. Результаты изложены в приложениях № 3, 5 и 6 — отдельно для чередований по месту образования, глухости/звонкости и твердости/мягкости соответственно. В этих приложениях зафиксировано распределение аллофонов по каждому проверенному сочетанию.

Респонденты участвовали в эксперименте как очно, так и дистанционно, но всегда в присутствии лингвиста⁵⁵. При онлайн-записи текст информанту, как правило, не высылался заранее, а показывался на экране во время онлайн-встречи.

Для отвлечения внимания в предложения были внедрены слова, не имеющие отношения к целям эксперимента, но потенциально способные вызвать затруднения у говорящего по-русски (скажем, *граффити*, *топинамбур* или *Хатшенгсут*), в частности англицизмы, недавно распространившиеся в современном узусе (типа *виктимблейминг*, *пауэрбанк* или *тимбилдинг*). Далее, эксперименты планировались так, чтобы подряд почти никогда не оказывались предложения, проверяющие сочетания с одной и той же клитикой; иногда удавалось избежать следования подряд и таких предложений, в которых проверялись клитики одной и той же части речи. Более того, некоторые высказывания были филлерами целиком — вообще не содержали нужных сочетаний с клитиками.

Подавляющее большинство анализируемых клитик представляют собой сверхчастотные служебные слова, используемые во всех стилях русского литературного языка. Тем не менее в экспериментальных текстах есть несколько не слишком частотных единиц. Были проверены следующие клитики: предло-

⁵⁵ Практически все записи были сделаны Н. В. Никитиным, однако некоторых респондентов записала А. В. Кузнецова. Пользуясь случаем, выражаю ей глубокую благодарность и признательность за помощь в проведении экспериментов.

ги *без, в, из, над, об, от, с*; частицы и союзы *аж, б* (вариант *бы*), *ведь, вот, ж* и *же, ли, лишь*; частица-наречие *уж*. Ограниченно проверено несколько полуклитик: *близ, против, сквозь* и *через*. Привлечение полуклитик необходимо по двум причинам: во-первых, часть их реализаций просто по определению клитические, так что они входят в предметную область исследования; во-вторых, было бы полезно сравнить их фонетическое поведение с произношением собственно клитик.

Устные тексты, полученные в ходе эксперимента, проанализированы с помощью не только **аудитивного метода**, то есть внимательного и многократного их прослушивания, но и **спектрографического метода**, задача которого — сделать анализ звучащей речи надежнее. Работа с записями осуществлялась в программе Praat 6.3.08. Сделанные и размеченные там спектрограммы можно посмотреть в приложении № 7. В каждой главе приводится более подробная информация об акустических характеристиках, учитывавшихся при оценке спектрограмм.

Ко всем полученным данным был применен **многофакторный фонетический анализ**. На материале русского языка его разработала М. Л. Каленчук [Каленчук 1993: 40–58], и он неоднократно применялся в работах ее учеников (например, в диссертациях [Скачедубова 2008; Тимофеев 2016 и др.]): его суть в том, чтобы, изучая фонетические явления, проверять и оценивать релевантность различных языковых факторов, способных влиять на реализации фонем, причем не только фонетических, но и нефонетических. Некоторые уточнения к этому анализу предложены в [Каленчук 2022].

Многофакторный фонетический анализ дополняется **статистическим**⁵⁶. Сравнение проводилось следующим образом. Подбирались пары сочетаний, отличающихся друг от друга с точки зрения конкретного фактора: *через ч^ас* — *через чело^века* (расстояние до ударного слога опорной словоформы), *ведь ло^жь* vs. *ведь ло^но* (частотность опорной словоформы), *из ме^сти* vs. *из ни^х* (близость сандхиальных согласных по месту образования) и пр.; влияние других факторов по возможности элиминировалось. На основе подобных пар в рамках каждого

⁵⁶ Благодарю Ю. В. Зайцеву за помощь в применении статистических методов.

проверяемого фактора формировались группы, которые и нужно было сопоставить. При статистических подсчетах сравнивалось не общее число вхождений для выделенных групп, а количество описываемых фонетических реализаций одной группы с числом аллофонов другой, причем для каждого респондента.

На основе таких сопоставлений делались расчеты, позволяющие делать выводы о значимости того или иного языкового фактора. Все статистические расчеты проводились в программе StatSoft STATISTICA 10. Конкретные статистические критерии и поправки описаны в соответствующих главах.

Условия, учитывавшиеся при постановке эксперимента, тоже рассматриваются в следующих главах, здесь же представлена краткая их характеристика, дающая общее представление о них. Учтены факторы:

1) фонетические:

а) сегментные:

- место образования согласного в начале носителя в случае проклитизы и в конце опорной словоформы в случае энклитизы: *без в́идео* vs. *без д́иска*, *занёс ли* vs. *наколóл ли*, *из м́яса* vs. *из н́их*;
- глухость/звонкость, а в случае звонкости — звучность следующего согласного за клитикой/полуклитикой согласного: *без с́ервера* vs. *без я́блока* *с д́елом* vs. *с л́есом*;
- для проверки чередований по глухости/звонкости важно было учесть еще и звук после начальной фонемы /в/ или /в'/ носителя: *ведь вь́ше* vs. *ведь вб́ить*, *без в́идео* vs. *без вдовы́*;
- наличие/отсутствие скопления согласных (*без шáпки* vs. *без штрáфа*, *через тéло* vs. *через стéнь*);
- расстояние до ударного слога носителя (*без д́иска* vs. *без дискотéки*, *из чáта* vs. *из челове́ка*);

б) суперсегментные:

- сила фразовой позиции — учтены четыре фразовые позиции:
 - слабая фразовая: *Наш начальник думает, что из челове́ка* *вроде неё* *может вырасти настоящий эксперт*,

– сильная фразовая без акцентного выделения: *В таких решениях надо исходить из челове́ка,*

– сильная фразовая с акцентным выделением носителя: *Папа, труд сделал не из челове́ка обезьяну, а наоборот — ты опять все перепутал,*

– сильная фразовая с акцентным выделением клитики: *Пулю вытащили не от человека, а **и́з** челове́ка;*

- степень просодической несамостоятельности словоформы: последовательно различались собственно клитики (*б, ведь, от, по, с* и пр.) и полуклитики (*близ, вне, против, сквозь, через*);

2) лексический фактор — частотность употребления опорной словоформы (*над нím* vs. *над нѝксой, с челове́ком* vs. *с чичисбе́ем*);

3) словообразовательный фактор — производность/непроизводность проверяемого служебного слова (например, *без* и *сквозь* ведут себя принципиально по-разному с точки зрения глухости/звонкости)⁵⁷;

4) синтаксические факторы:

а) препозиция/постпозиция амбиклитик: *ведь ло́жь* vs. *ло́жь ведь*⁵⁸;

б) наличие определения, «разрывающего» предложно-падежную группу (*без шу́ма* vs. *без шу́мной пъя́нки*);

5) социолингвистический фактор — возраст респондентов (см. выше)⁵⁹.

⁵⁷ Как словообразовательный фактор выделяют еще степень вычленяемости морфемы и/или характер стыка (явный, неявный или уже отсутствующий — после опрощения). Но для сандхи между разными словами этот критерий, кажется, либо совсем не актуален, либо влияет на фонетические реализации незначительно. Разумеется, говорящий по-русски может отдельные клитики/полуклитики воспринимать как часть слова, например числительное *пол* (*полдо́ма* и пр.), но из-за исключительности таких случаев достаточно трудно это проверить как следует.

⁵⁸ Может показаться, что это фактор фонетический, поскольку можно описать расположение амбиклитики до или после ударения, то есть через позицию относительно ударного слога. На самом деле способность клитики быть как в пре-, так и в постпозиции к опорной словоформе определяется в первую очередь на основе синтаксических операций. На вопрос, где располагается или может располагаться слово, традиционно отвечает синтаксис.

⁵⁹ Гендерный фактор отдельно никак не проверяется и никаких выводов о взаимосвязи гендера и фонетических особенностей клитик не делается.

Эксперименты, выполненные в рамках настоящей диссертации, в конечном итоге сопоставлялись с экспериментами других фонетистов, а также с корпусными данными.

Источник корпусных данных — мультимедийный подкорпус **Национального корпуса русского языка** (МУРКО НКРЯ) [НКРЯ]. По корпусу проверялись такие клитики: предлоги *без, в, из, над, с*; частицы-союзы *б, ж, ли*. Были изучены также некоторые сочетания с полупроклитикой *через*. Список конкретных формализованных сочетаний, а также дополнительные условия поиска даются отдельно для каждой проверяемой группы фонетических особенностей. При работе с поисковой выдачей исключались идиолекты с явно нелитературными произносительными особенностями.

Итак, было проведено два социолингвистических эксперимента, в каждом из которых участвовало по 60 человек, говорящих на литературном русском языке в его московском варианте. Цель экспериментов — определить фонетические особенности клитик современного русского литературного языка с точки зрения чередований по месту образования, глухости/звонкости и твердости/мягкости. Каждый информант прочитал вслух специально составленные наборы предложений, после чего полученные записи были исследованы аудитивно и спектрографически. Изучение произносительных особенностей включало в себя многофакторный фонетический анализ, дополненный статистическим анализом. Новые экспериментальные данные сопоставлялись с данными МУРКО НКРЯ, а также с результатами экспериментов, поставленных другими исследователями.

1.5. Выводы

1. Наиболее ранним является осмысление клитик на материале древнегреческих энклитик: александрийские грамматисты называли *энклитическими* односложные и двусложные слова, регулярно лишаящиеся своего ударения и в ряде случаев «отбрасывающие» его на предшествующее слово. Позднее, по-видимому в начале XIX в., появляется понятие проклитического слова, а затем, в середине XX в., и понятие клитики. Родовой термин, вопреки более простой морфемной структуре, самый молодой из описанной традиционной триады.

2. В современной лингвистике представлены разные определения понятия *клитика*. Можно выделить три традиции их осмысления: фонетическую, грамматическую и смешанную. Внутри фонетической традиции целесообразно различать два подхода: а) клитика — безударная словоформа и б) клитика — словоформа, неспособная образовывать фонетическое слово самостоятельно, то есть вне комбинации с другими словоформами (= просодически несамостоятельная). Теоретически обоснованнее считать фонетическую клитику просодически несамостоятельной словоформой. При этом между клитиками и просодически самостоятельными словоформами есть промежуточный класс полуклитик — словоформ, которые могут формировать или не формировать фонетическое слово в зависимости от произносительных условий.

3. Среди фонетических клитик важно разграничивать клитики абсолютные и относительные:

- а) фонетическое слово с абсолютной клитикой не демонстрирует никаких особенностей произношения по сравнению с позицией внутри одного лексического слова ([би́з_о́]блака как [би́зо́]блачный);
- б) фонетическое слово с относительной клитикой обладает звуковыми особенностями, выдающими отдельнословность клитики, ее остаточную самостоятельность (но со́в отлично от носо́в: [но_со́ф] vs. [на́со́ф]).

Относительным является и такое звуковое примыкание, когда фонемы в клитике имеют реализации как внутри одного лексического слова, но есть неха-

рактёрные для той же самой позиции аллофоны в опорной словоформе: *(он) подстри́[к_л'и³]* отличается от *(они) подстри́[гл'и³]*, хотя само по себе произношение [ли³] никаких специфических сегментных черт не демонстрирует.

4. С синтаксической точки зрения важно выделять не только постоянные проклитики и постоянные энклитики, но и амбиклитики, способные употребляться как в препозиции, так и в постпозиции к опорной словоформе: *ведь вы́шли* и *вы́шли ведь*, *ведь зна́ет* и *зна́ет ведь*. Проклитики и энклитики, в отличие от амбиклитик, имеют синтаксическое ограничение на позицию относительно своей вершины: *без вы́хода*, но не **вы́хода без*; *уиё́л бы*, но не **бы уиё́л*.

ГЛАВА 2. Чередования согласных по месту образования на стыке клитики и ее носителя

2.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма

Мена зубных щелевых на передненебные щелевые в позиции перед передненебным щелевым или передненебной аффрикатой описывается во множестве источников начиная как минимум с 1-й половины XVIII в. В. Е. Адодуров в своей «пространной» русской грамматике, написанной в 1738–1740 гг., упоминал эту особенность русского произношения: «Что до произношенія касает^ся, то надлежит^т примѣча^т, что з пред^д літерою *ж* такъ какъ *жс*; а с пред літерою *ш* такъ какъ *шс* выговаривается...» [Адодуров 2014: 237]. В. К. Тредиаковский приводит это чередование в 4-м и 6-м правилах «чистого выговора»: «Пишется *priesжій*, говорит^ся *приежжій*. Пишется *восшествіе*, говорит^ся *воишествіе*. <...> Надобнобъ *возможчі*, *бешчініе*, *счастіе*, говоримъ *возмошчі*, *бешчініе*, *шчастіе*» [Тредиаковский 1748: 406–407]; см. также: «...не токмо буква (с), но і (s) (ж) предъ (ч), превращаются всегда, по природѣ і свойству нашего произношенія, въ (ш)...» [Тредиаковский 1748: 208]. М. В. Ломоносов, вторя наблюдениям Тредиаковского, дает другие примеры, где анализируемое чередование происходит («въ обыкновенныхъ разговорахъ») на стыке предлога-проклитики и ее носителя: «...съ шумомъ, изъ шерсти, отъ червей, съ жилами, выговаривают: *шшумомъ*, *шшшерсти*, *оччервей*, *жжилами*» [Ломоносов 1755: 48–49]⁶⁰. Впоследствии эта мена будет обсуждаться разными учеными вплоть до сегодняшнего дня.

Далее круглощелевые зубные спиранты и аффрикаты будут называться **свистящими** согласными, а плоскощелевые альвеолярные — **шипящими**. Такие названия употребляются для удобства описания.

Подавляющее большинство фонетических и орфоэпических работ XX в. и современные нормативные источники исходят из того, что в русском ли-

⁶⁰ Пример Ломоносова *от червей* — *оччервей*, как и *возможчі* — *возмошчі* у Тредиаковского, не относится, разумеется, к сформулированной в начале абзаца закономерности.

тературном языке при сочетании предлога-проклитики со свистящим на конце и опорной словоформы с шипящим в начале свистящий должен чередоваться с шипящим — см. [Чернышев 1915: 41–42; Гвоздев 1949: 85; Панов 1967: 90–91; Реформатский (сост.) 1970: 392–397; Матусевич 1976: 210–212; Аванесов (ред.) 1983: 675–676; Богданова 2001б: 32; Богомазов 2001: 116; Кодзасов, Кривнова 2001: 361–363; Касаткин 2006: 154; Логинова 2021: 87, 91, 95; Пиотровская 2022: 66–67, 76–77] и т. д. Таково предписание и «Большого орфоэпического словаря русского языка» под ред. Л. Л. Касаткина, отражающего произносительные нормы начала XXI в.: «На месте свистящих согласных *з, с, ц* перед шипящими *ж, ш, ч, щ*, а также перед *сч* внутри слова и на стыке слов при отсутствии паузы произносятся шипящие: <...> *из жéсти* — *и[ж ж]éсти*, <...> *без щитá* — *бе[ш'ш']итá*, *без счёта* — *бе[ш' ш']ёта*, <...> *с шубой* — *[шш]убой*... Произношение свистящих согласных в конце приставок и предлогов перед следующими шипящими (*ра[з]жáть*, *[з]жечь*, *бе[с]шумный*, *[с]читывать*, *бе[с] счёта*, *и[з] жéсти*, *бе[с] щитá*) не рекомендуется, а в конце корня перед суффиксом (*ни[с]ший*, *выне[с]ши*) неправильно» [Касаткин (ред.) 2017: 1007]. Варианты, сопровождающиеся пометой *не рек.* или комментарием *не рекомендуется*, могут в будущем, по мысли авторов словаря, стать нормативными. В то же время *не рек.*, являясь запретительной пометой, маркирует ошибочное произношение⁶¹.

⁶¹ Формулировка *не рекомендуется* может навести на мысль о том, что произносительный вариант, сопровождаемый этим комментарием, все-таки нормативен, просто не может быть рекомендован в тех речевых ситуациях, в которых желательно соблюдать строгую литературную норму. Это впечатление ложно: «В словаре принята система запретительных помет, позволяющая предостеречь читателей от распространенных отступлений от литературного произношения. Введение шкалы запретительных помет разного типа (*не рек.* — не рекомендуется; *неправ.* — неправильно; *грубо неправ.* — грубо неправильно) позволяет дифференцировать степень нарушения орфоэпической нормы [подчеркнуто мной. — Н. Н.]» [Касаткин (ред.) 2017: 7]. Таким образом, nereкомендуемые варианты в обсуждаемом словаре рассматриваются как нарушающие литературную норму; для литературных же, но в каком-то смысле неpreferred орфоэпических вариантов используются пометы *и допуст.*, *и допуст. старш.*, *и допуст. младш.*, *и допуст. устарелое*, а также, по-видимому, *в беглой речи возможно* и *в беглой речи обычно*.

Отработке выговора *и[ш_ш]ёлка*, *[ж_ж]ёмчугом*, *[ш'_ч']ем (пирог)* и под. уделяют внимание преподаватели сценической речи, преподнося, видимо, только такое произношение как норму [Козлянинова, Промптова (ред.) 2000: 243–246]⁶².

Таким образом, почти безоговорочно поддерживается мнение об обязательности чередования по типу /сш/, /зш/ → [ш:] ([ш] + [ш]), /сж/, /зж/ → [ж:] ([ж] + [ж]), /сч'/, /зч'/ → [ш'ч'] или [ш':] ([ш'] + [ш']). То есть кодифицированная норма русского литературного языка не только XX в., но и начала XXI в. в целом такова: надо говорить *бе[ш_ш]áпки*, а вариант *бе[с_ш]áпки* ненормативен; нужно произносить *и[ж_ж]íзни*, но не *и[з_ж]íзни*; правильно исключительно *и[ш'_ч']егó* или *и[ш'_ш']егó*, а не *и[с'_ч']егó* или *и[с_ч']егó* и т. п.

Тем не менее уже высказывалась идея, что это чередование разрушается и что первые варианты вытесняются вторыми. Н. К. Пирогова, описывая реализацию бифонемных сочетаний /зж/, /сж/ как [ж:] и /зш/, /сш/ как [ш:], комментировала это чередование по месту образования так: «Следует отметить, однако, что в последнее десятилетие эта ассимиляция “пошатнулась” — в речи молодежи появилась очень яркая “антинейтрализационная” тенденция, возможно продиктованная развитием агглютинативности в русском языке. Очень частым произношением в настоящее время является ра[зж]ать, [зж]ечь, и[сш]ерсти, бе[сш]áпки...» [Пирогова 2018: 114]⁶³. М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткина считали, что «в русском литературном языке вслед за разрушением позиционных закономерностей по мягкости началось массивное разрушение и других позиционных чередо-

⁶² Существенно, что в разных фонетических работах отдельное внимание уделяется конкуренции произносительных вариантов [ш'ч'] и [ш':] (то есть [ш'] + [ш']) тогда, когда проклитика заканчивается фонемой /с/ или /з/, а носитель клитики начинается с /ч'/, и высказываются разные мнения об их нормативности [Реформатский 1970: 392; Аванесов 1984: 179; Попов 2014: 234; Касаткин (ред.) 2017: 1006; Пиотровская 2022: 76]. Здесь этот сюжет почти никак не освещается, поскольку наличие/отсутствие смычки характеризует не место, а способ образования. С точки зрения заявленной темы важно как раз то, что объединяет эти варианты: они оба предполагают чередование по месту образования.

⁶³ Несмотря на то что цитата дана по монографии 2018 г., в аннотации к ней указано, что эта книга, являющаяся мемориальным изданием, написана в 1985–1990 гг. Следовательно, можно предположить, что «последнее десятилетие» в цитате выше означает какую-то декаду в промежутке с 1975 по 1990 гг. — в зависимости от того, какую точку отсчета выбрать.

ваний» [Каленчук, Касаткина 2007: 178], и относили к этим разрушающимся позиционным менам, в частности, чередования по месту образования.

Более того, некоторые не столь однозначные оценки этих чередований можно отыскать даже в работах 1-й половины прошлого столетия [Кошутин 1919: 70; Ушаков 1929: 14], а в 60-е гг. XX в. С. Н. Борунова поставила эксперимент, в ходе которого на стыке предлога, заканчивающегося /з/ или /с/, и самостоятельного слова, начинающегося с /ч'/, свистящий перед [ч'] был произнесен почти в трети случаев [Борунова 1966: 71]. Такой результат можно было бы рассматривать как аргумент в пользу кодификации произносительных вариантов с сочетанием [сч'] ([с'ч']) на стыке предлога-проклитики и опорной словоформы.

Однако, несмотря на наблюдения Р. Кошутича и Д. Н. Ушакова и эксперимент С. Н. Боруновой и вопреки сомнениям, высказанным Н. К. Пироговой, а также М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной, в уже упоминавшемся орфоэпическом словаре под ред. Л. Л. Касаткина, авторами которого были и Каленчук с Касаткиной, запрет на произношение [сш], [зж], [сч'] ([с'ч']) на границе клитики и ее носителя не опровергается.

2.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними

Гипотеза, проверявшаяся в рамках первого эксперимента, заключалась в следующем: свистящие согласные перед шипящими на стыке клитики и ее носителя в литературной речи произносятся настолько часто, что это является узуальной нормой — наряду с традиционными вариантами, где наблюдается чередование свистящих и шипящих перед шипящими⁶⁴.

Были изучены сочетания с проклитиками *без*, *из*, *с* и энклитикой *же*, а также с полупроклитиками *близ*, *сквозь*, *через*. Все эти единицы, за исключением *близ*, частотны и общеупотребительны. Понимание их фонетического пове-

⁶⁴ Если это верно, то нужно менять кодификацию подобных фактов: в нормативных источниках такие произнесения должны рассматриваться как допустимые, а то и наравне с традиционными вариантами. Однако это не включается в гипотезу, потому что эксперимент, наряду с корпусными данными, предоставляет сведения именно об узуальных, а не о кодифицированных нормах [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 8–11, 16–21].

дения достаточно для того, чтобы подтвердить или опровергнуть сформулированную гипотезу.

В качестве носителя клитики выступала словоформа, которая:

а) в сочетании с проклитикой начинается с [ш], [ж], [ч'], [ш':] ([ш']) или [дж]: *без шумной (пьянки), из железяк, с челове́ком, из ще́дрости, из джи́нсов* и др.;

б) в сочетании с энклитикой *же* заканчивается фонемой /с/, /с'/, /з/ или /з'/: *ле́с же, ло́сь же, завёз же, ле́зь же* и под.

Всего было проанализировано 90 сочетаний, подходящих под указанные критерии; было записано 5318 релевантных произнесений. Основные факторы, проверенные в ходе эксперимента, описаны ниже.

2.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные

Выявленные фонетические реализации бифонемного сочетания со вторым переднеязычным можно разделить на регулярные (системные) и окказиональные (крайне редкие), а также полуокказиональные.

Окказиональные реализации встречались не более чем в 1 % случаев от общего числа произнесений. Поскольку с точки зрения сформулированной гипотезы интерес представляют именно регулярные и полуокказиональные аллофоны, собственно окказиональные далее рассматриваться не будут. Примеры таких произнесений: *и[з' _ж]и́зненных* (*из жизненных*, /зж/ → [з'ж]; АА-90), *бе[шс^ш | ш':]у́рки* (*без шурки*, /з/ → [шс^ш]; ЕИ-48), а также *и[з | ш']е́дрого* (*из щедрого*, звонкий перед паузой; АП-01) и *и[з _ч']елове́ка* (*из человека*, звонкий перед глухим; АА-70) или *и[с'' _с'']его́* (*из чего*; ДА2-01 обычно не шепелявит). Сюда же можно отнести и оговорки вроде *бе[ш _ш]у́чьих* (*без шумчых*) (АД-95, АЛ-80) или *чере[с _тр']и́х* (*через штрих*) (АА-68, ЕИ-48 и нек. др.). Совершенно маргинально единожды зафиксированное *[ш _ч']истоте́лом* (*с чистотелом*; ИВ-40), где перед [ч'] отражено чередование по месту образования и нет чередования по твердости/мягкости.

Более того, нередко произносились краткие шипящие, причем как перед согласным, так и в интервокальной позиции: фонетические варианты типа б[и'штр]áфа (без *штрафа*; НВ-84) фиксировались наряду с за[в'óжэ] (*завёз же*; НМ-82). Однако, чтобы оценить, насколько действительно частотны краткие согласные на месте «ожидаемых» долгих, нужно проводить отдельный анализ по совсем другому признаку, поэтому здесь они не рассматриваются.

Что касается полуокказиональных аллофонов, то такую оценку получали произносительные варианты, встретившиеся более чем в 1 %, но менее чем в 5 % случаев.

Полуокказиональный характер носит разрыв клитики и ее носителя паузой, гортанной смычкой или гласным: с одной стороны, чаще всего никакого разрыва между клитикой и ее носителем не было; с другой стороны, такие реализации встречаются в разы чаще, чем собственно окказиональные аллофоны, особенно если слово редкое: сочетания *через чесучу* и *с чичисбеем* неоднократно разбивались паузой, при этом она могла сопровождаться хезитативным [э]. Примеры, когда клитика отрывается от носителя, можно найти в недавно опубликованной статье С. Ф. Барышевой, где они исследуются с учетом разных языковых факторов и где утверждается, что «это явление [нарушение целостности фонетического слова. — Н. Н.] в устной речи очень частотно» [Барышева 2025: 44]. Хотя такая оценка вызывает сомнения, изучение подобных разрывов — отдельная тема, так что в настоящей статье они далее не обсуждаются.

Полуокказиональны варианты вроде бе[ш'ш']áя (ТД-76), и[ш'ш']еловéка (АА-06), [ш'ш']еловéком (НВ-84): 35 сочетаний с /ч'/ были прочитаны с шипящим согласным 545 раз, из которых [ш':] ([ш']) было отмечено в 130 случаях (75 % [ш'ч'] vs. 25 % [ш':]) (всего произнесений — 5318). Полуокказиональными оказались и произнесения типа [сш']лéном (АА-96): те же 35 сочетаний с /ч'/ в начале носителя клитики были прочитаны с нешипящим согласным 1535 раз, из которых этот нешипящий предшествовал [ш'] 94 раза (94 % [сч'], [с^шч'] или [с'ч'], [с'ш'ч'] vs. 6 % [с^шш'] или [с'ш'ш']). Как и остальные полуокказиональ-

ные аллофоны, фонетические реализации вроде [ш:] и [сш'] ([с'ш']) в статье не рассматриваются.

Собственно системными были именно те произнесения, когда, во-первых, ничего не произошло с начальным согласным носителя проклитики или с первым согласным энклитики *же*; во-вторых, отсутствует пауза, гортанная смычка или вставной гласный между клитикой и ее носителем и одновременно с этим соблюдаются чередования согласных по глухости/звонкости; в-третьих, эти фонетические реализации были зафиксированы более чем в 5 % произнесений от общего числа вхождений. Получается три разряда системных аллофонов:

1) шипящие [ш], [ж], [ш'], [ж']: *бе[ш_ш]умной* (АА-81) и *и[ж_ж]ёлоба* (ЮВ-73) и *и[ж_дж]инсов* (ЛМ-01), *бе[ш'_ч']ая* (ЛП-96), *скво[ш'_ш]ёлковый* (ЛВ-80), *лэ[ж'_ж]е*⁶⁵ (*лезь же*; АД-95);

2) свистящие [с], [з], [с'], [з']: *бе[с_ш]умной* (ДА-00), *завё[з_ж]е* (ЮВ-73) и *и[з_дж]инсов* (КВ-97), *и[с'_ч']его́* (АД-95) наряду с *и[с_ч']его́* (АА-05), *животи[з'_ж]е* (ТИ-73);

3) согласные [с^ш], [з^ж], [с'^ш'], занимающие промежуточное положение между свистящими и шипящими: *бе[с^ш_ш]а́бера* (АД-95 и ЮВ-73), *и[з^ж_ж]и́зненных* (ДА-00), *и[с'^ш'_ч']его́* (АА-06).

Несколько избранных спектрограмм даны в приложении № 7 — см. рисунки 1–9; среди них два примера полуокказиональных аллофонов (рисунки 8–9). Все системные аллофоны свистящих фонем перед шипящей фонемой относятся к классу сибилантов, в который входят «фрикативные согласные и аффрикаты, артикулируемые в денто-альвеолярной и постальвеолярной области при сближенных зубах и акустически характеризуемые высокоинтенсивным шумом в верхней части спектра» [Зибер 2020: 21]. Акустическая разница между свистящими и шипящими определяется характером этого высокоинтенсивного шума: в нормальном

⁶⁵ Транскрипция *лэ[ж'_ж]е* носит предварительный характер, а подобные сочетания требуют более подробного исследования. Иногда как будто бы произносился твердый или полумягкий шипящий, но гласный [э] перед ним все равно был более закрытым, как перед палатализованным согласным: не [л'эж'_жэ], что в высшей степени закономерно, а именно [л'эж_жэ] или даже [л'эжэ] — с утратой долготы.

случае пик интенсивности (первый пик, если их несколько) у зубного сибиланта выше, чем у передненебного; кроме того, нередко нижняя граница шума у свистящего расположена выше, чем у шипящего [Stevens 1960: 42–43; Бондарко 1977: 70–72; Деркач 1983: 48–51, 53–57; Ladefoged, Maddieson 1996: 173–177].

Что касается промежуточных аллофонов, их выделение основано на перцепции; случаи, когда согласный на слух кажется не совсем шипящим и не совсем нормальным свистящим (в речи конкретного респондента), настолько разнообразны, что, кажется, для их верного акустического описания нужно мерить спектр всех промежуточных произнесений, а потом их статистически обрабатывать. Логичным представляется предположение, что их высокоинтенсивный спектр и первый пик оказываются выше, чем у шипящих, но ниже, чем у свистящих, однако это слишком неопределенная характеристика: спектр собственно свистящего, судя по данным эксперимента, тоже меняется в соседстве с шипящим, как бы спускаясь вниз. Возможно, дело как раз в степени этого смещения.

Поскольку цель эксперимента — понять, насколько последовательно выдерживается «классическое» чередование свистящего с шипящим, все фонетические реализации были разделены по дихотомическому принципу: на шипящие и нешипящие. **К шипящим относились только те аллофоны, когда был представлен передненебный согласный на месте свистящей фонемы.** Все остальные реализации: свистящие и промежуточные — оценивались как нешипящие⁶⁶. Полуокказиональные аллофоны тоже распределялись между этими двумя категориями: согласный [ш':] считался шипящим наравне с регулярным [ш'ч'], потому что в обоих случаях есть чередование по месту образования; варианты с кластером [сш'] ([с'ш']) рассматривались как нешипящие, ведь тут, наоборот, чередования по месту нет; произнесения с разрывом между клиткой и ее носителем почти всегда попадали в группу нешипящих реализаций.

Если принять предлагаемое дихотомическое деление, то результаты эксперимента кратко могут быть изложены в таблице № 1.

⁶⁶ Такое же дихотомическое деление было применено и к корпусному материалу (см. далее).

**Таблица № 1. Общая частота встречаемости
шипящих и нешипящих аллофонов в эксперименте 2025 г.
(2025 год, 60 респондентов, 90 сочетаний)**

Тип аллофонов Возрастная группа	шипящие	нешипящие
старшая	808 (46 %)	962 (54 %)
средняя	747 (42 %)	1031 (58 %)
младшая	746 (42 %)	1024 (58 %)
Всего вхождений	2301 (43 %)	3017 (57 %)
	5318	

В таблице № 1 отражены, в частности, произнесения сочетаний с проклитикой, выделенной акцентно (например, *не с шумом, а бѣз шума*), а также сочетаний с редкими словами типа *чичисбей* или *шальвары*, так что имеет смысл привести количественные данные без них. Далее, у полуклитики *близ* представлено аномальное распределение шипящих и нешипящих аллофонов: 5 сочетаний с ней были произнесены с нешипящим примерно в 92 % случаев, поэтому поведение сочетаний с *близ* тоже лучше исключить из общего массива данных.

Таблица № 2 отражает общие количественные данные без учета сочетаний с редкими словами (типа *чичисбей* или *шальвары*) и сочетаний в контекстах, провозирующих акцентное выделение.

**Таблица № 2. Шипящие и нешипящие аллофоны
в сочетаниях с нередкими словами и без акцентного выделения клитики
(2025 год, 60 респондентов, 73 сочетания)**

Тип аллофонов Возрастная группа	шипящие	нешипящие
старшая	744 (52 %)	692 (48 %)
средняя	691 (48 %)	752 (52 %)
младшая	692 (48 %)	747 (52 %)
Всего вхождений	2127 (49 %)	2191 (51 %)
	4318	

Можно назвать две причины, почему было решено отнести промежуточные аллофоны [с^ш], [з^ж] и [с'^{ш'}] именно к нешипящим согласным. Прежде всего, довольно трудно отделять такие согласные от собственно свистящих и граница здесь особенно зыбкая и условная, между тем как границу между шипящими и нешипящими аллофонами гораздо легче формализовать, ведь для признания сегмента не совсем шипящим в принципе достаточно, чтобы спектр в анализируемом стыке был заметно неоднороден, то есть ощутимо отличался от спектра соседнего шипящего, и чтобы фиксируемая неоднородность была аудибильна (от 30 миллисекунд). Вторая причина — перцептивная: неоднородность сегмента часто хорошо слышится, а услышать разницу между промежуточным согласным и свистящим бывает сложно даже при многократном прослушивании. При этом промежуточным аллофонам типа [с^ш], [з^ж], [с'^{ш'}] не соответствуют никакие промежуточные фонемы или звукотипы, поэтому говорящий может любое значимое отличие в шуме фонетических реализаций фонемных кластеров вроде /сш/ воспринимать как [сш], даже если фактически было произнесено что-то менее определенное ([с^шш]). Впрочем, для проверки этого предположения нужно ставить перцептивный эксперимент.

2.4. Многофакторный фонетический анализ

Благодаря эксперименту удалось не только получить общие количественные данные, подтверждающие проверяемую гипотезу, но и выявить некоторые языковые факторы, влияющие на чередования по месту образования.

Для этого были подобраны пары сочетаний, отличающихся друг от друга с точки зрения рассматриваемого фактора: *из ча́та* — *из челове́ка* (расстояние до ударного слога), *с шинáми* — *с шальва́рами* (частотность носителя), *без ша́пки* — *без штра́фа* (наличие/отсутствие консонантного скопления) и др.; другие факторы по возможности элиминировались. На основе подобных пар в рамках каждого проверяемого фактора формировались группы, которые и нужно было сопоставить (таблица № 3). При статистических подсчетах сравнивалось не общее

число вхождений для выделенных групп, а количество шипящих реализаций одной группы с числом шипящих аллофонов другой, причем для каждого респондента отдельно. Хотя общее количество шипящих и нешипящих вхождений нерелевантно, оно приводится для общего представления об объеме выборки.

Чтобы установить значимость различий между факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок. Поскольку на одной и той же выборке производилось 7 парных сравнений, минимальный уровень значимости был взят с поправкой Бонферрони и составил 0,007 ($\approx 0,05 / 7$). Исключение составил возраст, проанализированный отдельно: к выборке, поделенной на 3 независимые подвыборки по 20 человек одной и той же возрастной группы, был применен критерий Манна — Уитни, чтобы проверить, значимы ли различия средних между сформированными подвыборками.

**Таблица № 3. Чередования по месту образования:
результаты многофакторного фонетического анализа**

Фактор	Группы проверенных сочетаний		Соотношение шип./нешип. в группе		Статистическая значимость различий
Расстояние до ударного слога носителя	Рядом с ударением: <i>без ча́я, без ша́пки, же — ле́с же, из ча́та, через ча́с и др. (17 сочетаний)</i>	Не рядом с ударением: <i>без черенка́, без шерохова́тостей, же — ка́риес же, из челове́ка, через челове́ка и др. (17 сочетаний)</i>	412 605	410 594	Незначимо.
Скопление согласных	Скопления нет: <i>без че́ка, без ша́пки, же — ле́зь же, из жи́зни, с че́ком, сквозь ше́лк, через ши́рму</i>	Скопление есть: <i>без чле́на, без штра́фа, же — фе́рзь же, из шко́лы, с чле́ном, сквозь шле́м, через штри́х</i>	227 189	217 198	Незначимо.
Разрыв определением ⁶⁷	Разрыва нет: <i>без шу́ма, без шу́ки, из жи́зни,</i>	Разрыв есть: <i>без шумно́й, без шу́чих, из жи́зненных,</i>	202 153	199 158	Незначимо.

⁶⁷ Фактор проверялся вслед за статьей [Борунова 1966]. Вопрос был такой: влияет ли наличие/отсутствие определения между предлогом-проклитикой и существительным, с которым этот предлог связан синтаксически, на чередование по месту образования?

	<i>из щедрости, с шести, сквозь шёлк</i>		<i>из щедрого, с шестым, сквозь шёлковый</i>				
Частотность опорной словоформы	Более частотный носитель: <i>без чая, без шапки, без шуки, из жизни, из чата, с человеком, с шипами, через человека</i>		Менее частотный носитель: <i>без чиксов, без шабера, без шурки, из жёлоба, из чаги, с чичисбеем, с шальварами, через чесучу</i>		$\frac{216}{261}$	$\frac{120}{346}$	Значимо ($p < 0,000001$): сочетания с менее частотными словами произносятся с шипящим согласным реже, чем сочетания с более частотными словами.
Просодическая позиция (АВ — акцентное выделение)	Слабая фразовая: <i>без шума, из челове́ка, с чёлкой</i>		Сильная фразовая без АВ: <i>без шума, из челове́ка, с чёлкой</i>		$\frac{91}{86}$	$\frac{62}{115}$	Значимо ($p < 0,0013$): в сильной фразовой позиции клитика произносится с шипящим согласным реже, чем в слабой фразовой позиции.
	Сильная фразовая без АВ: <i>без шума, из челове́ка, с чёлкой, с шириной</i>		Сильная фразовая с АВ носителя: <i>без шума, из челове́ка, с чёлкой, с шириной</i>		$\frac{112}{124}$	$\frac{92}{143}$	Незначимо.
	Сильная фразовая с АВ носителя: <i>без шума, из челове́ка</i>		Сильная фразовая с АВ клитики: <i>бе́з шума, и́з челове́ка</i>		$\frac{53}{62}$	$\frac{13}{106}$	Значимо ($p < 0,000001$): когда клитика акцентно выделена, она произносится с шипящим согласным реже, чем когда акцентно выделен носитель клитики.
Возраст	Старшая группа — 1974 г. р. и старше (20 человек)	Средняя группа — с 1975 по 1999 г. р. (20 человек)	Младшая группа — 2000 г. р. и младше (20 человек)	$\frac{808}{962}$	$\frac{747}{1031}$	$\frac{746}{1024}$	Незначимо.

Как видно из таблицы, на выбор произносительного варианта существенно влияют частотность носителя и просодическая позиция сочетания с клитикой.

Остальные факторы: расстояние до ударного слога, наличие/отсутствие консонантного кластера, а также наличие/отсутствие разрыва определением — в рамках изложенного эксперимента оказались незначимыми. Возраст тоже

не продемонстрировал значимое различие средних, однако это требует дополнительной проверки на бóльшей выборке.

2.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет

Проведенный эксперимент можно сопоставить с экспериментами С. Н. Боруновой [Борунова 1966] и М. Л. Каленчук [Каленчук 1986].

В эксперименте Боруновой участвовали 50 москвичей 17–30 лет со средним или высшим образованием. Проверялись «сочетания *сч*, *зч* в условиях морфемного стыка» [Борунова 1966: 55], в том числе те из них, которые находятся на стыке предлога и знаменательного слова: *предлог + существительное* и *предлог + прилагательное*. Таблица № 4 представляет результаты проверки этих двух позиций [Борунова 1966: 71].

Таблица № 4. Аллофоны /сч'/, /зч'/ на стыке предлога и самостоятельного слова в эксперименте С. Н. Боруновой 1960-х гг.

Сочетание	Аллофоны /сч'/, /зч'/		
	[сч']	[ш'ч']	[ш':]
предлог + существительное			
<i>из чайника</i>	4	40	6
<i>с чартизмом</i>	16	34	0
<i>с чёрточкой</i>	12	38	0
<i>без чёрточки</i>	23	27	0
<i>с четвертаком</i>	15	34	1
<i>через час</i>	6	38	6
<i>из числа</i>	6	39	5
Итого	82 (23 %)	250 (72 %)	18 (5 %)
предлог + прилагательное			
<i>с черносотенными (бандами)</i>	15	34	1
<i>без чрезвычайных (происшествий)</i>	32	18	0
<i>через чахоточного (чеканистика)</i>	38	12	0
<i>из чайных (чашек)</i>	10	39	1
Итого	95 (47,5 %)	103 (51,5 %)	2 (1 %)

Низкий процент произнесений [ш':], по мнению автора эксперимента, связан с тем, что сандхи находится не в пределах одного слова: внутри (лексическо-

го) слова реализаций [ш':] гораздо больше, чем на стыке разных слов. Однако объяснений требует разброс среди реализаций [сч'] и [ш'ч'] — Борунова выделяет два фактора, влияющих на распределение вариантов:

1) употребительность самостоятельного слова (ср. *из чайника* и *с чартизмом*);

2) наличие прилагательного — «барьера» между предлогом и существительным (*из чайника* vs. *из чайных чашек*).

Эксперимент 2025 г. подтверждает значимость первого фактора, вместе с тем не демонстрируя статистическую значимость второго (см. таблицу № 3). Если же говорить о распределении аллофонов в целом, то можно было бы предположить, что доля свистящих реализаций среди сочетаний с непроизводными предлогами *без*, *из*, *с* увеличилась по сравнению с 60-ми гг. XX в. Этот вывод проблематичнее, чем может показаться на первый взгляд.

И проблема заключается в том, что эксперимент Боруновой разительно отличается от эксперимента Каленчук (таблица № 5), в ходе которого сочетания *без чеснока*, *из чернильницы*, *с чаем*, *через час* почти никто не прочитал со свистящим согласным; зато больше половины произнесений — [ш':] [Каленчук 1986: 135–136]. При этом речь идет о сопоставимых выборках: в эксперименте Каленчук участвовало 48 «представителей молодого поколения» [Каленчук 1986: 133].

Таблица № 5. Аллофоны /сч'/, /зч'/ на стыке предлога и самостоятельного слова в эксперименте М. Л. Каленчук 1980-х гг.

Сочетание	Аллофоны /сч'/, /зч'/		
	[сч']	[ш'ч']	[ш':]
<i>без чеснока</i>	—	41 %	—
<i>из чернильницы</i>		79 %	
<i>с чаем</i>		30 %	
<i>через час</i>		28 %	
Итого	0,5 %	44,5 %	55 %

Прочерки в таблице означают, что данных о соотношении [сч'] и [ш':] для отдельных сочетаний нет. Для них можно указать только общий процент соответствующих аллофонов.

Почему экспериментальные данные Боруновой и Каленчук, полученные с разницей в пару десятков лет, расходятся настолько сильно — довольно нетривиальный вопрос. Скорее всего, принципы, по которым принималось отнесение реального звука речи к тому или иному звукотипу, существенно отличались в сравниваемых экспериментах. Полезно иметь в виду, что, насколько можно судить, ни Борунова, ни Каленчук не использовали спектрографический анализ фонетического материала. В связи со всем этим на основе изложенных экспериментов нельзя с уверенностью сказать, что носители русского языка стали чаще произносить свистящие на стыке клитики и ее носителя.

В то же время предположение о значимости такого лексического фактора, как частотность, было высказано и Каленчук [Каленчук 1986: 136], что, наоборот, объединяет все три сравниваемых эксперимента.

2.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных

Как известно, одна из слабых сторон экспериментов, в ходе которых испытуемым предлагается прочитать связный текст или набор не связанных друг с другом предложений, — влияние графики и орфографии⁶⁸. Чтобы компенсировать это, важно эксперимент подкреплять корпусными данными.

⁶⁸ Стоит, правда, отметить, что значимость этого фактора иногда преувеличивается. Так, несмотря на буквосочетание *жж*, почти никто из респондентов не произнес *приё[зж]ий*; обилие написаний с буквой *о*, соответствующей безударной фонеме, не превратило респондентов в окальщиков — произнесение безударного [о] встречалось только в нескольких словах, для которых эта произносительная особенность неоднократно фиксировалась в научной литературе (например, *какао* регулярно произносилось с [о]); наконец, разного рода написания типа *с ж* или *сь ж* (*кариес же*, *живопись же*) почти не влияли на чередование по звонкости, хотя подлинное следование написанному предполагает здесь чтение [сж] и [с'ж]. Между тем глухой свистящий (без паузы перед [ж]) произносился в единичных случаях (менее 1 % от общего числа произнесений). Как правило, носители русского языка, овладевшие литературной нормой, по-разному читают одни и те же слова и их сочетания тогда, когда разное их произношение так или иначе допускается языковой системой.

Источником корпусных данных стал МУРКО НКРЯ. В качестве поисковых запросов использовались формализованные сочетания с астериском (*), обозначающим в НКРЯ любую последовательность символов; поиск производился по точным формам.

Исследовались следующие позиции для предлогов-клитик *без* и *из*:

- 1) перед /ш/ (*без ш**, *из ш**) или /ж/ (*без ж**, *из ж**);
- 2) перед /ч'/ (*без ч**, *из ч**).

Позиция перед [ш':] ([ш']) (*без щ**, *без сч** и *из щ**, *из сч**) была представлена единичными вхождениями, поэтому в корпусном анализе ее нет. То же касается позиции перед [дж].

Так как в МУРКО были изучены сочетания исключительно с предлогами *без* и *из*, то корректно сравнивать полученные количественные данные с аналогичными экспериментальными данными именно по *без* и *из* (таблица № 6).

**Таблица № 6. Чередования по месту образования:
сопоставление эксперимента 2025 г. и МУРКО НКРЯ**

Позиция	Перед [ш] или [ж]				Перед /ч’/			
Источник Предлог	Эксперимент		МУРКО		Эксперимент		МУРКО	
	шип.	нешип.	шип.	нешип.	шип.	нешип.	шип.	нешип.
без	285	246	87	18	65	293	34	24
из	178	118	210	48	102	312	153	94
Всего вхождений	463 (56 %)	364 (44 %)	297 (82 %)	66 (18 %)	167 (22 %)	605 (78 %)	187 (61 %)	118 (39 %)
	827		363		772		305	
	1190				1077			
	2267							

Корпусные данные подтверждают гипотезу об узуальной нормальности свистящего перед шипящим на стыке предлога и самостоятельного слова, по крайней мере для сочетаний с /ч'/ в начале носителя. Заметна, впрочем, консервативность МУРКО: если говорить о соотношении вариантов, то чередование

свистящего с шипящим в корпусе соблюдалось гораздо чаще, причем в обеих позициях.

Кажется, на это могло повлиять несколько вещей. С одной стороны, в эксперименте респонденты читали текст, а в корпусной выборке чтение составляло лишь небольшую часть записей. С другой стороны, больше половины источников МУРКО — кино и театр, в которых часто играют профессиональные актеры, обладающие орфоэпической выучкой. Наконец, в эксперименте и корпусе представлено неодинаковое количество сочетаний под акцентным выделением и сочетаний с редкими словами. Все это вполне может обуславливать различия между экспериментальным и корпусным материалом.

2.7. Выводы

1. В московском варианте современного русского литературного произношения свистящие согласные перед шипящими на стыке клитики и ее носителя (*бе[с_ш]ума, завё[з_ж]е, и[с' _ч']его́* или *и[с_ч']его́*) узואально частотны. Это подтверждается, с одной стороны, экспериментально, а с другой — корпусно, потому что такие варианты регулярно встречаются в МУРКО НКРЯ, пусть их частотность несколько и уступает той, которая представлена в эксперименте. С фонологической точки зрения это означает, что на стыке клитики и ее носителя теперь факультативно различаются свистящие и шипящие фонемы перед шипящими: *ро/с ж/е (ро́с же бы́стро)* — *ро́[ж_ж]е* и *ро́[з_ж]е* vs. *ро/ж ж/е (ро́жь же коло́сится)* — *ро́[ж_ж]е*. Количество нейтрализуемых фонем стало меньше: полной нейтрализации зубных и передненебных щелевых в этой позиции нет.

2. В ходе эксперимента, проведенного в 2025 г., подтверждена значимость двух факторов: частотного и просодического. Чем чаще употребляется носитель клитики, тем чаще соблюдается чередование свистящего с шипящим; чем менее частотен носитель, тем реже срабатывает это чередование; например, в сочетании *с человеком* был произнесен [ш'] в соответствии с /с/ почти в 50 % случаев, а в *с чичисбеем* — в 15 %. Что касается просодии, то справедлива такая закономерность: в слабой фразовой позиции носители русского языка произносят шипящие на месте свистящих фонем чаще, чем в сильной фразовой: *и[ш'] чело́вэка* — 50 % (слабая фразовая позиция), но *и[ш'] чело́вэка* — 20 % (сильная фразовая позиция). При этом, когда клитика оказывается под акцентным выделением, шипящих реализаций еще меньше: *и[ш'] чело́вэка* — 20 %, но *й[ш'] чело́вэка* — 10 %.

3. Сравнение эксперимента 2025 г. с двумя другими, проведенными в советские годы (60-е и 80-е гг. XX в.), не позволяет с уверенностью утверждать, что свистящие согласные перед /ч'/ на стыке клитики и ее носителя стали произноситься чаще: судя по всему, принципы, на основании которых реальный звук

речи относился к тому или иному звукотипу (свистящему или шипящему), различны во всех трех экспериментах.

4. Поскольку произнесения типа *бе[с_ш]áпки*, *и[з_ж]íзни*, *[с_ч']елове́ком* (*[с'_ч']елове́ком*), как и традиционные варианты *бе[ш_ш]áпки*, *и[ж_ж]íзни*, *[ш'_ч']елове́ком*, соответствуют узуальной норме, варианты со свистящим должны быть кодифицированы в нормативных источниках по крайней мере в качестве допустимых.

ГЛАВА 3. Чередования согласных по глухости/звонкости на стыке клитики и ее носителя

3.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма

Как и чередования по месту образования, чередования по глухости/звонкости на стыке клитики и носителя отмечались уже в середине XVIII в. В первом же правиле «чистого выговора» В. К. Тредиаковский отразил обязательную мену звонкого шумного на глухой и глухого на звонкий в зависимости от следующего шумного согласного, приведя в качестве примеров, в частности, предложно-падежные группы: написанию *надъ хоромамі* соответствует произношение *натъ хоромамі*; пишется *съ больснiю*, а произносится *съ больснiю* [Тредиаковский 1748: 404]. М. В. Ломоносов фиксировал мену глухого на звонкий в позиции перед шумным звонким — и именно на стыке предлога-проклитики и следующего слова: хотя пишется *отъ горы* и *къ добру*, произносить эти сочетания «в обыкновенных разговорах» надлежало как *одгоры* и *гдобру* [Ломоносов 1755: 48]. Таким образом, чередование по глухости/звонкости в этой сигнификативно слабой позиции находит отражение уже в работах XVIII в.

Однако наиболее интересны не предлоги вроде *без*, *из*, *с* и др., являющиеся абсолютными проклитиками с точки зрения глухости/звонкости, и не позиция перед любым шумным звонким, а энклитика *ли* и амбиклитики *ведь*, *вот*, *лишь*, *уж*, а также предложные единицы *вглубь*, *вокруг*, *вслед*, *напротив*, *против*, *сквозь* и пр., являющиеся полупроклитиками, в позиции перед гласным, сонорным согласным или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный. Если для *без*, *из*, *с* последняя позиция является сигнификативно сильной (*бе[з_м]áмы*, но *[с_м]áмой*), то для остальных перечисленных слов эта позиция, согласно традиционным описаниям, сигнификативно слабая: *достí[к_л']и*, *у[ш_ó]бласть*, *всле[т^л_л]óшади* (как *насчѣ[т^л_л]óшади*) и т. д.

В лингвистических работах XX–XXI вв. фонетические правила, посвященные чередованиям по глухости/звонкости, можно кратко сформулировать так:

1) для собственно клитик:

а) если клитика — непроеизводный проклитический предлог, то чередования по глухости/звонкости такие же, как внутри одного лексического слова: *бе[з_о]кна́, бе[з_н']и́х, по[д_в]одо́й* [Барановская 1967: 12; Панов 1967: 188; Каленчук 2007: 227]; отмечены значимые колебания для предложно-падежных групп с первообразным предлогом *с* и существительным, начинающимся с сочетания /в/ + *звонкий шумный*, а также с предлогом *меж*, который можно рассматривать и как первообразный, и как непервообразный: возможно как *[з_вд]ово́й*, так и *[сэ_вд]ово́й*, как *ме[ж_м]але́нькими*, так и *ме[ш_м]але́нькими* [Каленчук 1986: 50–53, 59–62; Каленчук 1993: 142–144];

б) если клитика является энклитикой *ли* или амбиклитикой *ведь, вот, уж*, то чередование по глухости/звонкости в сандхи будет таким же, как на стыке разных фонетических слов: *заме́р[с_л]и, ве[т'_м]о́жно, подро́[к_в]едь, у[ш_н]е вы́ ли* и пр. [Гвоздев 1949: 91; Панов 1967: 187–188; Барановская 1968: 27, 29; Аванесов 1984: 133; Каленчук 1993: 145–146; Князев 2021: 26–32];

2) для полуклитик:

а) если полуклитика — синхронно непроеизводный предлог *перед* или *через*, то, по мнению Р. И. Аванесова, реализация конечной согласной фонемы зависит от ударности/безударности предлога: *пере[д_а³]тхóдом*, но *пèре[т а³]тхóдом*; *чере[з_а³]кно́*, но *чèре[с а³]кно́* [Аванесов 1948: 8; Аванесов 1958: 41–42; Аванесов 1974: 104]; с другой стороны, в экспериментально-фонетическом исследовании Л. А. Вербицкой на конце *через* перед сонорным всегда произносился звонкий согласный [Вербицкая 1976: 68]; М. Л. Каленчук тоже высказывала сомнения в описании Р. И. Аванесова: в ее эксперименте, в котором участвовало 10 человек, среди 60 записанных произнесений *через* нет ни одного глухого, при том что в наборе предложений были сочетания, где ударный гласный самостоятельного слова отделен двумя слогами от потенциально ударного

слога полуклитики: *чере[з_а°]кно́*, *чере[з_ва°]лявшуюся (корягу)* [Каленчук 1993: 149–150] (впрочем, безударность/ударность, кажется, отдельно не контролировалась ни в каком из этих экспериментов);

б) если полуклитика — предложная единица *вглубь, вокруг, вслед, напротив, против* или *сквозь* и нек. др., то чередование по глухости/звонкости такое же, как на стыке разных фонетических слов: *вглу[п' _н]асыти*, *вокруг[к_о́]зера* [Барановская 1967: 9; Каленчук 1993: 145–148]; правда, М. Л. Каленчук оценивает предлог *близ* с этой точки зрения как неоднозначную единицу: в ее эксперименте оказалось возможным не только произношение *бли[с' _в]оды́*, но и *бли[з' _в]оды́* [Каленчук 1986: 59].

В то же время есть несколько соображений и наблюдений, не совсем укладывающихся в приведенное только что описание.

Прежде всего, любая клитика, как и любая морфема в составе словоформы, может быть акцентно выделена. Акцентно выделенная клитика, продолжая оставаться клитикой, способна при таком выделении приобретать бо́льшую не только просодическую, но и сегментную самостоятельность, что приводит к мене звонкого согласного на глухой, хотя по умолчанию, без акцентного выделения, этого не происходит: *[б'и'з_в']идео*, но не *с видео он пришёл*, а *[б'ёс в']идео*. Подобные явления на стыке предлога и существительного фиксировались, например, Р. Ф. Касаткиной [Kasatkina 1999: 236]. Та же самая произносительная особенность была зафиксирована в ходе экспериментов Е. С. Скачедубовой даже на стыке частей сложного слова — на стыке более плотном, чем сандхи клитики и носителя: *гла́[ф]вра́ч* чаще, чем *гла́[в]вра́ч*, но *гла[в]вра́ч* (без акцентного и просодического выделения) чаще, чем *гла[ф]вра́ч*. Правда, отмечалось и обратное влияние — когда звонкая согласная фонема представлена звонким аллофоном чаще под акцентным выделением, чем без него, то есть речь идет о ситуации с точностью до наоборот: 20 % произнесений *хо[з]управле́ние* увеличивается до 80 %, если выделить часть *хоз-* акцентно [Скачедубова 2007: 212–215]. Иными словами, акцентное выделение может быть языковым фактором, влияющим на чередования согласных по глухости/звонкости. Определение того, насколько существенно

это влияние для сочетаний с клитиками, — одна из целей экспериментального исследования, предлагаемого в настоящей работе.

Р. И. Лихтман в статье 1980-х гг. отмечала «произношение звонкого в частицах *уж*, *ведь*, *ж*, *б*, предлогах типа *вокруг*, связке *будь*, а также перед союзом *и*» в речи литературно говорящих носителей русского языка [Лихтман 1980: 57], предполагая, что такое произношение «надтерриториально». Эти наблюдения были отвергнуты по меньшей мере частью фонетистов: «Можно предположить, что подобные факты либо связаны с влиянием письма, либо обусловлены диалектным произношением» [Каленчук 1993: 146]. При этом экспериментально М. Л. Каленчук проверила только производные предлоги, *ведь* и *уж*, а фонетическое поведение энклитик *б*, *ж*, *ли* и амбиклитики *вот* с точки зрения глухости/звонкости исследовано не было [Каленчук 1986: 57–62, 188–189]. Что же касается *ведь* и *уж*, то из 10 человек, участвовавших в эксперименте Каленчук, действительно никто не произнес звонкий согласный на стыке клитики и ее носителя.

Акцентные группы с *ведь* и *уж* перед сонорными согласными были еще раз проверены позже, в 2010-е гг., С. В. Князевым. Звонкий [д'] в *ведь* был зафиксирован лишь 1 раз из 288 произнесений, хотя звонкий [ж] в *уж* был отмечен уже в 30 случаях из 288 (48 респондентов) [Князев 2021: 32]. Тем не менее, судя по всему, специально сочетания с *б*, *ли* и *вот* ни корпусно, ни экспериментально не изучались⁶⁹. Кстати сказать, не удалось найти экспериментальных данных и о произношении сочетаний с частицами *аж* и *лишь*⁷⁰.

Наконец, в том же самом эксперименте Князев установил, что в сочетаниях *я ж рад (излить тоску)* и *скажите ж, ради Бога* возможно употребление звонкого [ж] в частице *ж*: из 96 произнесений этих сочетаний звонкий [ж] был произнесен 52 раза — более чем в половине случаев. Произнесение звонкого [ж] перед сонорным в подобных синтагмах Князев напрямую связывает с наличием в рус-

⁶⁹ Экспериментальную проверку *вряд ли*, выполненную М. Л. Каленчук [Каленчук 1993: 151–152], нельзя считать проверкой энклитики *ли*, поскольку *вряд ли* — одно лексическое слово, а его раздельное написание условно.

⁷⁰ В 2025 г. Ю. Ю. Макаров проводил эксперимент, проверяя, среди прочего, сочетания с этой частицей. Тем не менее опубликованных материалов по нему (пока что) нет.

ском языке варианта той же частицы *же* и, насколько можно судить, высказывает предположение, что варианты вроде *скажіте* [ж р]àди *Бога* обусловлены неполной диерезой гласного: фонетически его нет, но он представлен в клитике *ж* фонологически, поэтому предшествующая ему фонема /ж/ ведет себя как звонкая согласная фонема в позиции перед гласным — и реализуется звонким аллофоном [Князев 2021: 23–25]. Ср. также: «...сохранение звонкости конечного согласного частицы коррелирует с наличием или отсутствием у частицы дублетной формы с гласным: при ее отсутствии (*ведь*) звонкое произношение согласного в позиции внешнего сандхи невозможно; при слабой связи с дублетной формой (*уж* // *уже*) весьма маловероятно. Если связь очевидная (*ж* // *же*), звонкий согласный фиксируется в 70 % случаев среди тех информантов, в речи которых зафиксировано такое явление, и в 47 % всех исследованных случаев» [Князев 2021: 32].

На эти произносительные факты можно взглянуть по-другому. А. Н. Гвоздев, еще в середине XX в. отмечая звонкий согласный в частицах *б* и *ж* в позиции перед гласным или сонорным (оригинальные транскрипции: *тыбад'ин пашол*, *анабн'п'исалъ*; *ан'йжуил'й*, *ан'ижрады*, *кр'ич'йжап'ат'*), оценивал связь этих служебных слов с просодически самостоятельными вокруг как двустороннюю, что представляет собой «совершенно исключительный случай в русском языке [Гвоздев 1949: 92]. Вероятно, Гвоздев имел в виду, что фонетически клитики *б* и *ж* в таких употреблениях не являются ни проклитиками, ни энклитиками, «опираясь» одновременно и на предшествующее, и на следующее слово. Другая интерпретация — близкая, но не идентичная предыдущей — может быть сформулирована так: *б* и *ж*, являясь безусловными энклитиками с точки зрения синтаксической⁷¹, с точки зрения фонетической бывают и проклитиками, по крайней мере в произнесениях вроде *ан'йжуил'й* и пр. В обоих случаях граница между [ж] и [б] и следующими сегментами не является однозначно межсловной, что тоже

⁷¹ Совершенно нормально (синтаксически) *Ушла б(ы) Оля отсюда!* при невозможном **Б(ы) ушла Оля отсюда!*. С морфосинтаксической точки зрения нет никаких оснований считать обсуждаемые единицы амбиклитиками. Ср. поведение подлинной амбиклитики: *Ведь знает*, что нельзя так писать диссертацию. vs. *Знает ведь*, что нельзя так писать диссертацию.

объясняет сохранение звонкого согласного и отсутствие чередования по глухости/звонкости.

При этом для сочетания *я ж рад*, включенное в эксперимент Князева, вторая трактовка кажется предпочтительнее, ведь личное местоимение *я* здесь может быть безударно, а в таком случае *ж* вынужденно оказывается фонетической проклитикой. Такая версия становится еще убедительнее, если указать на не упомянутую выше особенность экспериментальных текстов Князева: это были стихи.

Вот контекст сочетания *я ж рад*:

...И почему-то вдруг, с горячею слезою,
Мне шею обвила она своей рукою;
Я ж рад излить тоску, припал к ее устам,
И стало что со мной — не понимаю сам...

П. А. Кусков (1858)

Ямб, представленный в этом отрывке, не просто допускает, а, как кажется, поощряет безударность *я*: первый слог первой стопы выпадает на слабый икт. Правда, теоретически возможно и чтение этой строчки со спондеем в начале — с эмфазой *я ж*⁷².

Как бы то ни было, бесполезно, с одной стороны, расширить количество проверенных позиций и посмотреть, будут ли представлены флуктуации, отмеченные Князовым, в тех случаях, когда за *ж* следует самостоятельное слово с гласным в начале (например, *слуга ж окна открыл*), а с другой — аналогичным образом исследовать сочетания с частицей *б* (*ушла б Лёна, ушла б Оля*), относительно которой Князов высказывает то же самое предположение (не только *ж* — *же*, но и *б* — *бы*).

⁷² Любопытно, что в статье С. В. Князева после *я ж* нет запятой [Князов 2021: 27], в то время как в поэтическом подкорпусе НКРЯ, откуда был взят пример, эта запятая есть. Считать ее постановку ошибкой определенно не стоит, поскольку оборот *рад излить тоску* можно рассматривать как обособленное определение, относящееся к личному местоимению *я* ('я ж, будучи рад излить тоску, припал к ее устам'). Тогда вероятность спондеического прочтения увеличивается. Однако в статье запятой нет, поэтому следует исходить из того, что в тексте для информантов обсуждаемой запятой тоже не было.

Существенно, что до сих пор речь шла только о том, что происходит с аллофоном первой фонемы в сандхиальных сочетаниях, где после первого согласного следует гласный, сонорный согласный или /в/, /в'/. Однако и на стыке фонетических слов, и на стыке между клитикой и опорной словоформой, и даже внутри одного (лексического) слова при встрече двух согласных, первый из которых глухой, а второй /в/ или /в'/, возможно изменение аллофона именно второй фонемы — его оглушение [Князев 2006: 99–104]. Исследование С. В. Князева и А. В. Красько показывает, что, когда /в/ или /в'/ предшествует глухая фонема, губная фриктивная фонема может реализоваться оглушенным, полуглухим или даже глухим согласным звуком [Князев, Красько 2019: 16–17]⁷³. Эти наблюдения были учтены в эксперименте, описанном далее.

Итак, анализ фонетической литературы, в том числе работ, содержащих экспериментальные данные о произношении клитик, позволил обнаружить некоторые лакуны в описании произносительных особенностей, связанных с глухостью/звонкостью. С одной стороны, остаются клитики, которые, судя по публикациям, никогда специально не проверялись экспериментальными методами: *аж*, *б*, *вот*, *ли* и *лишь*; вдобавок к этому можно назвать недостаточную изученность просодических факторов — той степени, в которой акцентное выделение или просто усиление фразовой выделенности влияют на чередования по глухости/звонкости на стыке между клитикой и опорной словоформой. С другой стороны, замечен недостаток корпусных данных об описываемых сочетаниях. Изучение этих лакун является одной из главных целей представленного в настоящей главе исследования.

⁷³ Здесь оглушенный ≠ глухой [Князев, Красько 2019: 11–15]. Подробнее см. ниже.

3.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними

Как уже было сказано, наибольший интерес с точки зрения рассматриваемого чередования представляют сочетания с клитиками и полуклитиками, которые демонстрируют амбивалентное поведение в сандхиальной позиции или в которых чередование однозначно такое, как на границе фонетических слов; например, произносится *(они) замёр[зл'и³]*, но при этом *(он) замёр[с_л']и*, как *замёр[с л']епесток*; произносится *се[д'м]ой*, но *ве[т' _м]ожно*, как *очере[т' м]аленькая*. Глухие согласные перед сонорными в сочетаниях *(он) замёр[с_л']и* и *ве[т' _м]ожно* представляют собой как бы противоречие между позицией и фонетическим правилом: сандхи находится между клитикой и ее носителем, объединенными одним ударением и являющимися одним фонетическим словом, а фонетическое правило действует такое, которое обычно работает на более агглютинативном стыке — между фонетическими словами. Изучение подобных «нарушений» поможет точнее и полнее описать консонантные чередования в современном русском литературном языке. Разумеется, клитики с этими произносительными особенностями относительны, а не абсолютны.

И здесь уместно еще раз подчеркнуть, что далеко не все клитики экспериментально исследованы с точки зрения именно этого чередования: не удалось обнаружить опубликованных экспериментальных сведений по *аж*, *б*, *вот*, *ли* и *лишь*.

В отличие от чередований по месту образования, во 2-м эксперименте никакой четко сформулированной гипотезы не выдвигалось: то, что фонетическое поведение клитик с точки зрения глухости/звонкости зависит от морфологии и синтаксиса, не вызывало сомнений. Но важно было, во-первых, проверить границы этих колебаний на современном синхронном срезе, а также получить принципиально новые экспериментальные данные по клитикам, которые до этого экспериментально не проверялись. Во-вторых, нужно было проверить влияние просодической позиции на реализации фонем в сандхи между клитикой и ее носителем. Наконец, на всякий случай в набор предложений для чтения были включены со-

четания с предлогами-проклитиками *без, над* и др., чтобы убедиться в однозначности чередований, действующих на стыке абсолютной клитики и опорной словоформы⁷⁴.

Следовательно, исключались из рассмотрения проклитики, которые не заканчиваются согласным вовсе (*а, для, но, ну* и нек. др.) или заканчиваются сонорным согласным (*коль*), и энклитики, начинающиеся с шумного согласного (*бы, же* и нек. др.). Сочетания с подобными единицами либо вообще не могут иметь в сандхиальной позиции согласные фонемы, либо могут их содержать, но их парадигматическое поведение ничем не примечательно.

Экспериментально были проверены клитики *аж, б, без, ведь, вот, ж, из, ли, лишь, над, с, уж*, а также полуклитики *против, сквозь* и *через*. Поскольку основная цель эксперимента — уточнить парадигматику и синтагматику собственно клитик, полуклитики проверялись выборочно. Впрочем, даже из собственно клитик были отобраны преимущественно (потенциально) относительные.

В качестве носителя клитики/полуклитики выступала словоформа, которая:

1) в сочетании с проклитикой или препозитивными амбиклитиками *аж* и *уж* начинается с сонорного, с /в/ или /в'/ + гласный или с гласного: *аж лóпнул, без я́блока, из лéнты, с лéсом, через лés, уж нельз́я; против вéтра; аж окнó, над област́ями, сквозь áрку, уж óбласть* и мн. др.;

2) в сочетании с энклитикой *ли*, а также с амбиклитиками *вот* и *лишь*, употребленными энклитически, заканчивается шумным согласным: *достíг ли, мíтинг ли; са́д вот, плóв вот, тетра́дь вот; залéз лишь, запóлз лишь* и др.;

3) в сочетании с амбиклитикой *ведь* либо начинается согласным или гласным при проклитическом *ведь*, либо заканчивается шумным согласным при энклитическом употреблении той же единицы: *ведь лаборатóрия, ведь óкна, ведь вла́сть, ведь вб́ить; завёз ведь, замёрз ведь, плóв ведь; ведь лóжсь и лóжсь ведь* и т. д.

⁷⁴ Впрочем, последние чередования проверялись ограниченно, потому что не было веских оснований считать, что чередования вроде *бе[с_т]овáра, [с_т]овáром — бе[з_д]óма, [з_д]óмом — бе[з_в]оды́*, но *[с_в]одóй* испытывают существенные колебания.

Особый случай представляют собой синтаксические энклитики *б* и *ж* — для их проверки гораздо важнее контролировать звук следующего фонетического слова: *ушл́а б́ О́ля*, *едá ж Нáде* и нек. др. Чисто фонетически не совсем ясно, насколько они действительно энклитики в тех контекстах, которые как раз интересны с точки зрения глухости/звонкости.

Рассмотренное чередование вполне традиционно «расщеплялось» на следующие позиции:

1) шумный согласный + сонорный согласный, гласный или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный: *аж лóпнул*, *вы́лез лишь*, *замёрз ли*, *из лёнты*, *с лёсом*, *сквозь лёс*, *уж нелз́я*; *ведь óкна*, *над област́ями*, *сквозь áрку*; *без в́идео*, *ведь вла́сть*, *за́поведь вот*, *плóв ведь* и мн. др.;

2) шумный согласный + /в/ или /в'/, за которым следует шумный звонкий: *аж вдóх*, *без вдовы́*, *ведь вб́ить*, *от вдовы́*, *через вдову́*;

3) глухая парная фонема + звонкая парная фонема: *от бе́га*, *с де́лом*;

4) звонкая парная фонема + глухая парная фонема: *без се́рвера*, *через те́ло*.

Всего проанализировано 76 сочетаний, подходящих под указанные критерии, и записано 4258 релевантных произнесений.

3.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные

Бóльшая часть решений о глухости/звонкости того или иного аллофона принималась на основе аудитивного анализа. Однако нередко, в случае сомнений, применялся анализ спектрографический. Тогда учитывалось главным образом наличие/отсутствие периодических колебаний (F0), отражающее работу голосовых связок, а также — в отдельных случаях — характер шума, поскольку известно, что русские звонкие согласные по умолчанию менее напряженные и, как следствие, менее шумные, чем соответствующие им глухие [Деркач (ред.) 1983: 31–72; Бондарко 1977: 68–71, 84–85; Князев, Красько 2019]. Избранные спектрограммы представлены на рисунках 10–20 в приложении № 7.

Как и в предыдущей главе, подробно не обсуждаются окказиональные аллофоны — такие фонетические реализации, которых встретились менее чем в 1 % случаев от общего числа релевантных произнесений. Если говорить о регулярных аллофонах, то их можно поделить на две группы, одну из которых имеет смысл разбить еще на две подгруппы:

1) звонкие согласные: *бе*[з_в']*íдео* (ДА-00), *и*[з_л']*энты* (ЛП-96), *на*[д_э]*бластя́ми* (МЛ-52), *о*[д_б']*эга* (ЕА-04), *прòти*[в'_в']*елосипéда* (АА-90), *слугá* [ж ó]кна (ВВ-45), *уи́ла* [б ó]ля (АН-62), *чере*[з_л']*эс* (АВ-83);

2) глухие согласные, после которых:

а) либо нет никакой ларингализации или паузы: *а*[ш_а°]кно́ (ЕМ-81), *бе*[с'_с']*э́рвера* (ИА-04), *ве*[т'л'_л']*о́жсь* и *ло́*[ш_в'ф']*едь* (АН-00), *ве*[т'_о]кна (АО-82), *достí*[к_л']и (ЕС-98), *залé*[с_л'_л']*ишь* (ЛМ-01), *скво*[с'_л'_л']*эс* (ОВ-58), *слугá* [ш ó]кна (МВ-84), *у*[ш_о]блать (МД-99), *уи́ла* [п ó]ля (АС-84), *чере*[с_т']*élo* (ЯВ-80);

б) либо есть гортанная смычка, пауза или гласный, произносящийся со скрипучей фонацией⁷⁵: *а*[шʔа°]кно́ (ВВ-77), *ве*[т'ʔо]кна (ТЮ-67), *у*[шʔо]блать (ИК-01), *уи́ла* [пʔо]ля (КВ-97); *вè*[т' || в']*енесéкцию* (АВ2-03); *ве*[т'ʔо]кна (ЕВ-04);

3) полувзвонкие — согласные, глухость/звонкость которых затруднительно определить однозначно: *ве*[д'т'_л']*аборато́рия* (АА-05), *и*[з°_л']*эности* (ЕВ2-04), *плó*[в'ф'_в'ф']*едь* (ДВ-04)⁷⁶.

Последний разряд аллофонов требует особого комментария: полувзвонкость можно понимать по-разному — в зависимости от того, как именно понимать саму

⁷⁵ Скрипучая фонация тоже является формой ларингализации. Об этом понятии см. подробнее [Кривнова, Андреева 2007; Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 91–97].

⁷⁶ Уместно будет напомнить принятое в работе (и отчасти условное) деление аллофонов: окказиональными называются фонетические реализации, зафиксированные менее чем в 1 % случаев от общего числа анализируемых произнесений; полуокказиональными — зафиксированные более чем в 1 %, но менее чем в 5 %; регулярные же (системные) аллофоны были зафиксированы хотя бы в 5 % случаев. Это решение не распространяется на оценку конкретных типов сочетаний с клитиками.

звонкость. В статье [Князев, Красько 2019] под полувзвонким согласным понимается только такой сегмент, внутри которого происходит переход от [ф] к [в] ([fv] в оригинале), причем существенно, что обе части такого полувзвонкого прототипичны в плане интенсивного шума: шум первой части как у нормального [ф], шум второй как у нормального [в]. Если же [в] произнесен без голоса (отсутствуют колебания голосовых связок), но структура шума у него существенно отличается от шума нормального [ф], то это уже не полувзвонкий согласный, а оглушенный ([v̥]). Возможна, разумеется, и ситуация, когда в начале аллофон /в/ оглушенный, а потом он переходит в полноценный звонкий [в] ([v̥v]), — тогда реализации тоже рассматриваются С. В. Князевым и А. В. Красько отдельно и не называются полувзвонкими (получаются в каком-то смысле «полуоглушенные» аллофоны). Тем не менее в настоящем исследовании такие различия не проводятся: если аллофон /в/ или /в'/ не воспринимается на слух ни как нормальный [в] или [в'], ни как нормальный [ф] или [ф'], он признается полувзвонким. Оглушенные, полуоглушенные и полувзвонкие в узком смысле аллофоны, таким образом, объединены в одну группу.

Нерационально приводить общие количественные данные без учета фонетической позиции и без указания конкретных исследованных клитик. Обе эти характеристики учтены в таблице № 7, где представлены общие количественные данные отдельно по четырем фонетическим позициям, обсуждавшимся ранее. Для амбиклитики *ведь* препозитивные и постпозитивные употребления даются вместе. Если в наборе предложений было представлено только одно сочетание с клитикой внутри выделенной группы позиций, это сочетание дается в таблице.

Существенно, что таблица ниже отражает реализацию самой левой фонемы в кластере. Это значит, что при сочетании носителя с проклитикой или препозитивной амбиклитикой характеризуется аллофон ее конечной фонемы (*из лёнты*), а при сочетании с энклитикой или энклитически употребленной амбиклитикой — конечной фонемы носителя (*завёз ведь*). Исключение составляют *б* и *ж*: несмотря на синтаксическую энклитичность, при их анализе всегда оценивается фонетическая реализация их единственной согласной фонемы.

**Таблица № 7. Чередования по глухости/звонкости:
общие количественные данные по фонетическим позициям**

Аллофон Клитика	Звонкий	Глухой	Полузвонкий	Всего вхождений
Перед сонорным, гласным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный				
<i>аж</i>	10 (6 %)	164 (93,5 %)	1 (0,5 %)	175
<i>б</i>	36 (33 %)	71 (64,5 %)	3 (2,5 %)	110
<i>без</i>	381 (92 %)	16 (4 %)	18 (4 %)	415
<i>ведь</i>	20 (2 %)	889 (97 %)	11 (1 %)	920
<i>вот</i> (постпозиция)	11 (3 %)	393 (95,5 %)	6 (1,5 %)	410
<i>ж</i>	64 (44 %)	71 (48 %)	10 (8 %)	148
<i>из</i>	107 (92 %)	2 (2 %)	7 (6 %)	116
<i>ли</i>	6 (2,5 %)	217 (95,5 %)	5 (2 %)	228
<i>лишь</i>	3 (1,5 %)	223 (95,5 %)	7 (3 %)	233
<i>над областями</i>	51 (88 %)	7 (12 %)	0 (0 %)	58
<i>с</i>	0 (0 %)	119 (100 %)	0 (0 %)	119
<i>уж</i> (препозиция)	10 (10%)	85 (87 %)	3 (3 %)	98
<i>против</i> (перед /в'/)	24 (23,5 %)	74 (72,5 %)	4 (4 %)	102
<i>сквозь</i>	4 (4 %)	110 (94 %)	2 (2 %)	116
<i>через</i>	467 (90 %)	16 (3 %)	36 (7 %)	519
Перед /в/ или /в'/ + звонкий шумный				
<i>аж вдох</i>	27 (54 %)	18 (36 %)	5 (10 %)	50
<i>без вдовы</i>	55 (94 %)	2 (4 %)	1 (2 %)	58
<i>ведь вбить</i>	34 (64 %)	13 (24,5 %)	6 (11,5 %)	53
<i>от вдовы</i>	41 (87,5 %)	1 (2 %)	5 (10,5 %)	47
<i>через вдову</i>	54 (96 %)	1 (4 %)	1 (2 %)	56
Перед глухим шумным				
<i>без сервера</i>	0 (0 %)	57 (100 %)	0 (0 %)	57
<i>через тело</i>	0 (0 %)	59 (100 %)	0 (0 %)	59
Перед звонким шумным				
<i>от бега</i>	55 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	55
<i>с делом</i> ⁷⁷	53 (92 %)	1 (2 %)	3 (6 %)	57
Данные по всем сочетаниям				
Итого — 76 сочетаний	1513 (35,5 %)	2609 (61,5 %)	134 (3 %)	4256

Обилие сочетаний с *через* и *без* позволило более-менее надежно установить, что эти предлоги удивительным образом ведут себя практически одинаково с точки зрения глухости/звонкости. Представление о том, что реализация конечной согласной фонемы *через* предсказывается ее безударностью/ударностью,

⁷⁷ «Идеальных» цифр не получилось, скорее всего, потому, что сочетанию *с делом* предшествовала словоформа *ознакомитесь* с глухой фонемой /с'/ на конце.

неверно: в набор предложений были сознательно включены предложения, провоцировавшие акцентное выделение *через*, — и даже под акцентным выделением звонкость /з/ сохранялась. При этом если Р. И. Аванесов, говоря о влиянии безударности/ударности предлога *через* на реализацию его конечной фонемы, действительно отражал узуальную норму XX в. или ее вариант, то можно предположить, что *через* продолжает грамматикализироваться, если и не достигнув статуса полноценной клитики, то по крайней мере приближаясь к нему.

Сделав эту важную оговорку, на основе проведенного эксперимента можно выделить три группы клитик/полуклитик с точки зрения глухости/звонкости.

1. С одной стороны, производные предлоги *без*, *из*, *над*, *с* и *через* выступают с точки зрения глухости/звонкости как абсолютные проклитики: их конечные фонемы ведут себя как фонемы внутри одного лексического слова. Соответственно, позиция перед гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный для них действительно сигнификативно сильная: *бе[з_в']идео*, *и[з_л']энты*, *на[д_э]бластя́ми*, *чере[з_л']ёс*, но *[с_л']ёсом* и *[с_н']ёжностью*.

2. Во вторую группу входят относительные клитики *аж*, *ведь*, *вот*, *ли*, *лишь*, *уж* и полуклитика *сквозь*. Перед энклитикой *ли* и амбиклитиками *аж*, *ведь*, *вот*, *лишь*, *уж* позиция для глухих и звонких фонем сигнификативно слабая: *объё[ст_в]от*, *ми́тин[к_л']и*, *за́ле[с_л']ишь* и т. д. Если амбиклитики *аж*, *ведь*, *уж* сами употребляются перед носителем, начинающимся гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный, то их конечная фонема тоже оказывается в сигнификативно слабой позиции: *а[ш_а³]кно́*, *ве[т'л'_л]омоно́сов*, *у[ш_о́]бласть*. То же самое справедливо для полуклитики *сквозь*: *скво[с'_л']ёс*. Произношение же *а[ж_а³]кно́*, *ве[д'л'_л]омоно́сов*, *объё[зд_в]от*, *ми́тин[г_л']и*, *за́ле[з_л']ишь*, *у[ж_о́]бласть* и *скво[з'_л']ёс* либо не было представлено в эксперименте, либо носило маргинальный характер. Следовательно, классическое опи-

сание сочетаний с этими языковыми единицами правильно и соответствует литературному узусу⁷⁸.

Примечательно, что своеобразие этих групп заметно и в позиции перед /в/ или /в'/ + звонкий шумный. Так, надежно идентифицируемый звонкий был произнесен в сочетаниях *аж вдóх* и *ведь вб́ить* в 54 и 64 % случаев соответственно, в то время как в *без вдовы́*, *от вдовы́* и *через вдову́* звонкий был отмечен в 94, 87,5 и 96 % вхождений. Если не считать это расхождение случайностью, то оно может объясняться именно тем, что *аж* и *ведь* — это относительные клитики, а *без*, *от* и *через* — абсолютные.

3. Одновременно с этим синтаксические энклитики *б* и *ж* действительно испытывают колебания: возможны как варианты типа *ушл́а* [п ó]ля и *ед́а* [ш н]а́де, так и *ушл́а* [б ó]ля и *ед́а* [ж н]а́де. Первые произносительные варианты можно рассматривать как полноценную энклизу — и фонетическую, и синтаксическую. Произнесения же из второй группы вполне возможно осмыслять как своеобразное противоречие между фонетикой и синтаксисом: синтаксически мы имеем энклизу, а фонетически это проклиза.

Особняком стоит предложная единица *против*: в четверти случаев в сочетаниях *против велосипéда* и *против вéтра* был произнесен звонкий согласный на конце этой полуклитики. Тем не менее следует иметь в виду, что во втором эксперименте для *против* проверялась только позиция перед потенциальным носителем, начинающимся с /в'/ . Отсутствие проверки этого слова в других позициях не позволяет сделать надежный вывод о его принадлежности какой-либо из групп, хотя ближе всего *против*, кажется, к полуклитике *сквозь*.

Кроме того, в эксперименте были представлены сочетания, в которых отдельно контролировался не только первый согласный сандхимального кластера, но и второй: *плóв ведь*, *плóв вот* (дважды), *против велосипéда*, *против вéтра*. Результаты анализа второго согласного в перечисленных сочетаниях представлены в таблице № 8. Для удобства сравнения в этой же таблице даны количествен-

⁷⁸ Правда, всегда следует помнить, что в эксперименте исследовался московский вариант литературной нормы. Он может отличаться от других региональных разновидностей русского литературного языка.

ные данные о первом согласном в этих кластерах. Буква, передающая фонему, чьи фонетические реализации представлены в строчке таблицы, выделена полужирным и подчеркнута. Цифра 4 условно обозначает слабую фразовую позицию, цифра 3 — сильную фразовую, но без акцентного выделения.

Таблица № 8. Чередования по глухости/звонкости:
количественные данные по кластерам /вв/ и /вв’/

Аллофон Сочетание	Звонкий	Глухой	Полузвонкий	Всего вхождений
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>едь</i>	8 (14 %)	49 (82,5 %)	2 (3,5 %)	59
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>едь</i>	8 (15 %)	20 (37 %)	26 (48 %)	54
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>от (4)</i>	6 (21 %)	21 (72 %)	2 (7 %)	29
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>от (4)</i>	8 (28,5 %)	6 (21,5 %)	14 (50 %)	28
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>от (3)</i>	4 (7 %)	52 (88 %)	3 (5 %)	59
<i>пл<u>о</u>в <u>в</u>от (3)</i>	14 (25 %)	18 (33 %)	23 (42 %)	55
Итого	48 (17 %)	166 (58 %)	70 (25 %)	284

Как видно из таблицы, глухой согласный часто произносится не только на конце носителя перед *ведь* или *вот*, но и в начале самих этих клитик. Причем нередко нельзя было однозначно определить начальный согласный *ведь* и *вот* в рассматриваемой позиции. Стоит обратить внимание, что на эту небольшую группу сочетаний приходится более 50 % всех полужвонких аллофонов. Никакая другая позиция не вызывала столько сомнений при оценке фонетических реализаций — это, в частности, приводило к тому, что почти всегда приходилось анализировать спектрограммы соответствующих сочетаний.

Итак, в ходе поставленного эксперимента удалось выделить три разряда клитик с точки зрения чередований по глухости/твердости. Первую группу образуют абсолютные проклитики *без*, *из*, *над*, *с* и полупроклитика *через*, которая в плане глухости/звонкости ведет себя так же, как проклитика *без*: для фонем на конце всех этих единиц позиция перед гласным, сонорным или /в/, /в’/ + гласный или сонорный является сигнификативно сильной. Вторую группу образуют клитики *аж*, *ведь*, *вот*, *ли*, *лишь*, *уж* и полупроклитика *сквозь* — стык носителя

с ними, напротив, сигнификативно слабый, то есть первый согласный в сандхи обычно глухой. В третью группу попали единицы, находящиеся как мы между этими двумя группами, — это энклитики *б* и *ж*.

3.4. Многофакторный фонетический анализ

Поскольку при планировании эксперимента парные сравнения для некоторых факторов готовились на материале сочетаний с *ведь*, в итоге продемонстрировавших безусловную резистентность к звонкому согласному в сандхи, статистически было проверено только два фактора.

Как и в эксперименте, описанном в главе II, были подобраны пары сочетаний, отличающихся друг от друга с точки зрения рассматриваемого фактора, другие же факторы по возможности элиминировались. На основе подобных пар в рамках каждого проверяемого фактора формировались сопоставляемые группы: сравнивалось количество звонких произнесений одной группы с количеством звонких аллофонов другой с учетом каждого конкретного респондента. Чтобы установить значимость различий между факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок⁷⁹. На одной и той же выборке производились 2 парных сравнений для проверки глухости/звонкости и 3 парных сравнения, чтобы проверить твердость/мягкость (см. п. 4.4), так что минимальный уровень значимости с поправкой Бонферрони составил 0,01 (= 0,05 / 5).

Оба проверенных фактора оказались статистически незначимыми. Вот полный список сочетаний, участвовавших в сравнениях и разбитых на пары, на основе которых формировались сравниваемые группы произнесений:

1) частотность опорной словоформы: *ведь возвращать* vs. *ведь венесэцию*, *ведь ложь* vs. *ведь лóно*, *из лénты* vs. *из лénости*, *через лóшадь* vs. *через лóбби*; *сáд вот* vs. *оранжáд вот*, *мíтинг ли* vs. *бáггинг ли*, *залéз лишь* vs. *лонгшéз лишь*;

⁷⁹ На анализируемых выборках наблюдалось множество связанных рангов (пар типа 2 vs. 2, 3 vs. 3, 1 vs. 1 и пр.). При использовании критерия Уилкоксона программа StatSoft STATISTICA 10 автоматически рассчитывает поправку для таких случаев.

2) просодическая позиция: *без видео* vs. *бѣз видео* (АВ клитики), *через лѣс* vs. *чѣрез лѣс* (АВ полуклитики), *через лошадь* vs. *через лошадь* (АВ носителя).

Существенно, что конечный согласный предлогов *без* и *через*, одинаково ведущих себя с точки зрения глухости/звонкости, чрезвычайно устойчив к оглушению. Даже если респондент выделял *без* или *через* акцентно, то все равно в подавляющем большинстве случаев произносился звонкий согласный на конце: *бѣ[з_в]ideo*, *чѣре[з_л]és*. Спектрограммы, изображенные на рисунках 17–18, иллюстрируют именно такое произношение. Возможно, подобное фонетическое поведение объясняется тем, что, несмотря на акцентное выделение, сандхи не меняет своего статуса — не становится полноценным межсловесным стыком.

То есть даже тогда, когда проклитика *без* выделена акцентно и образует отдельное фонетическое слово, даже когда ударение самостоятельного слова оказывается слабее ударения на *без*, этот предлог все равно остается клитикой с парадигматической точки зрения. Это неожиданный аргумент в пользу того, что не стоит считать клитикой просто безударную единицу, исключая из рассмотрения ударные употребления клитики. Еще раз стоит подчеркнуть: вопрос о том, является ли конкретная языковая единица клитикой, должен решаться системно. И если установлено, что языковая единица почти всегда ведет себя как клитика, то лучше считать ее клитикой, даже когда она ударна.

3.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет

Представляется важным сравнить эксперимент 2026 г. с экспериментами М. Л. Каленчук 80-х гг. XX в. [Каленчук 1986: 51, 57–62, 187–190] и экспериментом С. В. Князева 10-х гг. XXI в. [Князев 2021].

Таблица № 9 отражает результаты экспериментов Каленчук в сопоставлении с результатами эксперимента 2026 г. В случае сочетаний с *ведь*, *сквозь* и *уж* выборка Каленчук состояла из 10 литературно говорящих коренных москвичей, причем «двое из них имеют высшее театральное образование, а остальные — высшее гуманитарное» [Каленчук 1986: 57], при этом в экспериментальном тексте

на одно исследуемое слово приходилось по два предложения, что в сумме дало 20 произнесений на каждую языковую единицу. Сочетаний с *через* было шесть — по одному в каждом из шести предложений, так что было записано 60 произнесений [Каленчук 1983: 62]. Сочетание *от вдовы* было представлено только в одном предложении, однако набор предложений, куда вошло сочетание *от вдовы*, читали уже 20 дикторов, а не 10 [Каленчук 1983: 51]. Для всех сочетаний, кроме *от вдовы*, речь идет о позиции перед гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный.

**Таблица № 9. Чередования по глухости/звонкости:
сопоставление эксперимента 2026 г.
и экспериментов М. Л. Каленчук 1980-х гг.**

Источники данных и аллофоны Проверенная единица	Эксперимент М. Л. Каленчук		Эксперимент 2026 г.		
	зв.	глух.	зв.	глух.	полувзв.
<i>ведь</i>	0 (0 %)	20 (100 %)	20 (2 %)	889 (97 %)	11 (1 %)
<i>сквозь</i>	4 (20 %)	16 (80 %)	4 (4 %)	110 (94 %)	2 (2 %)
<i>уж</i>	0 (0 %)	20 (100 %)	10 (10%)	85 (87 %)	3 (3 %)
<i>от вдовы</i>	20 (100 %)	0 (0 %)	41 (87,5 %)	1 (2 %)	5 (10,5 %)
<i>через</i>	60 (100 %)	0 (0 %)	467 (90 %)	16 (3 %)	36 (7 %)
Всего произнесений	140		1700		

В целом результаты обоих экспериментов сходятся. Некоторое несовпадение, впрочем, можно видеть при сопоставлении результатов по амбиклитике *уж* и полуклитикам *сквозь* и *через*, однако это расхождение может объясняться слишком маленьким объемом выборки в эксперименте М. Л. Каленчук. Не исключено, что различие бы сгладилось, если бы в эксперименте участвовало больше респондентов. Вообще говоря, никакая статистика для сравнения представленных экспериментов не используется и сравнение делается «на глаз», поэтому имеет смысл обращать внимание только на серьезные расхождения. Таких расхождений в таб-

лице № 10 нет⁸⁰. Вероятно, за последние полвека фонетическое поведение обсуждаемых клитик принципиально не изменилось.

Таблица № 10 отражает сравнение эксперимента 2026 г. с экспериментом С. В. Князева 2010-х гг. Всего в эксперименте Князева участвовало 50 человек, но 2 информанта были исключены из анализа, поскольку произнесли звонкий согласный перед [м] в словосочетании *город Москва*. В проверенных фонетических последовательностях *ведь*, *ж* и *уж* предшествовали согласным /м/, /л/, /л'/, /р/ или /в/ + гласный⁸¹.

**Таблица № 10. Чередования по глухости/звонкости:
сопоставление эксперимента 2026 г.
и эксперимента С. В. Князева 2010-х гг.**

Источники данных и аллофоны Проверенная единица	Эксперимент С. В. Князева		Эксперимент 2026 г.		
	зв.	незв.	зв.	глух.	полувзв.
<i>ведь</i>	1 (< 0,5 %)	287 (> 99,5 %)	20 (2 %)	889 (97 %)	11 (1 %)
<i>уж</i>	30 (10,5 %)	258 (89,5 %)	10 (10 %)	85 (87 %)	3 (3 %)
<i>ж</i>	134 (46,5 %)	154 (53,5 %)	64 (44 %)	71 (48 %)	10 (8 %)
Всего произнесений	864		1163		

Результаты, представленные в таблице № 10, в значительной степени сходятся⁸². Оба эксперимента свидетельствуют о том, что сочетания вроде *скажи́те ж*, *ради́ Бо́га* и *еда́ ж На́де* могут произноситься двояко: можно сказать как *скажи́те* [ш р]а́ди Бо́га и *еда́* [ш н]а́де, так и *скажи́те* [ж р]а́ди Бо́га и *еда́* [ж н]а́де. Ведь в обоих экспериментах совершенно резистентно к звонкому шумному в сандхи. Поведение *уж*, кажется, немного отличается от *ведь*,

⁸⁰ Стоит заметить, что результаты по *через* сходятся еще и с данными, полученными Л. А. Вербицкой, проверявшей произношение сочетаний с *через* в речи не только петербуржцев, но и москвичей [Вербицкая 1976: 68].

⁸¹ В оригинальной итоговой таблице из статьи Князева представлены результаты только по 32 информантам, а остальные 16 были исключены потому, что они все произносили глухой согласный в нужных сочетаниях. В таблице № 10 они отражены, потому что подобной элиминации нет в эксперименте 2026 г.

⁸² Более того, мысль Князев о том, что клитика *б* (в целом) ведет себя так же, как *ж*, тоже подтверждается, — см. таблицы № 7 и 11.

хотя гораздо ближе к этой амбиклитике, чем к энклитике *ж* (с точки зрения рассматриваемых произносительных особенностей).

Что касается основного фонетического фактора, влияющего на описанное колебание, то Князев высказывает такое предположение: чем ближе артикуляционно согласный энклитики *ж* и первый согласный следующего слова, тем выше вероятность произнесения звонкого согласного [Князев 2021: 32]. В рамках проведенного в 2026 г. эксперимента этот фактор никак не проверялся, поэтому здесь нельзя привести надежных аргументов, поддерживающих или опровергающих вывод Князева. Впрочем, такая закономерность звучит довольно правдоподобно.

Из сопоставления экспериментальных данных разных лет можно заключить, что эксперимент 2026 г., описанный в настоящей главе, в целом подтверждает накопленные результаты, полученные в рамках других экспериментов.

3.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных

Предлагаемое ниже корпусное исследование не претендует на полноту, однако методологически важно проверять экспериментальные результаты на корпусном материале. Это значительно повышает надежность научных данных. Такая методическая установка уже реализована в работах по русским клитикам, например в статье [Валова, Слюсарь 2017], где анализируется синтаксическое поведение энклитики *же*. Представляется довольно перспективным применение такого подхода и при изучении звуковых особенностей русских клитик.

Было решено проверить по корпусу клитики *б*, *ж* и *ли* и полуклитику *через*⁸³. Энклитики *б* и *ж* нужно посмотреть на корпусном материале по двум причинам: во-первых, они обе испытывают ощутимые колебания при экспериментальной проверке — интересно посмотреть, какими будут эти колебания в корпусе; во-вторых, возможно, некоторым читателям покажется, что произнесения типа *ушл́а* [б о́]ля и *ушл́а* [б л']эна, *слуѓа* [ж о́]кна и *ед́а* [ж н]а́де искусственны и объясняются влиянием буквы — и аргумент *ad hoc* призван по крайней мере

⁸³ Возможно, клитику. См. рассуждение в п. 3.3.

уменьшить степень этих сомнений. *Ли* и *через* взяты для того, чтобы убедиться, что они действительно типичные представители выделенных ранее групп.

Чтобы минимизировать влияние орфоэпической выучки, наблюдаемой у профессиональных актеров и дикторов, и ограничить корпусное исследование рамками произношения начала XXI в., поиск производился по подкорпусу с параметрами *устная публичная речь* и *устная непубличная речь* и с временным ограничением 2000–2026. Как обычно, из анализа исключалась устная речь с явными нелитературными чертами.

Во всех случаях поиск осуществлялся по точным формам. Для *б* и *ж* просто были введены запросы *б* и *ж*, после чего вся выдача была просмотрена целиком⁸⁴. Для *через* использовались запросы с астериском *через л**, *через н**, *через в**, *через р** — и были проанализированы первые 100 релевантных вхождений. Чтобы с точки зрения глухости/звонкости проанализировать сочетания с энклитикой *ли*, последовательно перебирались запросы **б ли*, **в ли*, **г ли*, **д ли*⁸⁵ и т. д., после чего выдачи с результатами отсматривались целиком. Кроме того, чтобы максимально разнообразить полученный материал, при анализе (полу)клитики соблюдалось соотношение *одно произнесение* — *один человек*, так что всегда или почти всегда учитывалось первое произнесение конкретного носителя, а остальные его произнесения не принимались в расчет.

Таблица № 11 отражает результаты предварительной корпусной проверки *б*, *ж* и *через*. Релевантных вхождений для *ли* оказалось, вопреки ожиданиям, крайне мало — всего семь: *гибри́д ли*, *гото́в ли*, *жи́в ли* (дважды), *мо́г ли*, *смо́г ли*, *сча́слив ли* я. Все эти сочетания были произнесены с глухим согласным перед *ли*, однако ввиду малочисленности эти данные в таблице ниже не дублируются.

⁸⁴ Вхождения *ну что ж* по умолчанию исключались из рассмотрения.

⁸⁵ Вхождения *вряд ли*, конечно, игнорировались, поскольку энклитики *ли* тут уже нет.

**Таблица № 11. Чередования по глухости/звонкости:
сопоставление эксперимента 2026 г. и МУРКО НКРЯ**

Источник данных и аллофоны Проверенная единица	МУРКО НКРЯ			Эксперимент 2026 г.		
	зв.	глух.	по- лузв.	зв.	глух.	полузв.
<i>б</i>	38 (83 %)	8 (17 %)	0 (0 %)	36 (33 %)	71 (64,5 %)	3 (2,5 %)
<i>ж</i>	31 (59,5 %)	19 (36,5 %)	2 (4 %)	64 (44 %)	71 (48 %)	10 (8 %)
<i>через</i>	89 (89 %)	9 (9 %)	2 (2 %)	467 (90 %)	16 (3 %)	36 (7 %)
Всего произнесений	198			774		

Сопоставление экспериментальных и корпусных данных показывает, что и в корпусе, и в эксперименте *б* и *ж* испытывают колебания в контекстах типа *ушлá б Óля*, а в *через* в подавляющем большинстве случаев произносится звонкий согласный на конце, если далее следует сонорный или /в/, /в'/ + гласный или сонорный. Правда, очень сильно разошлись данные по частице *б*: она, если верить таблице № 11, фонетически ведет себя так же, как *через*. Но это, скорее всего, всего, всего лишь эффект малой выборки.

3.7. Выводы

Эксперимент, поставленный в 2026 г. и посвященный чередованиям по глухости/звонкости на стыке клитики и ее носителя, и предварительный корпусный анализ, а также изучение экспериментов, поставленных другими исследователями, позволяют выделить три группы языковых единиц с точки зрения глухости/звонкости.

1. Первую группу образуют непроеизводные предлоги *без, из, над, с* и *через*, с точки зрения глухости/звонкости ведущие себя как абсолютные проклитики: *бе[з_в']идео*, *и[з_л']энт*, *на[д_э]бластя́ми*, *чере[з_л']эс*, но *[с_л']эсом* и *[с_н']эжностью*. Предварительное корпусное исследование предлога *через* подтверждает справедливость такой его оценки. В экспериментах Л. А. Вербицкой и М. Л. Каленчук, поставленных в 1970–1980-е гг., предлог *через* демонстрировал точно такое же поведение, что позволяет предположить: его фонетическое поведение за последние полвека не менялось. Благодаря исследованиям других лингвистов первую группу можно расширить за счет других непроеизводных предлогов, заканчивающихся согласным: *в, к, об, от, перед, под*. Сюда же относятся и предлог *из-под*, (не)проеизводность которого спорна. Клитики первой группы абсолютные.

2. Во вторую группу входят клитики *аж, ведь, вот, ли, лишь, уж* и полуклитика *сквозь*. Перед энклитикой *ли* и амбиклитиками *аж, ведь, вот, лишь, уж* позиция для глухих и звонких фонем сигнификативно слабая: *обье́[ст_в]от*, *ми́тин[к_л']и*, *за́ле[с_л']ишь* и т. д. Если амбиклитики *аж, ведь, уж* сами употребляются перед носителем, начинающимся гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный, то их конечная фонема тоже оказывается в сигнификативно слабой позиции: *а[ш_а']кно́б*, *ве[т'л'_л]омоно́сов*, *у[ш_о']бласть*. Полупроклитика *сквозь* с точки зрения глухости/звонкости тоже ведет себя как отдельное слово: *скво[с'_л']эс*. Такие же результаты по *ведь* и *уж* были получены М. Л. Каленчук в 80-е гг. XX в. и С. В. Князовым в 10-е гг. XXI в., что свидетельствует об устойчивости описанного фонетического поведения. Остальные клитики были

проверены экспериментальным методом впервые. Все клитики второй группы относительные.

3. В третью группу попали энклитики *б* и *ж*, в указанной в п. 2 позиции ведущие себя по-разному: говорят не только *ушл́а* [п ó]ля и *едá* [ш н]áде, но и *ушл́а* [б ó]ля и *едá* [ж н]áде. Такие же колебания для *ж* зафиксированы в эксперименте С. В. Князева 2010-х гг. Впервые проведенный предварительный корпусный анализ подтверждает флуктуации в реализации согласной фонемы в этих сочетаниях. Произнесения типа *ушл́а* [б ó]ля и *едá* [ж н]áде можно рассматривать как фонетическую проклизу при синтаксической энклизе: *б* и *ж*, безусловно являясь энклитиками синтаксически, чисто фонетически имеют тенденцию к проклизе.

4. С делимитативной точки зрения стык абсолютной клитики (1-я группа) и носителя слабый: *бе*[з_в']íдео как *бе*[зв]óдный. Стык относительной клитики (2-я группа) и опорной словоформы, напротив, делимитативно сильный: (*он*) *за-*мёр[с_л']и, хотя (*они*) *замёр*[зл']и; *ве*[т'_м]óжно, хотя *се*[д'м]óй. Делимитация осуществляется за счет разных правил чередования: внутри слова и на стыке абсолютной клитики и опорной словоформы звонкая фонема перед сонорным, гласным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный реализована звонким аллофоном, на стыке относительной клитики и ее носителя — глухим.

ГЛАВА 4. Чередования согласных по твердости/мягкости на стыке клитики и ее носителя

4.1. Постановка проблемы. Кодифицированная норма

Принято считать, что в современном русском литературном языке действует тенденция к отвердению первого согласного в сочетаниях типа С'С'. Первый мягкий согласный в таких кластерах заменяется парным твердым, в результате чего получается новое сочетание вида СС': *ла́[ф'к']и* → *ла́[фк']и*, *по[с'л']édний* → *по[сл']édний*, *[т'в']ёрдый* → *[тв']ёрдый* и т. п. Переход С'С' → СС' происходил и, возможно, происходит до сих пор в разных сочетаниях с разной скоростью: где-то мягкость уже изжила себя, по крайней мере в московской и петербургской нормах литературного произношения, а в каких-то сочетаниях она до сих пор сохраняется; например, в московской и петербургской литературной речи *де[ф'к']и* в лучшем случае маргинально, в то время как *не́[с'н']я* или *ле[с'т']* — совершенно нормальные и очень распространенные произносительные варианты. Этот процесс описан в научной литературе подробно — как синхронно, так и диахронически [Панов 1967: 324–327; Вербицкая 1976: 62–67, 100–104; Каленчук 1993: 158–195; Касаткин 1993; Панов 2007; Попов 2014: 235–239; Касаткин (ред.) 2017: 982–999; Антонова 2025: 18–40].

Отдельное внимание во многих работах, посвященных сочетаниям С(')С', уделяется сандхиальным явлениям: чем агглютинативнее (осознаваемое) стык между значимыми единицами, тем при прочих равных больше вероятность того, что перед мягким согласным будет твердый. При таком подходе вполне естественно, что исследователи звучащей речи уделяли внимание стыку клитики и носителя как особой произносительной позиции и сопоставляли его с другими сандхи — между корнем и суффиксом, приставкой и корнем, первой частью сложного слова и корнем (см., скажем, [Панов (ред.) 1968: 57–80; Каленчук 1993: 158–195; Касаткин (ред.) 2017: 982–999]). Особенно ярко проявляется специфика разных сандхи тогда, когда стык клитики и носителя в принципе невосприимчив

к ассимилятивной мягкости, а аналогичный внутрисловный стык эту мягкость допускает. Так, к середине XX в. было сформулировано различие между словоформами с комбинированной флексией *-л-и* и сочетаниями с энклитикой *ли* с точки зрения твердости/мягкости: А. Н. Гвоздев отмечал, что в *повісли* произносится сочетание [с'л'], а в *повіс ли (он)* такое произношение исключено (*нав'іс'л'и*, но *нав'іс л'и*) [Гвоздев 1949: 90]. Следовательно, на стыке энклитики *ли* и ее носителя позиция сигнификативно сильная — в ней различались и различаются твердые и мягкие согласные фонемы, в том числе зубные: *плó[т^лл']и* — *плóт ли*, но *плó[т^лл']и* — *плóть ли*.

Анализ лингвистических работ XX–XXI вв. показывает, что на стыке клитики и носителя мена твердого согласного на мягкий в кластерах C(')C' во многих случаях разрушена. Уже во 2-й половине XX в. М. В. Панов, довольно ревностно относившийся к классическим орфоэпическим нормам и несклонный преждевременно говорить об изменении этих норм, утверждал, что на стыке предлога и самостоятельного слова возможно сочетание твердого и мягкого зубного, допуская такой кластер даже для зубных одного способа образования (*от тѣх*)⁸⁶; в то же время «обычно» мягким был, по мнению Панова, согласный предлога *с* (*с тѣтей, с дѣлом*), как и предлога *в* (*в бѣдѣ, в винѣ*) [Панов 1967: 188]. Рекомендации Р. И. Аванесова принципиально не отличались от утверждений М. В. Панова, так как в целом Аванесов тоже фиксировал здесь вариантность и эта вариантность тоже была разной степени предпочтительности [Аванесов 1984: 145–157, 167–168]. Существенно, что, если мягкость на стыке клитики и ее носителя не обязательна даже при сочетании гоморганных согласных, она тем более не обязательна при сочетании гетероорганных звуков.

Если же говорить не о кодифицированной норме, а об эмпирических, узусальных данных, то они тоже свидетельствуют о том, что позиционная мягкость в сандхи между клиткой и ее носителем факультативна. Например, в одном из экспериментов М. Л. Каленчук, комплексно проверявшей кластер C(')C' на са-

⁸⁶ Здесь способ образования следует понимать фонологически. Артикуляционно-акустически всё, конечно, устроено сложнее, и физическая реализация консонантного кластера в сочетаниях типа *от тѣх* требует более аккуратного комментария. Он будет дан в п. 4.3.

мых разных стыках, участвовали 200 молодых литературно говорящих носителей русского языка; Каленчук были исследованы, в частности, некоторые предложно-падежные группы — далее они приводятся с указанием доли мягких произнесений первого согласного кластера: *под листом* — 10%, *от лёса* — 16%, *от негó* — 20%, *с лёта* — 20%, *из листьев* — 29%, *из дёрева* — 38%, *под ними* — 48%, *из ниток* — 49%, *с теми* — 49% [Каленчук 1993: 159, 395]. Для всех этих сочетаний чередование твердого согласного с мягким может быть, а может не быть, причем в некоторых из них мягкий вариант явно уступает по частотности твердому.

В то же время можно заметить некоторые лакуны в экспериментальном изучении клитик — их было бы полезно заполнить, получив принципиально новые данные. Экспериментально-фонетически (с точки зрения твердости/мягкости) как следует не проверялись сочетания гоморганных губных фрикативных на стыке полуклитики и самостоятельного слова (*против вётра*)⁸⁷. Непременная твердость согласного перед энклитиками *ведь*, *ли*, *лишь*, как кажется, принимается как нечто очевидное, само собой разумеющееся, хотя специально это не проверялось. Однако можно ли с уверенностью утверждать, например, что в сочетаниях *наколóл ли* или *плóв ведь* после ударного [ó] обязательно произносится твердый согласный? Было бы интересно проверить, кроме того, как будет вести себя препозитивная амбиклитика *вот* в сочетании с разными мягкими согласным (*вот дéло*, *вот чéк*, *вот я́блоки*, *вот сéно*). На все эти вопросы может ответить фонетический эксперимент.

Итак, позиционная мягкость в кластерах C(')C' на стыке клитики и ее носителя в значительной степени разрушена — в этом прескриптивные и экспериментально-фонетические работы сходятся. Тем не менее в уточнениях нуждается степень этой разрушенности, ведь по-прежнему остаются такие типы сандхи, в которых звуко сочетание вида C'C' как минимум нормально.

⁸⁷ Комментируя эксперимент, поставленный в 1980-е гг. и подробнее описанный в п. 4.5, М. Л. Каленчук отмечает, что *напротив винта* ее дикторы произносили с [ф-в'] в сандхи, однако в соответствующей части приложений к ее кандидатской диссертации предложения с *напротив* не представлены [Каленчук 1986: 90, 192–197]. Кроме того, сомнений в полуклитичности *напротив* гораздо больше, чем в статусе полуклитики в случае *против*.

4.2. Проанализированные клитики и сочетания с ними

Чтобы уточнить реализацию фонем по твердости/мягкости на стыке клитики и ее носителя, были проверены клитики *без*, *в*, постпозитивное *ведь*, препозитивное *вот*, *из*, *ли*, *лишь*, *над*, *об*, *от*, *с* и полуклитики *против*, *через*. Из рассмотрения исключались (полу)проклитики и препозитивные амбиклитики, которые не заканчиваются твердым согласным (*о*, *у*, *сквозь*, препозитивное *ведь* и др.), а также энклитики и постпозитивные амбиклитики, которые начинаются твердым согласным (*бы*, *же*, постпозитивное *(-)таки* и др.). Во всех таких случаях звуко-сочетание $C(')C'$ либо невозможно, либо обязательно из-за того, что обе фонемы мягкие.

В качестве опорной выступала словоформа, которая:

а) в сочетании с проклитикой/полупроклитикой или препозитивно употребленной амбиклитикой *вот* начинается с палатализованной фонемы или палатальной /j/: *без ви́део*, *без ди́ска*, *в ве́ре*, *вот де́ло*, *из ле́са*, *из ни́х*, *над ни́м*, *над те́мой*, *от бе́га*, *от чегó* (ты отталкивался), *против ве́тра*, *с ве́тки*, *с не́жностью*, *с се́ном*, *через ле́с*, *через се́тку*; *без еды́*, *без я́блока*, *в я́мку*, *вот я́блоки*, *над я́блоней*, *об ё́лку* и мн. др.; выборочно были проверены комбинации *проклитика* + *носитель* тогда, когда сама опорная словоформа начинается с сочетания $C(')C'$ и когда — с учетом сандхи — получался (потенциальный) кластер $C(')C(')C'$: *без сде́лки*, *из Стёны*, *через стéнь*;

б) в сочетании с энклитикой *ли* или постпозитивно употребленными амбиклитиками *ведь*, *лишь* заканчивается твердой согласной фонемой: *занёс ли*, *нако́л ли*; *ауто́лиз ведь*, *завёз ведь*, *плóв ведь*; *вы́лез лишь*.

Факторы и позиции, как обычно, описываются отдельным параграфом ниже, однако предварительно имеет смысл подчеркнуть, что внимание уделялось прежде всего месту образования следующего согласного. Это объясняется тем, что во всех или почти всех крупных исследованиях ассимилятивной мягкости в русском языке утверждается, что этот фактор является одним из самых важных. В частности, особый интерес представляет гоморганность, которая, видимо, явля-

ется наиболее благоприятным условием для сохранения мягкости, особенно если гоморганность дополняется одинаковым способом образования.

Всего было проверено 70 сочетаний и записано 3965 релевантных произнесений этих сочетаний. При этом суммировать эти произнесения или сочетания с теми, на материале которых анализировалась глухость/звонкость, было бы неправильно, ведь нередко твердость/мягкость и глухость/звонкость проверялись на материале одних и тех же сочетаний.

4.3. Выявленные аллофоны. Общие количественные данные

Аллофоны анализируемых фонем изучались аудитивно. Однако в ряде случаев исследовались спектрограммы спорных сочетаний, а именно оценивалось поведение второй форманты (F2) соседнего гласного или соседних гласных. Избранные спектрограммы представлены на рисунках 21–28.

Локус форманты у палатализованных согласных находится примерно на уровне 2000–2500 Гц, поэтому у гласных, у которых по умолчанию вторая форманта гораздо ниже, часто наблюдается переходный участок на стыке с мягким согласным (палатализованным или палатальным): их вторая форманта смещается вверх, пытаясь достичь уровня 2000+ Гц⁸⁸. В фонетической литературе этот акустический сюжет описан довольно подробно [Деркач (ред.) 1983: 63–64, 70–72; Бондарко 1977: 64–68, 85–86, 146; Ladefoged, Maddieson 1996: 363–365; Князев, Пожарицкая 2011: 104–106]. На слух такая аккомодация может восприниматься как и-образная или й-образная.

Особенно часто приходилось отсматривать спектрограммы в сочетаниях с неразомкнутыми⁸⁹, а также с фаукальными взрывными: речь идет о произнесе-

⁸⁸ Далеко не всегда этот уровень достигается, особенно если речь идет об аллофонах /o/ и /y/ в позиции CVC', где F2 в правом переходном участке гласного редко доходит до 2 кГц. Однако подъем F2 присутствовал на проанализированных спектрограммах почти всегда.

⁸⁹ В русскоязычной традиции неразомкнутые согласные называются еще имплозивными [Касаткин 2006: 39–40, 45]. Однако в Международном фонетическом алфавите имплозивными считаются совсем другие консонантные звуки, а отсутствие какого-либо взрыва рассматривается как non-audible release [Handbook of the IPA 2007: 9–10, 17], поэтому здесь взрывные согласные без взрыва называются неразомкнутыми.

ниях вроде *на[т̚т']емой* (*на[т̚т']емой*) или *на[д^нн']им* (*на[д^нн']им*). То же самое касается зубной взрывной фонемы с зубной фрикативной: *на/д с'/э́ктой* — *на[ц̚с']э́ктой* или *на[ц̚с']э́ктой*. В таких случаях решения часто принимались, в отличие от многих других случаев, в первую очередь на основе спектрограмм, а аудитивный анализ играл вспомогательную роль. Часто, правда, никаких противоречий между спектрографической картиной и перцепцией не было: безударные [a°] или [э] в позиции CVC' обычно воспринимались как [аи] или [эй]. А первые три сегмента в сочетании *на[т̚т']емой* при отдельном прослушивании стабильно звучали как вокатив *Надь!* с неразомкнутым согласным на конце.

Регулярны были следующие три разряда аллофонов:

а) мягкие согласные: *бе[з̚д']иска* (АС-84), *[в̚в']э́ре* (ЛП-96), *и[з̚н']их* (ЛМ-01), *на[д^нн']им* (НН-48), *о[т̚ч']его́* (АН-00), *плó[ф̚в̚ф']едь* (НВ-84), *проти[в̚в']э́тра* (ВЕ2-06), *[з̚д']евя́ткой* (МЮ-60);

б) твердые согласные: *бе[з̚д']иска* (ДА2-01), *[в̚в']э́ре* (ТЮ-67), *и[з̚н']их* (ЕП-04), *на[д^нн']им* (ВВ-45), *на[ц̚с']э́ктой* (ВВ-77), *о[т̚ч']его́* (МЛ-52), *плó[ф̚в̚ф']едь* (ЮР-79), *проти[ф̚в̚ф']э́тра* (АА-05), *[з̚д']евя́ткой* (АИ-96);

в) полумягкие согласные: *и[з̚н']их* (АО-82), *о[т̚ч']его́* (ЕИ-54), *проти[ф̚ф']э́тра* (ИА-04).

Название *полумягкий согласный* используется условно: имеются в виду скорее согласные, которые затруднительно было однозначно отнести к твердым или мягким согласным. Иначе говоря, отнесение аллофона к этому разряду не следует воспринимать как утверждение об одновременном отсутствии веляризации и палатализации или о недостаточной палатализации. В результатах исследования во избежание предвзятости было решено не суммировать полумягкие ни с твердыми, ни с мягкими, так что читатель может самостоятельно принять решение о том, к какому классу аллофонов фонологически должны примыкать полумягкие согласные.

Однако кажется важным сделать один комментарий. В работах по русской фонетике встречается утверждение, что перед палатализованным согласным не может быть веляризованного или что он почти никогда не произносится в этой

позиции (см., например, [Пирогова 1970: 79; Антонова 2025: 21–22]). Ср. мнение Л. Л. Касаткина: «Мягкие и твердые согласные не перед мягкими согласными отличаются друг от друга, в частности, тем, что мягкие согласные — палатализованные ([j] — палатальный) и невяляризованные, а твердые — непалатализованные и вяляризованные (заднеязычные — вялярные). В позиции же перед мягкими согласными мягкие и твердые согласные отличаются лишь одним из этих признаков: мягкие палатализованы, твердые не палатализованы. Вяляризация же отсутствует в этой позиции как у мягких, так и у твердых согласных» [Крысин (ред.) 2008: 278]. Этот тезис представляется неточным и, как кажется, нуждается в уточнении. Если произнести словоформу *пáлки* с невяляризованным и непалатализованным латеральным перед палатализованным [к'], то получится последовательность [пáлк'и³] — с так называемым европейским [l], встречающимся в русских диалектах⁹⁰. Такое произношение представляется нелитературным и явно уступает нормативному [пáлк'и³]. Тогда, получается, вяляризованный согласный вполне может предшествовать палатализованному — это возможно физиологически и встречается в реальном произношении. Наверное, стоит, во-первых, ограничить обсуждаемый тезис хотя бы гоморганными кластерами (/сс'/, /зн'/, /бв'/ и пр.) или согласными с разными, но близкими местами образования (/дв'/, /тв'/), а во-вторых, говорить не о невозможности вяляризованной артикуляции в соседстве с палатализованной, а о том, что она избегается в слабой фразовой позиции⁹¹.

Таблицы № 12–13 отражают общие количественные данные по ключевым фонетическим позициям и по разным подклассам клитик. Сами фонетические по-

⁹⁰ Если быть совсем точным — [ɫ], поскольку отмена вяляризации не предполагает переключение дентальной артикуляции на альвеолярную. Тем не менее, даже несмотря на сохранение зубной артикуляции, отсутствие вяляризации будет очень заметным.

⁹¹ Возможно возражение: [л] в *палки* и [л] в *палка* вяляризованы в разной степени, ведь коартикуляция здесь неизбежна, даже если она не считается перцептивно. Это возражение кажется резонным, но между формулировками *не вяляризован* и *менее вяляризован* есть существенная разница.

Возможно и еще одно возражение: пример с [лк'] нерелевантен, потому что для /л/ и /л'/ позиция перед мягкими заднеязычными однозначно сигнификативно сильная. Однако обсуждаемый тезис Л. Л. Касаткина не предполагает никаких ограничений на сигнификативный статус фонем и в принципе характеризует скорее чисто артикуляционный аспект фонетического описания, чем фонологический. Речь идет о (не)возможности вяляризации перед палатализованным или палатальным согласным.

зации сгруппированы в зависимости от распространенности в них ассимилятивной мягкости первого согласного в звуко сочетаниях со вторым мягким. Еще одно важное предварительное замечание: в таблице ниже зубным для краткости названы переднеязычные зубные согласные, губно-зубные же рассматриваются как подкласс губных согласных.

**Таблица № 12. Чередования по твердости/мягкости:
общие количественные данные по (полу)проклитикам**

Аллофоны Примеры сочетаний	тв.	мягк.	полумягк.	Всего аллофонов
/в/ + /в'/				
<i>в вере, против велосипеда, против ветра</i>	9 (7 %)	73 (58 %)	44 (35 %)	126
Зубной + /ч'/, зубной + зубной, но не [л']⁹²				
<i>без диска, из них, над ним, над темой, от чего, с девяткой, через степь и др.</i>	435 (37 %)	531 (45 %)	209 (18 %)	1175
Зубной + /j/, губной + /j/				
<i>без еды, без яблока, в ямку, над яблоней, об ёлку, с едой, с ёлкой, через ельник</i>	360 (78 %)	21 (4,5 %)	82 (17,5 %)	463
Зубной + губной, губной + губной, но не /в/ + /в'/, губной + зубной, зубной + /л'/				
<i>без видео, в небе, из ленты, из мести, над лесом, об белку, об тело, с пеной, через лес и др.</i>	1449 (89 %)	29 (2 %)	146 (9 %)	1624
Данные по всем сочетаниям с проклитикой				
Итого — 60 сочетаний	2253 (66,5 %)	654 (19,5 %)	481 (14 %)	3388

⁹² Оговорка избыточна, если считать согласный [л'] альвеолярным, а не дентальным.

Таблица № 13. Чередования по твердости/мягкости:

общие количественные данные по энклитикам и амбиклитикам

Аллофоны Сочетания	тв.	мягк.	полумягк.	Всего аллофонов
Гоморганные согласные или зубной + /ч’/				
<i>вот дело, вот чек, нако- лол ли, плов ведь</i>	199 (86,5 %)	12 (5 %)	19 (8,5 %)	230
Остальные консонантные кластеры				
<i>аутолиз ведь, вот сено, вот яблоки, вылез лишь, завёз ведь, занёс ли</i>	340 (98 %)	3 (1 %)	4 (1 %)	347
Данные по всем сочетаниям с энклитиками и амбиклитиками				
Итого — 10 сочетаний	539 (93 %)	15 (3 %)	23 (4 %)	577

Как видно из приведенных таблиц, проклитики и энклитики с амбиклитиками демонстрируют принципиально разное фонетическое поведение. Если чередования по мягкости для некоторых сочетаний с проклитиками вполне нормальны (*с сеном, над ним, от чего* и т. д.), то для энклитик и амбиклитик они периферийны даже для сочетаний с гоморганными согласными в сандхи (типа *плов ведь* или *наколóл ли*). Это, в частности, означает, что конечная фонема носителя на стыке с энклитикой или постпозитивной амбиклитикой находится в сигнификативно сильной позиции по твердости/мягкости: *шэс[т_в’]едь*, но *шэс[т’_в’]едь* (*шесть ведь* отлично от *шесть ведь*).

Любопытно в этом отношении сопоставление *против ветра* и *плов ведь*, поскольку, хотя *против* является полуклитикой, а *ведь* — полноценной клитикой, *против ветра* демонстрирует гораздо большую подверженность ассимилятивному смягчению: *против ветра* было прочитано с надежно установленным мягким согласным 18 раз и с неопределенным полумягким 19 раз, в то время как в *плов ведь* только 4 раза был зафиксирован мягкий согласный и 12 раз полумягкий. С одной стороны, это может объясняться тем, что *против* препозитивно, а препозитивный стык склонен к позиционной мягкости в большей степени, чем постпозитивный. С другой стороны, различие в фонетическом поведении этих стыков может быть связано с тем, что в *плов* представлен гласный заднего

ряда, а в *против* гласный перед конечным согласным передний⁹³. По этой причине нельзя с уверенностью утверждать, что разное поведение анализируемых сочетаний обусловлено их просодическим и синтаксическим статусом: дело может быть просто в сегментном окружении сандхиального кластера.

В целом общепринятое представление о том, что позиционной мягкости на стыке энклитики *ли* и ее носителя нет, надо считать верным. То же самое относится к амбиклитикам *ведь, вот* и *лишь*.

Что касается сочетаний с проклитиками, то, как и следовало ожидать, наибольшую сохранность мягкости демонстрируют некоторые гоморганные кластеры, а именно сочетания зубных согласных (но не /л'/), а также /вв'/: *из нѣх, с сѣном, в вѣре*. При переходе от кластеров типа *зубной + зубной* к звуко сочетаниям *зубной + губной* процент позиционной мягкости резко падает. Особое поведение демонстрирует согласная фонема /л'/: перед ней безоговорочно доминирует произношение твердого согласного⁹⁴. Если считать /л'/ альвеолярным согласным, то в каком-то смысле окажется, что вся мягкость сконцентрирована в области зубного ряда, потому что согласные [в] и [в'] хоть и губные, но все-таки являются губно-зубными — предполагают участие верхних передних зубов.

⁹³ Этот безударный гласный может и выпадать, однако произнесение не учитывалось, если между [т'] и лабиодентальным не было гласного.

⁹⁴ Что, конечно, можно рассматривать как аргумент в поддержку той точки зрения, согласно которой русский [л'] — альвеолярный согласный. В действительности, вероятно, он разный у разных носителей русского языка: у кого-то он зубной, а у кого-то альвеолярный. Это довольно объяснимо как фонологически, так и перцептивно: в русском языке нет никакого фонологического противопоставления зубного и альвеолярного аппроксимантов, а услышать разницу между зубным и альвеолярным согласными, когда они оба полноценно палатализованы, довольно затруднительно.

Но в таком случае не нужно ли принять более удобное решение, если вообще нужно выбирать что-то одно? Признание [л'] альвеолярным согласным как минимум избавит от необходимости оговорок типа *зубной, но не [л']*.

4.4. Многофакторный фонетический анализ

Эксперимент 2026 г. позволил статистически проверить некоторые языковые факторы, влияющие на позиционную мягкость согласных на стыке клитки и носителя. Процедура проверки абсолютно идентична двум предыдущим (см. пп. 2.4 и 3.4), так что здесь она дана в сокращенном виде.

Чтобы установить значимость различий между разными факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок. На одной и той же выборке производились 2 парных сравнения для проверки глухости/звонкости (см. п. 3.4) и 3 парных сравнения для уточнения чередований по твердости/мягкости, так что минимальный уровень значимости с поправкой Бонферрони составил 0,01 ($= 0,05 / 5$). Отдельно проверялся возраст: выборка в 60 человек была поделена на три возрастных подвыборки по 20 человек — старшую, среднюю и младшую. Чтобы проверить значимость различий между этими три подвыборками, было сделано два попарных сравнения старших со средними и средних с младшими по критерию Манна — Уитни.

Итого было проверено 4 языковых фактора:

1) статистически незначимые:

- а) частотность опорной словоформы: *без д́иска vs. без д́инго, над н́им vs. над н́иксой, из л́енты vs. из л́ености*;
- б) способ образования согласных при гоморганности кластера: *с н́ежностью vs. с с́еном, над н́им vs. над т́емой, через т́ело vs. через с́тку, вот с́ено vs. вот д́ело, об в́етку vs. об б́лку*;
- в) возраст: сравнивались все вхождения по возрастным группам;

2) статистически значимым ожидаемо оказался фактор близости сандихальных согласных по месту образования: *над с́ектой vs. над в́ектором, из н́их vs. из м́ести, с с́еном vs. с в́етки, без д́иска vs. из б́лки* ($p < 0,000001$: в гоморганных зубных кластерах мягкие аллофоны первой фонемы произносятся чаще, чем в сочетаниях зубного с губным).

Последняя проверка поддерживает конвенциональное представление о том, что близость контактирующих согласных по месту образования способствует сохранению позиционной мягкости. В целом респонденты охотнее произносили, скажем, [с' _с']*énom*, чем [с' _в']*étки*. Научного открытия тут нет, но существенно, что эта закономерность на стыке клитики и носителя подтверждена статистически.

К сожалению, проверка способа образования при гоморганности кластера не продемонстрировала статистически значимых различий. Но этот фактор все равно кажется релевантным, а его незначимость в рамках описываемого эксперимента может объясняться малочисленностью сравниваемых пар. Кажется, то же самое верно и для фактора частотности. Тем не менее невозможно утверждать, что влияние этих факторов как-либо доказывается проведенным экспериментом.

Что касается возраста респондентов, то здесь, как и в случае с чередованиями по месту образования, могла подвести выборка: подвыборки по 20 человек малы для эффективного применения статистики. В то же время закрадывается и некоторое сомнение: вполне может быть, что дело не в выборке и не в сочетаниях, а в том, что процесс разрушения мягкости остановился или ощутимо сбавил обороты в дентальных кластерах. Впрочем, это соображение требует дополнительных исследований с обязательным применением статистических проверок на больших выборках.

4.5. Сравнение экспериментальных данных разных лет

Детально описан стык препозитивного служебного слова с самостоятельным в кандидатской диссертации М. Л. Каленчук [Каленчук 1986: 77–90, 192–197]. В 80-е гг. XX в. она исследовала 141 сочетание с предлогом: эти сочетания читали на магнитофонную пленку 48 человек 1963–1967 г. р. [Каленчук 1983: 77]. На данный момент это самое полное экспериментальное описание этого

сандхи в русистике — и его важно сопоставить с результатами, полученными в эксперименте 2026 г.

Таблицы № 14–15 посвящены именно этому сопоставлению. Первая представляет собой слегка измененную копию двух оригинальных таблиц Каленчук, отражающих процент мягких произнесений на конце предлогов, заканчивающихся зубным согласным, а также предлога *в* [Каленчук 1986: 87, 89]. Вторая же демонстрирует только те данные, полученные Каленчук, которые сопоставляются с результатами, изложенными в п. 4.3. При необходимости для второй таблицы проводился перерасчет по объединенным позициям. В обеих таблицах всегда указываются проценты произнесений — в оригинальных таблицах даны проценты, а переводить их в абсолютные значения было бы проблематично из-за выборки в 48 человек.

**Таблица № 14. Чередования по твердости/мягкости
в экспериментах М. Л. Каленчук 1980-х гг.**

Первый согласный носителя предлог	[с']	[з']	[т']	[д']	[н']	[л']	[j] ([й])	[в']	[ф']	[м']	[п']	[б']
<i>без</i>	62	62	16	8	12	0	19	0	0	0	0	0
<i>из</i>	81	79	25	41	2	0	25	2	0	0	0	0
<i>с</i>	65	79	40	37	33	12	8	0	0	0	0	0
<i>через</i>	42	52	31	21	17	0	21	0	0	0	0	0
<i>от</i>	14	4	83	92	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>над</i>	2	2	92	98	0	0	0	2	0	0	0	0
<i>под</i>	18	2	100	95	0	0	0	2	0	0	0	0
<i>из-под</i>	4	14	77	70	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>перед</i>	0	0	83	83	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>в</i>	0	0	0	0	0	0	0	37	60	6	2	0

**Таблица № 15. Чередования по твердости/мягкости:
сопоставление эксперимента 2026 г. (НН)
и экспериментов М. Л. Каленчук 1980-х гг. (МК)**

Позиция перед <u>С</u> и источник данных Проверенный предлог	/с'/ или /з'/ ⁹⁵		/т'/ или /д'/		/н'/		/в'/ или /ф'/		/ж'/		/л'/	
	МК	НН	МК	НН	МК	НН	МК	НН	МК	НН	МК	НН
<i>без</i>	62	30	12	27	12	—	0	1	19	6	0	—
<i>из</i>	80	—	33	46	2	69,5	2	—	25	—	0	0
<i>с</i>	72	77	38,5	75	33	39	0	0	8	26	12	—
<i>через</i>	47	46	26	38	17	—	0	—	21	8	0	0
<i>над</i>	2	8	95	52	0	52	2	0	0	0	0	0
<i>в</i>	0	—	0	—	0	0	48,5	66,5	0	12	0	—

В дополнение к таблицам имеет смысл оговорить, что были проверены предложные единицы *поверх, сверху, вокруг, поперек* и *к*. Согласный в *к* произносился мягко только перед [к'] или [г'] следующего слова, однако на конце *вокруг, поверх, поперек, сверху*, а также *вслед, напротив, насчет* всегда произносился твердый согласный — даже перед тем согласным, который представляет собой пару к твердому согласному на конце предложной единицы: *вокруг[г-г']енерá-ла, вокруг[к-к']ио́ска, попере[к-к']инжа́ла; вслед[д-д']я́де, вслед[ц-с']сестре́, напро-ти[ф-в']инта́, насче[ц-с']еа́нса, насче[т-т']еа́тра* (оригинальные транскрипции) [Каленчук 1986: 88–90]. Правда, единицы *напротив, вслед* и *насчет* не даны в приложении к диссертации отдельной группой (в отличие от *поверх, сверху, вокруг* и *поперек*), поэтому в их случае не совсем ясно, о каких именно произнесениях идет речь.

Сравнивая экспериментальные данные разных лет, можно заметить как сходства, так и различия между ними.

С одной стороны, в обоих экспериментах очевидна схожесть данных по зубным кластерам и /в/ + /в'/. Более того, в обоих экспериментах исключение

⁹⁵ Процент мягких по сочетаниям *без сделки, из Стёны, через стень* из эксперимента 2026 г. не учитывается в таблице.

из этого тезиса представляет позиция перед /л'/ для всех исследованных единиц, а также перед /с'/, /з'/ для предлога *над*. Еще стоит отметить почти полный запрет ассимилятивный мягкости для кластеров *зубной + губной*, *губной + зубной*.

С другой стороны, бросаются в глаза несколько сравнений, демонстрирующих радикальное расхождение. Прежде всего это относится к позиции перед /н'/ для предлога *из*: 2 % мягких произнесений в эксперименте М. Л. Каленчук vs. 69,5 % мягких реализаций в эксперименте 2026 г. Причем довольно трудно объяснить это расхождение методикой анализа аллофонов, потому что даже при несколько разной методике (в эксперименте 2026 г. полумягкие считались отдельно) все-таки в других случаях совпадения были почти идеальные — с разницей в несколько процентов. Возможно, повлияла частотность носителя, поскольку в эксперименте Каленчук анализировалось сочетание *из н́иток*, а в эксперименте 2026 г. — *из н́их*. Крайне любопытно, что в другом эксперименте Каленчук, поставленном, судя по всему, в конце 80-х или начале 90-х гг., *из н́иток* произнесла с мягким согласным половина респондентов (49 % от 200 респондентов) [Каленчук 1993: 395].

Противоречивы результаты проверки *над*. Во-первых, перед /т'/, /д'/ в эксперименте Каленчук почти все респонденты произнесли мягкий согласный на конце предлога *над* (95 %), в эксперименте же, представленном в настоящей главе, такое произношение надежно установлено только в половине случаев (52 %). Во-вторых, разный результат продемонстрировала и проверка позиции перед /н'/: у Каленчук — ни одного мягкого вхождения (0 %), в эксперименте 2026 г. — примерно половина (снова 52 %). При этом мягкие произнесения были зафиксированы даже в сочетании с редким словом: предложно-падежная группа *над н́иксой* была произнесена с мягким на конце предлога в четверти случаев (14 раз из 54). Здесь, возможно, повлияло отсутствие спектрографического анализа в исследовании М. Л. Каленчук.

4.6. Сравнение экспериментальных и корпусных данных

Сопоставление экспериментальных данных разных лет отчасти определило выбор сочетаний для предварительного корпусного анализа: показалось не-безынтересным проверить в первую очередь сочетание *из них* и сочетания с предлогом *над*, когда он предшествует /т'/ или /д'/. Кроме того, в обоих экспериментах была отмечена частая ассимилятивная мягкость в сандхиальных звукосочетаниях /сс'/ и /вв'/, что спровоцировало вопрос: насколько выше будет процент мягких произнесений в реальных устных текстах?

Чтобы минимизировать количество профессиональных актеров и дикторов в выборке, поиск в МУРКО НКРЯ осуществлялся по подкорпусу с параметрами *устная публичная речь* и *устная непубличная речь*. Так как интерес представляла современная речь, анализировались записи только 2000–2026 гг. По умолчанию из рассмотрения исключались идиолекты с явными нелитературными чертами.

Таблица № 16 отражает корпусные данные по сочетанию *из них*, а также по сочетаниям типа *в* + /в'/ и *с* + /с'/ . Последние были найдены по запросам *в ве** и *с с** с последующим ручным отсчетом выдачи. Использование запроса *в ве** объясняется, во-первых, тем, что в эксперименте 2026 г. было представлено сочетание *в вере*, а во-вторых, по запросу *в ви** или *в в** пришлось бы постоянно отсеивать вхождения с идиомой *иметь в виду*, где *в виду* является уже целостной вторичной словоформой, и с предложной единицей *в виде*, которая может представлять собой вторичную словоформу⁹⁶. Анализ этих сочетаний был ограничен 60 вхождениями, сопоставляемыми, собственно, с экспериментом 2026 г., в котором предложно-падежные группы *из них*, *в вере* и *с сеном* читали 60 человек. Принцип *одно произнесение — один человек* при корпусном исследовании был соблюден.

В таблице ниже не отражены результаты по поисковым запросам *над т**, *над д** и *над н**, так как их оказалось слишком мало.

⁹⁶ О понятии вторичной словоформы см. [Плунгян 2024].

**Таблица № 16. Чередования по твердости/мягкости:
сопоставление эксперимента 2026 г. и МУРКО НКРЯ**

Источник данных и аллофоны Проверенная единица	МУРКО НКРЯ			Эксперимент 2026 г.		
	тв.	мягк.	полумягк.	тв.	мягк.	полумягк.
<i>из них</i>	4 (6,5 %)	51 (85 %)	5 (8,5 %)	12 (20,5 %)	41 (69,5 %)	6 (10 %)
<i>в + /в'/'</i>	6 (10 %)	49 (81,5 %)	5 (8,5 %)	3 (5,5 %)	36 (66,5 %)	15 (28 %)
<i>с + /с'/'</i>	4 (6,5 %)	51 (85 %)	5 (8,5 %)	10 (18 %)	43 (77 %)	3 (5 %)
Всего произнесений	180			169		

Сопоставление экспериментальных и корпусных данных свидетельствует о том, что сочетание *из них* и стык предлога *с* и следующего слова с /с'/' в начале, а также предлога *в* и следующего слова с /в'/' в начале имеют тенденцию произноситься мягко. При этом следует отметить, что в случае *с + /с'/'* три твердые реализации наблюдались про разрыве гласным, то есть после [с] произносился вставной гласный, а четвертый твердой аллофон был растянут ([с:с']). Такие реализации не исключались из корпусного анализа потому, что они не исключались из анализа экспериментальных данных.

4.7. Выводы

Эксперимент 2026 г. и предварительный корпусный анализ позволили уточнить сведения о чередованиях по твердости/мягкости на стыке клитики и носителя.

1. Впервые с этой точки зрения были экспериментально проверены сочетания с энклитикой *ли* и амбиклитиками *ведь*, *лишь*, употребленными энклитически, и амбиклитикой *вот*, употребленной проклитически. Установлено, что это сандхи непроницаемо для ассимилятивного воздействия по мягкости: респонденты произносили почти исключительно *занё[с_л']и*, *завё[с_в']едь*, *вы́ле[с_л']ишь*, *во[ц_с']ёно*. Принципиально ничего не меняется, даже если согласные в кластере совпадают не только по месту, но и по способу образования: *наколó[л_л']и*, *плó[ф_в'ф']едь*, *во[т_д']élo*; впрочем, некоторое ощутимое увеличение полумягких аллофонов отмечено при анализе *плов ведь*.

2. Что касается сочетаний с проклитиками, то наибольшую степень позиционной мягкости в кластерах *С(')С'* демонстрируют кластеры зубных (но не с /л'/) и /вв'/: как в эксперименте, так и в корпусе доминировало произношение *и[з'_н']их*, *[с'_с']ёном*, *[в'_в']ёре*. При переходе от кластеров типа *зубной + зубной* к звуко сочетаниям *зубной + губной* процент позиционной мягкости значительно снижается. Особое поведение отмечено у фонемы /л'/: перед ней безоговорочно преобладает твердый согласный. Если считать [л'] альвеолярным согласным, то окажется, что почти вся мягкость сконцентрирована в области зубного ряда, поскольку согласные [в] и [в'] являются губно-зубными, а не просто губными.

3. Удалось статистически доказать, что чем ближе по месту образования сандхиальные согласные, тем чаще в них произносится мягкий согласный перед мягким. Например, чаще произносили *[с'_с']ёном* и *на[ц'_с']éктой*, чем *[с'_в']ётки* и *на[д'_в']éктором* соответственно.

4. Результаты эксперимента не позволяют говорить о том, что с точки зрения твердости/мягкости стык абсолютной проклитики и носителя делимитативно

отличается от стыка относительной энклитики *ли* или амбиклитик *ведь* и *лишь* и носителя. Позиционной мягкости нет в обоих позициях: в *из лёса* и *вы́лез лишь* регулярно произносилось [зл'], в *без ви́део* и *завёз ведь* — [зв'] и [св'] соответственно. Однако делимитативно сильным можно считать стык проклитически употребленной амбиклитики *вот* и носителя, так как он отличается от стыка абсолютной проклитики и носителя: *вот де́ло* — почти всегда *во*[т̚_д']éло, но *над те́мой* — стабильно *на*[т̚'_т']éмой и *на* [т̚_т']éмой, причем преобладает первый вариант.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование было посвящено описанию клитик как особого фонетического явления, что потребовало разработать ряд теоретических вопросов и принять некоторые решения, отличные от традиционных.

В работе развивается подход, согласно которому клитика — это просодически несамостоятельная словоформа, то есть такая словоформа, которая не может формировать фонетическое слово вне сочетания с другими словоформами. При этом существенно, что статус клитики должен определяться на основе не окказиональных или маргинальных, а системных, регулярных употреблений.

Предлагается различать следующие подклассы клитик:

1) абсолютные, не демонстрирующие никаких сегментных особенностей произношения ([б'и'з_д]а́ра как [б'и'зд]а́рный), и относительные, выдающие свою остаточную самостоятельность на сегментном уровне (мо́роз, [но_со́]лнце), — это деление характеризует фонетическое примыкание клитик;

2) акцентогенные, способные нести словесное ударение при сочетании с некоторыми самостоятельными словами (наде́ть **на́** голову), и неакцентогенные, лишенные такой возможности (помо́г **бы**); при характеристике конкретных употреблений одной и той же клитики, следовательно, можно говорить об ударных (**на́** голову) и безударных (**на** го́лову) ее употреблениях;

3) постоянные проклитики (можно без *лжи́*, но нельзя **лжи́* без), постоянные энклитики (*ложь* *бы*, но не **бы* *ложь*) и амбиклитики (нормально как *ведь* *ложь*, так и *ложь* *ведь*) — это разделение опирается на синтаксическое поведение рассматриваемых единиц.

При делении клитик на абсолютные и относительные нужно учитывать реализации фонем и в самой клитике, и в ее носителе, так как специфичность клитики нередко проявляется в нем: (он) *дост*и́[к_л']и отличается от (они) *дост*и́[гл']и, хотя в обоих случаях произносится [л'и³]. В подобных сочетаниях клитика становится своеобразной позицией, предсказывающей поведение сандхиальных фонем. Существенно, что описанное чередование объясняется именно клитикой, а не са-

ним носителем: в *дості́г ли* фонема /г/ реализована [к] вовсе не потому, что опорная словоформа *достиг* обладает какими-то специфическими произносительными характеристиками, а потому, что *ли* ими обладает, будучи относительной энклитикой.

Необходимо, кроме того, иметь в виду, что граница между просодически самостоятельными словоформами и клитиками отнюдь не абсолютна. Значит, возможно выделение промежуточной группы. Здесь для нее принят термин *полуклитика* — так называется словоформа, способная регулярно быть просодически как самостоятельной, так и несамостоятельной: *мой до́м*, но *мо́й холодоу́льник*.

Эти теоретические решения применялись при описании конкретных эмпирических данных: экспериментальных и корпусных. В работе собран большой фактический материал о консонантизме клитик. Всего было проанализировано более 12 000 произнесений из двух экспериментов 2025–2026 гг. и 1046 корпусных вхождений из МУРКО НКРЯ. Всё это позволило описать фонетическое поведение клитик в современном русском литературном языке с точки зрения консонантных чередований по месту образования, глухости/звонкости и твердости/мягкости:

1) наряду с кодифицированными сочетаниями шипящих с шипящими: *бе[ш_ш]а́пки*, *заве́[ж_ж]е*, *[ш'_ч']елове́ком* и пр., — в той же позиции узуально нормальны и некодифицированные сочетания свистящих с шипящими: *бе[с_ш]а́пки*, *заве́[з_ж]е*, *[с'_ч']елове́ком*; если считать, что внутри слова такая звуковая последовательность в литературном произношении под синтагматическим запретом, необходимо признать, что клитики *без*, *же*, *из*, *с* являются относительными, так как сандхи между ними и носителем ведет себя особым образом⁹⁷;

2) в литературном произношении, несмотря на кодифицированную норму, встречаются не только произнесения *ушл́а* [п о́]ля и *ед́а* [ш н]а́де, но и варианты *ушл́а* [б о́]ля и *ед́а* [ж н]а́де — последние могут представлять собой фонетическую

⁹⁷ Впрочем, тенденция к разрушению этого чередования, судя по всему, актуальна и для внутрисловных стыков. Если признать, что и там сочетания свистящих с шипящими нормальны, то проклитики *без*, *же*, *из*, *с* нельзя считать относительными.

проклизу при синтаксической энклизе: синтаксически *б* и *ж*, бесспорно, энклитики, не проходящие тест на амбиклитичность, однако фонетически они как будто стремятся к опоре на следующее, а не на предыдущее слово; в то же время на стыке энклитики *ли* и ее носителя подтверждена мена звонкого согласного на глухой, обязательная для московского варианта литературного произношения: *достѣ́[к_л']и*, *ми́тин[к_л']и* и пр.; это верно и для амбиклитик: *а[ш_а]кно́*, *ве[т'л'_л]о́жь* и *ло́[ш_в'ф']едь*, *за́ле[с_л']ишь*;

3) в сандхиальных кластерах *C(')C'* мягкость первого согласного доминирует только в некоторых сочетаниях зубных с зубными, а также одинаковых губных фрикативных (чаще *и[з'_н']их*, *на[д'н'_н']им*, *[в'_в']ере*, чем *и[з_н']их*, *на[д^n_н']им*, *[в_в']ере*), а единственные типы кластеров *C(')C'* на стыке клитики и ее носителя, где позиционная мягкость близка к обязательной, — это сочетания гомоганных губно-зубных щелевых или переднеязычных зубных щелевых: *[в'_в']ере*, *[с'_с']эном*.

Статистически доказано влияние следующих языковых факторов на произношение клитик:

1) частотность опорной словоформы, оказавшейся статистически значимой для чередований по месту образования: чаще *[ш'] челове́ком*, чем *[ш'] чичисбе́ем*;

2) просодическая позиция, продемонстрировавшая значимость для той же группы чередований: *и[ш'] челове́ка* в слабой фразовой позиции произносится чаще, чем *и[ш'] челове́ка* в сильной фразовой позиции;

3) близость согласных по месту образования, существенно влияющая на позиционную мягкость в кластерах *C(')C'*: *[с'_с']эном* произносится в разы чаще, чем *[с'_в']этки*.

Проведенное диссертационное исследование позволяет объяснить, почему клитики в принципе демонстрируют какие-либо фонетические особенности. Можно предложить два общих ответа, дополняющих друг друга.

I. Какие-то клитические явления объясняются преимущественно фонетическими тенденциями развития языка. Одна из самых известных и часто обсуждаемых закономерностей такого плана — это тенденция Бодуэна де Куртенэ — Па-

нова. Она предполагает, что в русском языке по крайней мере последних столетий в целом усиливается консонантизм и ослабляется вокализм: различительная способность согласных фонем увеличивается, дистинктивные возможности гласных фонем снижаются.

Эта тенденция хорошо объясняет появление свистящих перед шипящими. Если в литературном произношении XX в. действительно был синтагматический запрет на звуковые последовательности типа [сш], [жж], [с'ч'] и пр., то снятие этого запрета уменьшает степень нейтрализации, поскольку перед /ш/, /ж/, /ч'/ и /ш'/ теперь частично различаются свистящие шипящие: *ро/с ж/е* (*ро́с же бы́стро*) — *ро́[ж_ж]е* и *ро́[з_ж]е* vs. *ро/ж ж/е* (*ро́жсь же колоси́тся*) — только *ро́[ж_ж]е*⁹⁸. Специфика клитик здесь проявляется только в том, что разрушение мены свистящего на шипящий перед шипящим активнее и быстрее происходит на стыке клитики и носителя, чем на стыке приставки и корня.

Кроме того, при исследовании глухости/звонкости было подтверждено особое фонетическое поведение кластеров /вв/ и /вв'/. В сочетаниях *плов ведь* и *плов вот* вместо полноценных [в'], [в] в начале клитики часто были представлены глухие [ф'], [ф] или полувзвонкие [в'ф'], [в^ф]: *пло́в [ф']едь*, *пло́в [в'ф']едь* и *пло́в [ф]от*, *пло́в [в^ф]от*. Эта особенность кажется именно фонетической, и едва ли ее можно объяснить каким-то особым морфосинтаксическим статусом обсуждаемых языковых единиц: подобные явления отмечаются даже для стыка разных фонетических слов.

II. Гораздо большее количество фактов в произношении клитик объясняется морфологией и синтаксисом.

С одной стороны, в русском языке к относительности имеют тенденцию частицы и союзы, в то время как предлоги-проклитики в целом более склонны сливаться со своими носителями в цельную фонетическую структуру. Можно на это посмотреть и с чисто синтаксической точки зрения: относительность характерна для амбиклитик и энклитик (*да*, *ведь*, *ли*, *лишь*, *но*, *уж* и пр.) — больше,

⁹⁸ Утрата долготы, конечно, возможна, но сути дела не меняет.

чем для проклитик (*без, из, с*). Синтаксическая свобода амбиклитик, вероятно, поддерживает их фонетическую самостоятельность.

С другой стороны, апелляция к абстрактной грамматической функции, стоящей за частеречной принадлежностью, или к синтаксической позиции сама по себе не вскрывает диахронической природы описываемых явлений: почему одни служебные слова даже одной части речи представляют собой относительные клитики, а другие — абсолютные? Более того, почему некоторые полуклитики переходят в клитики, не меняя при этом своей частеречной принадлежности? Очевидно, рассуждения о частях речи здесь мало чем помогают: сами по себе они не объясняют всех диахронических переходов.

Высказывалось мнение, что произносительные особенности клитик и полуклитичность отдельных слов связаны со словообразованием: если (полу)клитика образована относительно недавно и ее словообразовательная производность еще не совсем «затерта», она может демонстрировать не до конца утраченную мотивированность фонетически. Например, в XX в. отмечались колебания вроде *ме[ш_н']и́ми* и *ме[ж_н']и́ми*. И одно из возможных объяснений этого — амбивалентный статус предлога: он может вести себя и как производный (образованный от *межа* и синхронно мотивированный как усеченный дериват *между*), и как непроизводный (утрачена связь с *межа* и *между*). Тем не менее этот ответ все-таки можно вписать в более широкий контекст — дополнить некоторыми общими теоретическими соображениями.

Образование полуклитик и клитик и наличие или утрату их фонетических особенностей можно рассматривать в рамках теории грамматикализации. Эта теория предполагает, среди прочего, что естественный язык, обновляя инвентарь служебных слов и словоизменительных морфем, превращает в них обычные лексические единицы: лексика пополняет грамматику. Один из классических примеров грамматикализации — это появление аналитических форм типа англ. *have done*, где для образования перфекта используется глагол *have* ‘иметь’, служебное значение которого исторически инновативно. Еще один пример — русский постфикс *-ся (-сь)*, восходящий к энклитической форме *ся* местоимения *себе*, а в со-

временном русском представляющий собой экстернализованный суффикс, использующийся после флексии (*изуча́й-ут-ся*, *изуча́л-и-сь* и пр.).

Приведем два примера, связанные именно с фонетическими изменениями, сопровождающими грамматикализацию. Превращение полноценного слова в грамматический показатель с фонетической точки зрения сопровождается как минимум тремя процессами: звуковой компрессией, потерей просодической самостоятельности и изменением правил, по которым реализуются аллофоны.

В начале работы в качестве исходной гипотезы было принято, что предлог *через* является полуклитикой. Иначе говоря, он то формирует, то не формирует отдельное фонетическое слово сам по себе: *через вас* — одно фонетическое слово, но *чѐрез перехо́ды* — два фонетических слова. Однако при детальном изучении его поведения с точки зрения глухости/звонкости подтвердилась мысль некоторых лингвистов о том, что в этом отношении *через* ведет себя так же, как предлог-проклитика *без*: в позиции перед гласным, сонорным или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный, *через* столь же часто произносится со звонким согласным на конце, как и предлог *без*. Звонкость на конце обоих этих предлогов настолько устойчива, что, даже если выделить их акцентно, они обычно произносятся со звонким аллофоном на конце: *бе́[з_в']и́део*, *чѐре[з_л']ѐс*.

При этом во 2-й половине XX в. считалось, что выбор между [з] и [с] на конце *через* в сформулированной позиции определяется его ударностью/безударностью: *чере[з_л']ѐс*, но *чѐре[с л']ѐс*. Если предположить, что это описание отражает реальный узус того времени, по крайней мере один из узуальных вариантов, то можно сделать еще одно предположение: предлог *через* продолжает грамматикализироваться, постепенно приближаясь к статусу полноценной клитики. Возможно, сейчас доминирует безударное произношение этого предлога — тогда его надо признать именно клитикой, а не полуклитикой. Даже если это соображение преждевременно, результаты и экспериментальных работ (причем разных авторов), и предварительного корпусного анализа довольно однозначно свидетельствуют о преобладании звонкого аллофона на конце *через* в позиции перед гласным, сонорным или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный.

Если выйти за пределы консонантизма, то хорошей иллюстрацией к теории грамматикализации является эволюция *ведь*. Как известно, эта амбиклитика восходит к реликтовому синтетическому перфекту *въдѣ* (ср. лат. *vidi* ‘увидел’). В ходе языковой эволюции не только был утрачен последний звук этой словоформы, но и ее корневой гласный стал редуцированным: в огромном количестве случаев произносится [в’и³]*ть*, а не [в’э]*ть*. Тем не менее понятно, что редуцированный [и³] — это инновация, да и клитикой перфект *въдѣ* изначально тоже не был.

И эти изменения прекрасно вписываются в диахроническую модель, предлагаемую теорией грамматикализации: *въдѣ*, употребляясь все чаще и чаще и постепенно становясь служебным словом, приобретает более абстрактную семантику, подвергается фонетической компрессии, теряет просодическую самостоятельность, а с потерей самостоятельности начинает подчиняться ритмической формуле, действующей внутри одного фонетического слова, так как *ведь* уже клитика. Если согласиться с этим, то резистентность *ведь* к различению глухих и звонких фонем перед собой в постпозиции к носителю (*лѡ*[ш_в’^ф]*едь*) и отсутствие звонкости на конце в препозиции (*ве*[т’^л_л]*ѡжь*) представляют собой как раз след былой просодической самостоятельности — последний рубеж, отделяющий относительно амбиклитуку *ведь* от абсолютного примыкания к носителю⁹⁹. Можно аккуратно предположить, что если со временем будет отмечено значимое увеличение произнесений типа *лѡ*[ж_в’]*едь* и *ве*[д’^л_л]*ѡжь*, то это будет сигналом продолжающейся грамматикализации этой единицы.

При таком взгляде на происхождение русских клитик рассуждения о словообразовании представляют собой лишь один из частных аспектов грамматикализации. Утверждения, скажем, что от глагола *въдѣ* было образовано служебное слово *ведь*, никак не противоречат теории грамматикализации, зато привлечение последней позволяет логично связать фонетику и грамматику — объяснить, поче-

⁹⁹ На самом деле даже амбиклитичность *ведь* может быть объяснена через грамматикализацию, поскольку древнерусский глагол, не являющийся вакернагелевской клитикой (клитикой второй позиции), по умолчанию мог быть как в препозиции, так и в постпозиции к существительному, выполняющему функцию подлежащего.

му в принципе служебность слова влечет за собой потерю просодической самостоятельности и имеет какие бы то ни было следствия на сегментном уровне.

В заключение кажется важным еще раз подчеркнуть, что клитики — это тот класс языковых единиц, чьи произносительные особенности невозможно полноценно описать без учета морфологии и синтаксиса. Только при последовательном учете морфосинтаксических характеристик клитик и полуклитик, их линейно-синтагматической свободы, грамматикализации, которой они подвергаются в ходе языковой эволюции, можно полно описать и интерпретировать их фонетические особенности. В диссертации была предпринята попытка сделать это на материале консонантизма русских клитик.

Перспективы дальнейшей работы видятся в целостном описании произносительных особенностей русских клитик в области вокализма, что позволит создать системное фонетическое описание такого особого класса языковых единиц, как клитики, в современном русском литературном языке.

Список литературы

1. Аванесов 1948 — Аванесов Р. И. Об ударении в русском языке / Р. И. Аванесов // Русский язык в школе. — 1948. — № 4. — С. 1–11.
2. Аванесов 1958 — Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке / Р. И. Аванесов. — М.: Учпедгиз, 1958. — 80 с.
3. Аванесов 1974 — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература» / Р. И. Аванесов. — М.: Просвещение, 1974. — 287 с.
4. Аванесов (ред.) 1983 — Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова ; под ред. Р. И. Аванесова. — М.: Русский язык, 1983. — 704 с.
5. Аванесов 1984 — Аванесов Р. И. Русское литературное произношение : учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Р. И. Аванесов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1984. — 384 с.
6. Агаронов, Пауфошима 1971 — Агаронов Д. А., Пауфошима Р. Ф. Об условиях ассимилятивного озвончения согласных на стыке фонетических слов в русском языке / Д. А. Агаронов, Р. Ф. Пауфошима // Развитие фонетики современного русского языка. — М.: Наука, 1971. — С. 189–199.
7. Адодуров 2014 — Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», или «Первые основания русского языка» / В. Е. Адодуров ; А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Л. Н. Григорьева и др. ; отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. — СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. — 256 с.
8. Андреева 2018 — Андреева А. Д. Звуковое оформление русских клитических частиц: влияние просодического выделения / А. Д. Андреева // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2018. — Вып 17. Фонетика. — С. 99–108.

9. Антонова 2025 — Антонова О. В. Старомосковское произношение: история и современность / О. В. Антонова. — М.: Русистика, 2025. — 160 с.

10. Антонова, Савинов (ред.) 2009 — Антонова О. В., Савинов Д. М. (ред.). Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с.

11. Барановская 1967 — Барановская С. А. Консонантизм современного русского языка (глухость — звонкость, твердость — мягкость) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Барановская. — М., 1967. — 29 с.

12. Барановская 1968 — Барановская С. А. Позиционные влияния на варьирование согласных по глухости — звонкости в современном русском литературном языке / С. А. Барановская // Труды Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. — 1968. — Т. XXIX. — С. 24–38.

13. Барышева 2025 — Барышева С. Ф. Произносительные позиции как факторы нарушения целостности фонетического слова / С. Ф. Барышева // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 42–51.

14. Богданова 2001a — Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи : учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку / Н. В. Богданова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 187 с.

15. Богданова 2001б — Богданова Н. В. Произношение и транскрипция : учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку / Н. В. Богданова. — СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 64 с.

16. Богомазов 2001 — Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык: Фонетика : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. М. Богомазов. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. — 352 с.

17. Богородицкий 1887 — Богородицкий В. А. Курсь грамматики русского языка. Часть 1-ая: фонетика / В. А. Богородицкий. — Варшава: Типография Михаила Земкевича, 1887. — 329 с.

18. Бондарко 1977 — Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература» / Л. В. Бондарко. — М.: Просвещение, 1977. — 175 с.

19. Борунова 1966 — Борунова С. Н. Сочетания [ш'ч'] и [ш'] на границах морфем / С. Н. Борунова // Развитие фонетики современного русского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 55–71.

20. Брокгауз, Ефрон (изд.) 1898 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). Энциклопедический словарь: Т. 25 / Под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского ; изд. Ф. А. Брокгауз и И. Ф. Ефрон. — СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1898. — 478 с.

21. Валова, Слюсарь 2017 — Валова Е. А., Слюсарь Н. А. Исследование синтаксических свойств энклитики *же*: корпусный и экспериментальный подход / Е. А. Валова, Н. А. Слюсарь // Вопросы языкознания. — 2017. — № 2. — С. 33–48.

22. Вербицкая 1976 — Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия (к проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы) / Л. А. Вербицкая. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. — 124 с.

23. Востоков 1859 — Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков. — 10-е изд., испр. — СПб.: Тип. АН, 1859. — 283 с.

24. Всеволодова (ред.) 2018 — Всеволодова М. В. (ред.). Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов ; под ред. М. В. Всеволодовой. — 2-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 304 с.

25. Высотский 1973 — Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах / С. С. Высотский // Исследования по русской диалектологии. — М.: Наука, 1973. — С. 17–41.

26. Высотский 1977 — Высотский С. С. Звук речи в контексте / С. С. Высотский // Диалектологические исследования по русскому языку. — М.: Наука, 1977. — С. 24–38.

27. Гард 2015 — Гард П. Ударение / П. Гард ; авториз. пер. с франц. А. В. Андропова и Г. В. Васильевой ; под ред. Ю. А. Клейнера и М. В. Гординой ; отв. ред. Ю. А. Клейнер. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 200 с.

28. Гвоздев 1949 — Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка : сборник статей / А. Н. Гвоздев. — М.–Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1949. — 168 с.

29. Гвоздев 1953 — Гвоздев А. Н. О фонологии «смешанных» фонем / А. Н. Гвоздев // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — Том XII. — Вып. 1. — 1953. — С. 49–61.

30. Гловинская М. Я. и др. 1971 — Гловинская М. Я. и др. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка / М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов // Развитие фонетики современного русского языка. — М.: Наука, 1971. — С. 20–27.

31. Греч 1827 — Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ / Н. И. Греч. — СПб.: Типография Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. — 588 с.

32. Гусева 2002 — Гусева М. Е. О некоторых фонетических явлениях на стыках слов в современном литературном русском языке / М. Е. Гусева // Проблемы фонетики. — IV. — М.: Наука, 2002. — С. 196–200.

33. Дворецкий 1976 — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1976. — 1096 с.

34. Деркач (ред.) 1983 — Деркач М. Ф. (ред.). Динамические спектры речевых сигналов / Р. Я. Гумецкий, Б. М. Гура, М. Ф. Деркач и др. ; под ред. М. Ф. Деркача. — Львов: Вища школа, Издательство при Львовском университете, 1983. — 168 с.

35. Дурново 1924а — Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины) / Н. Н. Дурново. — Москва — Петроград: Издательство Л. Д. Френкель, 1924. — 154 столб.

36. Дурново 1924б — Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Выпуск первый / Н. Н. Дурново. — М.: Государственное издательство, 1924. — 116 с.

37. Дурагин 2016 — Дурагин П. В. Коартикуляционные изменения согласных по месту и способу образования на стыках слов в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 — русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Павел Васильевич Дурагин. — М., 2016. — 212 с.

38. Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской / А. А. Зализняк. — М.: Наука, 1985. — 428 с.

39. Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.

40. Зибер 2020 — Зибер И. А. Типология ассимилятивных изменений и вариативность в системах сибилантов : 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Инна Арнольдовна Зибер. — М., 2020. — 244 с.

41. Зизаний 1596 — Зизаний Л. И. Грамматика Словенска съвершеннаго искусства осми частій слова, и иных нуждных / Л. И. Зизаний. — Вильна: Тип. братства, 1596. — 96 л.

42. Зиндер 1960 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика : учебное пособие / Л. Р. Зиндер. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1960. — 336 с.

43. Зиндер 1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика : учебное пособие / Л. Р. Зиндер. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 1979. — 312 с.

44. Зотова 2002 — Зотова С. В. Особенности произношения предлога *для* в современном русском литературном языке / С. В. Зотова // Проблемы фонетики. — IV. — М.: Наука, 2002. — С. 201–208.

45. Иванова-Лукьянова 1971 — Иванова-Лукьянова Г. Н. Об ударности динамически неустойчивых слов / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Развитие фонетики современного русского языка. — М.: Наука, 1971. — С. 170–188.

46. Каленчук 1986 — Каленчук М. Л. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 — русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мария Леонидовна Каленчук. — М., 1986. — 208 с.

47. Каленчук 1993 — Каленчук М. Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка : специальность 10.02.01 — русский язык : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мария Леонидовна Каленчук. — М., 1993. — 417 с.

48. Каленчук 2007 — Каленчук М. Л. Особенности произношения русских предлогов / М. Л. Каленчук // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — С. 224–230.

49. Каленчук 2008 — Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики / М. Л. Каленчук // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. — М.: Индрик, 2008. — С. 293–304.

50. Каленчук 2018 — Каленчук М. Л. Делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств: новые тенденции / М. Л. Каленчук // Вопросы языкознания. — 2018. — № 4. — С. 74–81.

51. Каленчук 2022 — Каленчук М. Л. Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы / М. Л. Каленчук // Вопросы языкознания. — 2022. — № 3. — С. 7–13.

52. Каленчук, Касаткина 1993 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 99–106.

53. Каленчук, Касаткина 2007 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. О процессе разрушения позиционных чередований согласных в современном русском ли-

литературном языке / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина // Проблемы фонетики. — V. — М.: Наука, 2007. — С. 172–180.

54. Каленчук, Касаткина (ред.) 2013 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. (ред.). Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; под ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 464 с.

55. Каленчук, Савинов (ред.) 2021 — М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации : монография / Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. — 248 с.

56. Касаткин 1993 — Касаткин Л. Л. Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости / Л. Л. Касаткин // Проблемы фонетики. — I. — М.: Прометей, 1993. — С. 161–174.

57. Касаткин 2006 — Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учебное пособие для студ. филол. фак. высших учебных заведений / Л. Л. Касаткин. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 256 с.

58. Касаткин 2017 — Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. I / Л. Л. Касаткин. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 608 с.

59. Касаткин (ред.) 2017 — Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина ; под ред. Л. Л. Касаткина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. — 1024 с.

60. Князев 2006 — Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония / С. В. Князев. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 224 с.

61. Князев 2015 — Князев С. В. Редукция гласного как показатель его ударности в современном русском литературном языке / С. В. Князев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т.

Т. 1: Основная программа конференции. — М.: Издательство РГГУ, 2015. — С. 284–293.

62. Князев 2021 — Князев С. В. О неполной диэрезе в русском языке: частица *ж* / С. В. Князев // Вестник МГУ. — Сер. 9. Филология. — 2021. — № 2. — С. 23–34.

63. Князев, Красько 2019 — Князев С. В., Красько А. В. Коартикуляция по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке / С. В. Князев, А. В. Красько // Русский язык в научном освещении. — 2019. — № 2. — С. 9–24.

64. Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография : учебное пособие для вузов / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — 430 с.

65. Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика : учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 592 с.

66. Козлянинова, Промптова (ред.) 2000 — Козлянинова И. П., Промптова И. Ю. (ред.). Сценическая речь : учебник / С. А. Аристархова, И. П. Козлянинова, А. М. Кузнецова и др. ; под ред. И. П. Козляниновой и И. Ю. Промптовой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «ГИТИС», 2000. — 511 с.

67. Кривнова, Андреева 2007 — Кривнова О. Ф., Андреева А. М. Ларингализация и ее функции в речи / О. Ф. Кривнова, А. М. Андреева // Проблемы фонетики. — V. — М.: Наука, 2007. — С. 71–106.

68. Крысин (ред.) 2008 — Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 712 с.

69. Ларин (пер.) 1937 — Ларин Б. А. (пер.). Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд. 1696 / Переизд., пер., вступ. ст. и прим. Б. А. Ларина. — Л.: Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания. — 162 с.

70. Лефельдт 2006 — Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке / В. Лефельдт. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 248 с.

71. Лихтман 1980 — Лихтман Р. И. Конечные звонкие согласные на стыке слов / Р. И. Лихтман // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1980. — № 1 (115). — С. 52–58.

72. Логинова 2010 — Логинова И. М. Предпосылки для фонетического описания русских предлогов / И. М. Логинова // Вестник Московского университета. — Сер 9. Филология. — 2010. — № 6. — С. 77–85.

73. Логинова 2021 — Логинова И. М. Фонетика преподавателю русского языка как иностранного : учебное пособие / И. М. Логинова. — СПб: Златоуст, 2021. — 160 с.

74. Ломоносов 1755 — Ломоносов М. В. Российская грамматика Михаила Ломоносова / М. В. Ломоносов. — СПб.: Академия наук, 1755. — 212 с.

75. Макаров 2025 — Макаров Ю. Ю. Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.) / Ю. Ю. Макаров // Русская речь. — 2025. — № 1. — С. 65–82.

76. Матусевич 1976 — Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература» / М. И. Матусевич. — М.: Просвещение, 1976. — 288 с.

77. Мельчук 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I: Пер. с фр. / И. А. Мельчук ; предисл. А. Е. Кибрика ; общ. редакция Н. В. Перцова. — Москва — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. — 416 с.

78. Никитин 2023 — Никитин Н. В. Особенности произношения русских предлогов как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2023. — № 4. — С. 273–291.

79. Никитин 2025а — Никитин Н. В. Абсолютные и относительные клитики в русском языке: проблемы их выделения и лексикографического описания / Н. В. Никитин // Русская речь. — 2025. — № 2. — С. 42–55.

80. Никитин 2025б — Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 316–326.

81. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. — [М.]: 2003–2026. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.2026).

82. Панков 2009 — Панков Ф. И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами / Ф. И. Панков // Мир русского слова. — 2009. — № 1. — С. 12–19.

83. Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. — М.: Просвещение, 1967. — 440 с.

84. Панов (ред.) 1968 — Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. — М.: Наука, 1968. — 215 с.

85. Панов 2007 — Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов. — 3-е изд., стереотип. — М.: КомКнига, 2007. — 456 с.

86. Пиотровская 2022 — Пиотровская Л. А. Фонетика современного русского языка : учебник / Л. А. Пиотровская. — 2-е изд., стереотип. — СПб: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. — 180 с.

87. Пирогова 1970 — Пирогова Н. К. Полумягкие согласные в современном русском языке / Н. К. Пирогова // Вестник Московского университета. — 1970. — № 1. — С. 74–81.

88. Пирогова 2018 — Пирогова Н. К. Консонантизм русского языка (фонемный состав, синтагматика, парадигматика) : монография / Н. К. Пирогова. — М.: МАКС Пресс, 2018. — 184 с.

89. Плунгян 2016 — Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику : учебное пособие / В. А. Плунгян. — 5-е изд., стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 384 с.

90. Плунгян 2024 — Плунгян В. А. К понятию «вторичной словоформы» / В. А. Плунгян // Типология морфосинтаксических параметров. — 2024. — Том 7. — Вып. 2. — С. 80–104.

91. Попов 2014 — Попов М. Б. Фонетика современного русского языка : учебник / М. Б. Попов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 303 с.

92. Реформатский 1947 — Реформатский А. А. Введение в языковедение : пособие для учительских институтов / А. А. Реформатский. — М.: Учпедгиз, 1947. — 176 с.

93. Реформатский (сост.) 1970 — Реформатский А. А. (сост.). Из истории отечественной фонологии / Отв. ред. Р. И. Аванесов ; сост. А. А. Реформатский. — М.: Наука, 1970. — 528 с.

94. Реформатский 1996 — Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.

95. Сапунцова 2018 — Сапунцова А. В. Вокализм русских омонимичных клитик как средство грамматической дифференциации / А. В. Сапунцова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2018. — Вып 17. Фонетика. — С. 68–82.

96. Скачедубова 2007 — Скачедубова Е. С. Факторы, определяющие распределение глухих и звонких согласных фонем на конце первой основы сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке / Е. С. Скачедубова // Проблемы фонетики. — V. — М.: Наука, 2007. — С. 207–217.

97. Скачедубова 2008 — Скачедубова Е. С. Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 — русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Сергеевна Скачедубова. — М., 2008. — 219 с.

98. Смотрицкий 1619 — Смотрицкий М. Г. Грамматіки Славенския правильное свнтаγμα / М. Г. Смотрицкий; факс. изд. 1619 г. — Киев: Наукова думка, 1979. — 252 л.

99. Соболевский 1953 — Соболевский С. И. Учебник латинского языка / С. И. Соболевский. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. — 560 с.

100. Соболевский 2000 — Соболевский С. И. Древнегреческий язык : учебник для высших учебных заведений / С. И. Соболевский. — СПб: Алетейя, Летний сад, 2000. — 615 с.

101. Соколянский 2010 — Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка : монография / А. А. Соколянский. — Магадан: Издательство СВГУ, 2010. — 282 с.

102. Тимберлейк 1997 — Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи / А. Тимберлейк // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 66–86.

103. Тимофеев 2016 — Тимофеев В. В. Особенности произношения приставок в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 — русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Виктор Владимирович Тимофеев. — М., 2016. — 331 с.

104. Тредиаковский 1748 — Тредиаковский В. К. Разговоръ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ ортографіи старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи / В. К. Тредиаковский. — СПб.: Императорская Академия наук, 1748. — 473 с.

105. Тронский 1962 — Тронский И. М. Древнегреческое ударение / И. М. Тронский. — М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. — 149 с.

106. Трубецкой 2012 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии : пер с нем. / Н. С. Трубецкой ; под ред. С. Д. Кацнельсона. — 4-е изд. — М.: Издательство ЛКИ, 2012. — 336 с.

107. Урысон 2017 — Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 2017. — № 5. — С. 36–55.

108. Успенский (ред.) 1981 — Успенский Б. А. (ред.). «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. — М.: Издательство Московского университета, 1981. — 776 с.

109. Ушаков 1929 — Ушаков Д. Н. Русский язык. Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению / Д. Н. Ушаков. — М.–Л.: Государственное издательство, 1929. — 138 с.

110. Ушаков (ред.) 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. А — Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др. ; под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. — 1562 столб.

111. Ушаков 1995 — Ушаков Д. Н. Русский язык : учебное пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов по спец. «Русский язык и литература» / Д. Н. Ушаков. — М.: Просвещение: АО «Учебная литература», 1995. — 320 с.

112. Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А. В. Так им и надо: нужны ли эндоклитики для описания русской грамматики? / А. В. Циммерлинг // Русский язык в научном освещении. — 2018. — № 2 (36). — С. 159–179.

113. Циммерлинг 2020 — Циммерлинг А. В. Энклитики / А. В. Циммерлинг // Историческая грамматика русского языка : энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. — С. 478–494.

114. Черемисина 1989 — Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н. В. Черемисина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1989. — 240 с.

115. Черкасова 1967 — Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. — М.: Наука, 1967. — 280 с.

116. Чернышев 1914 — Чернышев В. И. Правильность и чистота русской рѣчи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев. — 3-е изд., сокр. — СПб.: Типография М. Меркушева, 1914. — 265 с.

117. Чернышев 1915 — Чернышев В. И. Законы и правила русскаго произношенія. Звуки. Формы. Сочетания словъ. Опыт руководства для учителей, чте-

цовъ и артистовъ / В. И. Чернышев. — 3-е изд., пересмотр. — Пг.: Типография АН, 1915. — 107 с.

118. Шведова (ред.) 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 784 с.

119. Ягунова 2008 — Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) : монография / Е. В. Ягунова. — Пермь: Пермский государственный университет, 2008. — 395 с.

120. Кошутин 1919 — Кошутин Р. Грамматика русскогo языка. I. Гласова. А. Општи део. (Књижевни изговор) / Р. Кошутин. — Петроград: Типография Российской Академии наук, 1919. — 512 с.

121. Aikhenvald et al. (eds.) 2020 — Aikhenvald A. Y. et al. (eds.). *Phonological Word and Grammatical Word: A Cross-Linguistic Typology* / Edited by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, N. M. White. — Oxford: Oxford University Press, 2020. — 302 p.

122. Handbook of the IPA 2007 — Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet / International Phonetic Association. — 8th printing. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 214 p.

123. Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Defining vs. diagnosing linguistic categories: A case study of clitic phenomena / M. Haspelmath. — Published 2015 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.academia.edu/12928511/Defining_vs_diagnosing_linguistic_categories_A_case_study_of_clitic_phenomena (дата обращения: 11.09.2026).

124. Haspelmath 2023 — Haspelmath M. Types of clitics in the world's languages / M. Haspelmath // *Linguistic Typology at the Crossroads*. — 2023. — Vol. 3. — № 2. — P. 1–59.

125. Hermannus 1801 — Godofredi Hermanni de Emendanda Ratione Graecae Grammaticae. Pars Prima / G. Hermannus. — Lipsiae: Fleischerum, 1801. — 510 p.

126. Hopper, Traugott 2003 — Hopper Paul J., Traugott Elizabeth C. Grammaticalization / Paul J. Traugott, Elizabeth C. Traugott. — 2nd edition, revised and expanded. — New York: Cambridge University Press, 2003. — 293 p.
127. Jakobson 1971 — Jakobson R. Selected Writings. I. Phonological Studies / R. Jakobson. — 2nd edition, expanded. — The Hague, Paris: Mouton, 1971. — 775 p.
128. Kasatkina 1999 — Kasatkina Rosalia F. The Prosody and the Voiced / Voiceless Consonant Correlation in Russian / Rosalia F. Kasatkina // 14th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-14), San Francisco, CA, USA, August 1–7, 1999. — P. 235–236.
129. Ladefoged, Maddieson 1996 — Ladefoged P., Maddieson I. The Sounds of the World's Languages / P. Ladefoged, I. Maddieson. — Cambridge, Oxford: Blackwell Publishers, 1996. — 448 p.
130. Lehmann 2015 — Lehmann C. Thoughts on grammaticalization / C. Lehmann. — 3rd edition, revised. — Berlin: Language Science Press, 2015. — 221 p.
131. Lewis, Short 1891 — Lewis Charlton T., Short Charles. A New Latin Dictionary / Charlton T. Lewis, Charles Short. — New York/Oxford 1891 (1879) = Oxford 1958. — 2033 p.
132. Montanari et al. (eds.) 2015 — Montanari et al. (eds.). Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship / Edited by F. Montanari, S. Matthaios, and A. Rengakos. — [Netherlands]: Brill, 2015. — 1533 p.
133. Nida 1949 — Nida E. A. Morphology: The Descriptive Analysis of Words / E. A. Nida. — 2nd edition. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1949. — 358 p.
134. Partridge 2006 — Partridge E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English / E. Partridge. — London: Taylor & Francis e-Library, 2006. — 4218 p.
135. Probert, Roussou 2023 — Probert P., Roussou S. Ancient and Medieval Thought on Greek Enclitics / P. Probert, S. Roussou. — Oxford: Oxford University Press, 2023. — 381 p.
136. Schiering 2006 — Schiering R. Cliticization and the Evolution of Morphology: A Cross-linguistic Study on Phonology in Grammaticalization : Dissertation

zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Philosophie an der Universität Konstanz Fachbereich Sprachwissenschaft / René Schiering. — Konstanz, 2006. — 259 p.

137. Skeat 1888 — Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language / W. W. Skeat. — Oxford: Clarendon Press, 1888. — 878 p.

138. Stevens 1960 — Stevens P. Spectra of Fricative Noise in Human Speech / P. Stevens // Language and Speech. — Vol. 3. — Is. 1. — 1960. — P. 32–49.

139. Wackernagel 2020 — Wackernagel Jacob. On a law of Indo-European word order: Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung / Jacob Wackernagel. — Berlin: Language Science Press, 2020. — 446 p.

140. Zingler 2022 — Zingler T. Clitics, anti-clitics, and weak words: Towards a typology of prosodic and syntagmatic dependence / T. Zingler. — Language & Linguistics Compass. — Vol. 16. — Iss. 5–6. — URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lnc3.12453> (дата обращения: 11.09.2026).

141. Zwicky 1977 — Zwicky A. M. On Clitics / A. M. Zwicky. — Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1977. — 40 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Онлайн-анкета для набора респондентов¹⁰⁰

Исследование русского произношения, 2025 г.

Отдел фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2025 г. проводит серию экспериментов, цель которых — изучить реальное произношение носителей современного русского литературного языка в его московском варианте.

В рамках этих экспериментов участнику необходимо прочитать под запись специально созданный текст — при очной встрече или дистанционно. **Аудиозаписи респондентов, как и их персональные данные, не публикуются в открытом доступе и в научном исследовании отражаются в зашифрованном виде.**

Пожалуйста, заполняйте предлагаемую форму, только если Вы готовы очно (в Москве) или онлайн посвятить **20 минут** такому эксперименту.

На данном этапе интерес представляют **коренные москвичи** как минимум **во втором поколении**, получившие или получающие **высшее нефилологическое образование** в одном из московских вузов.

После заполнения формы с Вами в течение 96 часов¹⁰¹ свяжется специалист, отвечающий за эксперимент, и предложит конкретные варианты для онлайн-или офлайн-встречи.

¹⁰⁰ В распечатанном виде анкета никогда не заполнялась. Астерiskом помечены обязательные вопросы: без ответа на них нельзя было подтвердить отправку формы.

¹⁰¹ Изначально было указано *в течение 72 часов*.

Ваше имя и отчество (без фамилии) *

Вы родились в Москве? *

- ☐ Да
- ☐ Нет, но с раннего детства живу в Москве
- ☐ Нет, и мое детство прошло не в Москве

В каком году Вы родились? *

Русский язык для Вас родной? *

- ☐ Да
- ☐ Нет

Есть ли у Вас высшее образование? *

- ☐ Да, одно. Получено в Москве.
- ☐ Да, одно. Получено не в Москве
- ☐ Да, и не одно. Все получены в Москве
- ☐ Да, и не одно. По крайней мере одно из них получено не в Москве
- ☐ Нет, но я его получаю
- ☐ Нет, и я его не получаю

В какой области Вы получили или получаете высшее образование? Достаточно общего указания — медицина, экономика, IT и т. д. *

Ваши родители родились в Москве? *

- ☐ Да
- ☐ Нет
- ☐ Затрудняюсь ответить

Вы уезжали из Москвы более чем на год? Переезд в раннем детстве или подростковом возрасте тоже считается.

- ☐ Нет
- ☐ Да, был переезд в Московскую область
- ☐ Да, был переезд в другой регион России
- ☐ Да, был переезд в другую страну
- ☐ Не хочу отвечать на этот вопрос

В каком формате Вам было бы удобно участвовать в эксперименте? *

- ☐ Очно (Москва, м. «Кропоткинская»)
- ☐ Онлайн (Zoom, Telegram и др.)
- ☐ В целом оба варианта приемлемы
- ☐ Сильно зависит от обстоятельств
- ☐ Ни в каком

Пожалуйста, оставьте контакт для связи с Вами. Предпочтительные способы связи — Telegram и электронная почта, допустимые — Microsoft Teams¹⁰² и WhatsApp. *

Как к Вам лучше обращаться? *

- ☐ По имени
- ☐ По имени-отчеству
- ☐ Безразлично

Отправляя свои ответы, я даю согласие на обработку моих персональных данных. *

- ☐ Да

¹⁰² Изначально было написано *Skype*.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Эксперимент № 1. Набор предложений для проверки чередований по месту образования

Пожалуйста, прочитайте вслух предложения, приведенные ниже. Читайте их с удобной для Вас скоростью.

Что-что ты попросил у флориста? Топинамбур? Так это ж не цветок!

Боюсь, без штрафа не отпустят. Если вообще отпустят — от суммы и от тюрьмы, как говорится...

Нам рост же вряд ли так важен, как вес. Если будет перегруз, мы никуда не поплывем.

Во всю стену был баннер, а на нем непристойный лозунг.

У нас без шабера ничего не получится — эту ерунду соскабливать надо. А соскабливать ее будет Парамон Магистрианович: сегодня его очередь.

Пусть жеребенок порезвится — скоро мы его съедем.

«Поэт в России — больше, чем поэт», — говорил один поэт.

Пуля пробила ворота близ щеколды.

Куда бы ты ни поехал, везде ты будешь персоной нон грата: людоедские высказывания местные запоминают хорошо.

Вода из жёлоба будет стекать сюда, а уже отсюда сюда, а потом сюда отсюда. Понял?

Ты не прав: веганы не едят даже яйца. Они ведь животного происхождения.

Что два плюс два четыре — каждый понимает, живопись же не всем дано понять. Епифанию Елеазаровичу вот не дано. Посочувствуем ему!

Да не с длиной надо сравнивать это, а с шириной — как же до тебя не дойдет-то никак?

Коллеги! Пусть женщину сначала примут.

Из чего делают паштет, знаешь? Мне сестра рассказывала, что в колбасе может мышь или крыса быть, а производство, понимаешь, нельзя остановить из-за одной мышки. Получается мышиный или крысиный паштет!

По утрам Изяслав Виссарионович обычно пьет какао и слушает радио.

Он моментально перепрыгнул через щетину. Ну, не ту щетину, которая на лице, — шерсть имеется в виду.

Да ладно! Пусть чёрный плащ наденет, хотя плащ будет неуместен.

Сквозь щели пробивалось солнце. Оно осветило каморку, в которой мы расположились. «М-да, могло и хуже быть», — подумал я.

Серёж, лезь же скорей, а то не успеешь!

Приходите, пожалуйста, позже — в смысле завтра: в первый день мы слушаем только приезжих абитуриентов.

А чаю не нальют? Печенье без чая совсем не то. Ну ладно, не то чтобы совсем не мое, но лучше купите печенье, а?

Ну, пусть часики мы не купили, зато прогулялись.

Близ чащи раздался выстрел. Отряд помчался на звук.

Прости, но я завёз же посылку на тот адрес, а крюк делать не хочу. Справляйся сам.

Снег крупными хлопьями падал на мускулистые плечи бодибилдера. Не удивительно, что он слег потом на неделю: кто голым ходит в минус пять?

Я сказал не «с тёлкой», а «с чёлкой». Вообще, странно в таком контексте слышать слово «тёлка».

Он сказал, что, пусть шансы невелики, надо пробовать. Ну мы и попробовали...

Мы примем вашу роженицу через час.

Хочешь не хочешь, а без шумной пьянки никак нельзя — кандидата получил все-таки! Теперь помирать можно, ага!

Ниткой не так пользовались. Отсюда и пародонтит ваш. Кариес же появился недавно и с пародонтитом не связан.

В таких решениях надо исходить из человека. Точнее, надо учитывать его потребности, желания и пр.

Он в итоге не согласился примерно ни с чем — все это совещание похоже на какой-то один большой заговор против меня.

Хатшепсут Аполлинарьевна выдаст же нас при первой возможности. Так что предлагаю, хм, прихатшепсутить ее, пока она никому не доложила о нас.

В этой деревне без щебетания как-то непривычно, что ли.

Вася провозился с шиной всю ночь — и зачем? Не проще ли к мастерам свезти машину?

Он замёрз же на улице, а не в доме! В этом странность.

Папа, труд сделал не из человека обезьяну, а наоборот — ты опять все перепутал.

Через шестьдесят метров нужно будет повернуть направо.

Вот из железяк и собирается такой самодельный моторчик.

Можно сказать, что, пусть чемпионами мы не стали, мы хотя бы попробовали.

Не, ты не расслышал: я просил все сделать не с шумом, а без шума.

Все заметили, как сквозь шёлковый наряд были видны кубики на его животе. Специально сделали так!..

Все знают, что из жизненных уроков он не умеет извлекать пользу.

Гертруда Эвклидовна купила себе с шальварами платье — как будто шаровар ей было мало!

Пусть щит положат там, где его исключат из описи.

Наших сотрудников частенько спрашивали, как пройти к Гоголевскому бульвару.

Знаешь, из щедрого человека можно много денег вытащить.

Они хотят расширить завод. Лес же придется в таком случае вырубить.

Надя решила сделать из джинсов шорты. Она таким давно увлекается: берет одну одежду и своими силами делает из нее другую.

Коллекция должна быть полной, поэтому нам не обойтись без щурки. Ловите!

И тут они начали орать друг на друга — это что-то с чем-то!..

Мне выписали штраф, представляешь? Пусть штраф и не большой, но все равно неприятно.

Порфирий Добромирович, там без шапки холодно. Давайте я в другой раз сбегать за водкой, ладно?

И в воздух запахнет летом, и можно уйти из чата...

Оленю нравятся открытые пространства, лось же предпочитает их избегать.

Надо сказать, что с человеком такого склада трудно найти общий язык.

Такое утешение едва ли облегчит страдания больного. Я бы попробовал просто молча послушать его.

Без члена горсовета тебя туда даже не пустят. Там и самих членов не всегда сразу пускают.

Пусть чмокнут его раз, а то и два, а то и три, а потом подолом надо вытереть лицо. Мне такой заговор накладывала мама в детстве, и меня это уберегло от многих болезней. Не смейся!

Меня раздражает, что он опять пришел ни с чем. Где обещанные деньги?!

Мы только потом поняли, зачем через ширму была перекинута веревка.

Ну с чичисбеем женщина в Италии гулять могла, то есть с мужчиной могла. Но если рядом его нет, то и гулять нельзя. Такие варварские нормы живы где-то и по сей день.

Сквозь шевелюру ничего нельзя было разглядеть. Как я хотел в тот момент кинуть в ее прическу спичку!

Не шурши ты так! Я просил все как раз без шума сделать!

Он замёрз же, а не утонул. В этом ключ к разгадке преступления.

Наш начальник думает, что из человека вроде нее может вырасти настоящий эксперт.

Мачт без чиксов не бывает. А если ты этого не понимаешь, ты точно не моряк.

Близ Чебоксар было найдено тело девушки. Причиной смерти, по предварительным данным, стала кровопотеря.

Меня с чеком пустят обратно?

Сквозь щебетание не получалось ничего услышать.

А как я тебе без черенка лопату почию, Вов? И на что мы его клеить будем? На святой дух?

Тот показатель нужно сравнивать с шириной.

Эта компания активно занимается тимбилдингом. В целом крупные организации осознают важность таких вещей.

Он увидел то, чего видеть ему было нельзя, через щель.

Ну с членом парламента вы так просто не поговорите — надо записываться. А у нас следующие окошки — осенью...

Господи, ты нам из щедрости разрешаешь пожить, выходит, — не иначе как благодетель!

Мы без шума зашли внутрь и внимательно осмотрелись.

А ты смешай все с чистотелом, а потом выпей — получишь отсрочку в итоге. Но я бы все-таки посоветовал что-нибудь побезопаснее — так, на всякий случай.

Ну уж как-нибудь встретим Новый год без щучьих котлет!

Ферзь же ходит как угодно. Точнее, не как угодно — в любом направлении. Буквой Г не ходит он, например, да.

Ну, с шестым игроком вечно какие-то проблемы. Какое-то проклятое число, как по мне.

Вот из жизни и берутся такие примеры.

Они смешали что-то с чем-то — вроде аммиака добавили и еще какое-то вещество. Найдете химика?

Передать посылку нужно через человека, которому доверяешь.

Получается, с чьим другом он знаком? Его или ее?

Пулю вытащили не от человека, а из человека. По-русски так говорят.

Пуля пролетела сквозь шлем навывлет.

А вот не надо было суп из чаги варить. Взял бы привычные белые грибы и с ними наварил бульону.

Раздался крик близ шалаша.

В нашу контору спамеры звонят по несколько раз на дню, и это раздражает иногда.

Розы с шипами, знаешь, не всем нравятся!

Сквозь чад, сквозь черноту, сквозь эти страшные ряды солдат ничего не было видно.

Парень с чёлкой неожиданно встает и подходит к нам. И как здорово, что он подошёл!

Без чего мы не справимся, по-вашему?

Чудеса монтажа: я говорил одно, а показали другое.

Только спустя десятилетия удалось выяснить, что через штрих пытался передать художник.

А с чем ты пришел? Сейчас навряд ли время для кормежки.

Спектакля без шероховатостей не может быть — тысячу раз уже говорили об этом. Но вот оранжевый задник надо было заменить — смотрелся он, прямо скажем... Ну, не будем прямо говорить.

Ту компанию заметили близ шахты.

Ты из школы пришёл или не пришёл?

Ребенок не ест уху без щуки. Не спрашивай почему...

Ты спрашиваешь, насколько хорошо проходит через чесучу ток?.. А что такое чесуча?

Хотя кулер и сильно тарахтел, системный блок, к счастью, работал без шума.

Через шесть километров поверните налево. Затем — поверните направо.

Это была мадам с чёлкой — такой длинной, чуть ли не до пупка. Мы еще, помню, заспорили, до пупка ли.

Я без щебета соловья как-то неуютно себя чувствую. Требую соловья! Пой, соловей, пой!

Обожаю есть йогурт с джемом!

Я заметил, как сквозь шёлк просвечивала ее талия.

Без чека можно было давать сдачу только по просьбе клиента.

Я понял, что встреча была в шесть. Но кого ж вы с шести часов ждали-то?

Пусть щебетать никогда не закончат птицы — да будет вечной их песнь!

Но если я их еще раз услышу утром, на ужин будет дегустация птичьего мяса.

С чеком меня пустят обратно?

Больной близ Щёлкина. Поэтому, чтоб помочь, пришлось проделать довольно долгий путь.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Чередования по месту образования: распределение аллофонов по сочетаниям

Условная нумерация просодических позиций:

- 1 — сильная фразовая с акцентным выделением самой клитики,
- 2 — сильная фразовая с акцентным выделением носителя клитики,
- 3 — сильная фразовая без акцентного выделения,
- 4 — слабая фразовая.

Возрастная группа	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа		Итого	
Аллофоны Сочетание	шип.	нешип.	шип.	нешип.	шип.	нешип.	шип.	нешип.
<i>без чая</i>	5	15	6	14	4	16	15	45
<i>без чего</i>	4	15	6	14	3	17	13	46
<i>без чека</i>	5	15	2	18	1	19	8	52
<i>без черенка</i>	6	14	4	16	3	17	13	47
<i>без чиксов</i>	1	19	1	19	1	19	3	57
<i>без члена</i>	5	15	6	14	2	17	13	46
<i>без шабера</i>	6	12	5	14	3	17	14	43
<i>без шапки</i>	11	9	11	9	13	7	35	25

<i>без шероховатостей</i>	16	4	10	10	13	7	39	21
<i>без штрафа</i>	15	5	15	5	16	4	46	14
<i>без шума (1)</i>	4	16	1	19	3	17	8	52
<i>без шума (2)</i>	18	2	11	8	13	7	42	17
<i>без шума (3)</i>	14	6	14	5	8	10	36	21
<i>без шума (4)</i>	11	7	12	8	13	7	36	22
<i>без шумной</i>	8	12	12	8	9	11	29	31
<i>без щебета</i>	8	12	7	13	6	14	21	39
<i>без щебетания</i>	8	12	8	12	7	13	23	37
<i>без щуки</i>	7	13	9	11	9	11	25	35
<i>без щурки</i>	6	12	6	11	6	12	18	35
<i>без щучьих</i>	12	8	8	10	9	11	29	29
<i>близ чащи</i>	0	20	1	19	2	17	3	56
<i>близ Чебоксар</i>	0	20	0	20	0	20	0	60
<i>близ шалаша</i>	3	17	1	19	3	17	7	53
<i>близ шахты</i>	5	15	3	17	5	15	13	47
<i>близ щеколды</i>	1	17	1	18	0	18	2	53
<i>близ Щёлкина</i>	0	20	0	20	3	17	3	57
<i>же — живопись же</i>	10	10	14	5	11	7	35	22
<i>же — завёз же</i>	11	8	9	10	14	6	34	24
<i>же — замёрз же (2)</i>	14	6	16	4	15	3	45	13
<i>же — замёрз же (4)</i>	13	5	17	2	13	5	43	12
<i>же — карьер же</i>	11	8	11	9	11	8	33	25
<i>же — лезь же</i>	13	7	15	4	18	1	46	12

<i>же — лес же</i>	11	9	12	8	16	4	39	21
<i>же — лось же</i>	15	5	12	8	16	4	43	17
<i>же — ферзь же</i>	4	14	2	18	11	9	17	41
<i>из джинсов</i>	4	16	3	17	4	15	11	48
<i>из железяк</i>	8	11	6	14	10	9	24	34
<i>из жёлоба</i>	12	7	9	11	12	8	33	26
<i>из жизненных</i>	15	5	13	7	15	5	43	17
<i>из жизни</i>	12	8	12	8	11	8	35	24
<i>из чаги</i>	6	14	4	16	4	16	14	46
<i>из чата</i>	7	13	5	15	4	16	16	44
<i>из чего</i>	5	15	6	14	5	15	16	44
<i>из человека (1)</i>	2	18	2	18	1	18	5	54
<i>из человека (2)</i>	5	14	2	16	4	15	11	45
<i>из человека (3)</i>	6	14	4	16	1	19	11	49
<i>из человека (4)</i>	11	9	7	12	11	9	29	30
<i>из школы</i>	16	4	14	6	13	7	43	17
<i>из щедрого</i>	14	6	10	10	9	11	33	27
<i>из щедрости</i>	11	9	10	10	14	5	35	24
<i>с — ни с чем (местоим.)</i>	10	10	7	13	8	12	25	35
<i>с — что-то с чем-то (буквально)</i>	11	8	7	13	7	13	25	34
<i>с — это что-то с чем-то (устойчивое сочетание)</i>	9	10	6	13	7	13	22	36
<i>с джемом</i>	8	9	6	12	8	10	22	31

<i>с чеком (после гласного)</i>	9	11	8	12	5	15	22	38
<i>с чеком (после паузы)</i>	5	15	3	17	5	15	13	47
<i>с чёлкой (2)</i>	5	15	3	17	1	19	9	51
<i>с чёлкой (3)</i>	8	12	3	17	4	16	15	45
<i>с чёлкой (4)</i>	14	6	7	13	5	15	26	34
<i>с человеком</i>	10	10	7	12	9	11	26	33
<i>с чем</i>	7	13	7	13	4	16	18	42
<i>с чистотелом</i>	7	13	5	13	7	12	19	38
<i>с чичисбеем</i>	5	15	2	18	2	16	9	49
<i>с членом</i>	8	12	10	10	11	9	29	31
<i>с чым</i>	5	14	7	13	5	15	17	42
<i>с шальварами</i>	7	13	12	8	8	12	27	33
<i>с шести</i>	10	9	13	7	13	7	36	23
<i>с шестым</i>	10	10	11	9	14	6	35	25
<i>с шиной</i>	13	7	12	8	12	8	37	23
<i>с шипами</i>	19	1	14	6	15	5	48	12
<i>с шириной (2)</i>	11	9	8	12	11	9	30	30
<i>с шириной (3)</i>	17	2	19	1	14	6	50	9
<i>с шумом (1)</i>	11	9	11	9	6	14	28	32
<i>сквозь чад</i>	7	13	5	15	6	14	18	42
<i>сквозь черноту</i>	8	12	8	12	7	13	23	37
<i>сквозь шевелюру</i>	18	2	13	7	15	4	46	13
<i>сквозь шёлк</i>	13	7	14	6	8	12	35	25
<i>сквозь шёлковый</i>	11	8	11	9	8	12	30	29

<i>сквозь шлем</i>	11	9	16	4	14	6	41	19
<i>сквозь щебетание</i>	16	4	17	3	18	2	51	9
<i>сквозь щели</i>	11	9	14	6	12	8	37	23
<i>через час</i>	7	13	7	13	3	17	17	43
<i>через человека</i>	8	12	4	16	4	16	16	44
<i>через чесучу</i>	0	20	1	19	1	18	2	57
<i>через шесть</i>	15	5	17	3	17	3	49	11
<i>через шестьдесят</i>	13	7	16	4	16	4	45	15
<i>через ширму</i>	15	4	16	4	15	5	46	13
<i>через штрих</i>	9	9	7	13	12	8	28	30
<i>через щель</i>	6	14	7	13	5	14	18	41
<i>через щетину</i>	6	14	11	9	6	14	23	37
Итого аллофонов	808	962	747	1031	746	1024	2301	3017
	1770		1778		1770		5318	

**ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Эксперимент № 2. Набор предложений
для проверки чередований по глухости/звонкости
и твердости/мягкости¹⁰³**

Пожалуйста, **прочитайте вслух** предложения, приведенные ниже. Читайте их с удобной для Вас скоростью.

Ущелье было нешироко, и склоны его разрисовали пошлыми граффити.

Анаксагор Валерианович, мы не напрасно сбегали на барахолку — вот диск смогли купить раритетный.

То крик, то стон, то завывание доносились из леса — как в каком-то американском хорроре.

Говорят, он так разозлился, что аж лопнул шарик. Подбежал, мол, и неожиданно для всех ткнул шар иголкой.

Из места, куда съезжались лучшие интеллектуалы страны, этот университет превратился в довольно посредственный вуз.

Никто ему, к сожалению, не помог бы тогда.

С пеной у рта доказывал он свою правоту. Только никто ему не верил: все знали, что душа у него отнюдь не добрая и что он газлайтер и абьюзер.

Наконец-то закончил ездить туда-сюда — отвёз вот последнюю партию.

В яслях ни один полдник без яблока не обходился.

Князь живо показал, как старый актёр произносил заученную пьесу.

Ты чего овцу не запер-то? Овцу ж волк съест.

Да ворожей свой в доску, в общем-то, но странный: вроде как он духов видит — и козу свою не доит. Мол, жалко ее.

Нам так и не объяснили, достиг ли Колумб Америки.

¹⁰³ Некоторые предложения, специально отмеченные астериском (*), были добавлены в набор уже после того, как началась запись респондентов. Эти предложения были прочитаны только второй частью выборки (30 человек).

Рыцарь обратился к магистрам, дабы орден помог ему в его священной миссии*.

Когда сказали, что у соседского алкоголика проблемы с печенью, я решил было съязвить, но передумал.

Я оттуда вылез лишь! И больше ничего не делал.

От гайки избавиться было плохой идеей: мы теперь не закрутим болт.

Ни один из них не ходил на пары. Авксентий Аполлинарьевич правильно сделал, что выдал им на экзамене самые сложные варианты.

А путь-дорожка к Бабе-яге пролежала через ельник, а ели там (как полагается в сказке, конечно) были не простые, а волшебные.

Удар был такой силы, что аж окно треснуло. Ну, стекло оконное.

Плов, говоришь, остался? Нет, плов вот съели весь как раз*.

Дедлайны для Бараша нет смысла назначать: он творческая натура.

Батюшка вчера на проповеди сказал, что из лености рождаются все остальные смертные грехи. По-моему, ерунда какая-то, да?

Нужно вызвать такси, ведь лаборатория, которая Наде нужна, на другом конце Перми находится.

Без сделки — конкретной, понятной идеи сделки — к Кларенсу Епифаньевичу лучше не ходить.

Заходи, раз пришёл. И дверь прикрой. Из-за шума не слышно ничего*.

Заповедь вот вы нарушили мою, ибо сказал так не делать, а вы сделали.

Мы купили лонгшез лишь. Забыл только, как это по-современному будет... Шезлонг, что ли?

Уж область наши родственники давно проехали — они в городе.

Мама говорит, что проблема была не в тесте.

Да аутолиз ведь так и работает: благодаря ему получается такой дрожжевой, лизатный тон у вина.

Сравнил мне тоже! Мопед против велосипеда, разумеется, хорош.

На воркшоп пришёл без видео и имиджмейкер Боря.

Хоть ушёл Антон довольно рано, всё равно он успел напиться. Когда он, пьяный в доску, попробовал вернуться домой, его не пустили в общежитие. «От гаеров добра не жди», — сказала вахтёрша Антонина Иезекиилевна.

Баггинг ли это был? Можете пояснять технические термины?

Где-то я прочёл: над областями к западу от штата Орегон нависли зловещие облака. Это забавно, потому что к западу от Орегона — Тихий океан.

Наш сценограф смог из ленты и клея создать настоящее чудо.

От чего ты отталкивался, когда описывал методы в курсовой?

И всё-таки ты ошибся насчёт первой русской грамматики, ведь Ломоносов не был здесь первым. Первую дошедшую до нас грамматику русского языка написал Генрих Лудольф, а никакой не Ломоносов.

Сквозь арку нельзя было пройти: под ней образовалась давка.

Кать, мы с Пашкой не зря в канцелярский сбегали — тетрадь вот новую купили.

Федя под крыльцо заполз лишь. И затих. Мой папа его потом искал.

Полиция приехала, хотя Вася не вызывал её*.

Нас уверяли, что выдавать зарплату будут вовремя.

На опознание трупа следователь приехал без вдовы, что довольно странно: жертву кто опознавать будет?

В том кафе мы ели ростбиф и пили оранжад. Оранжад вот у них восхитительный — советую его всем.

Все посмеивались над сектой, думая, что сектанты безобидны.

Мой потолок на кухне весь в копоти. Что ж делать, что ж делать?

С пятнами будем делать что? Выжигать? Мазать? Игнорировать?

Ушла б Оля побыстрее, а не то придушу: посуду за собой не помыла.

Зря отец наврал об этом, ведь ложь рано или поздно выяснится. И тогда будет скандалеро...

Имей смелость сознаться в ошибке, коли понял, что ошибся*.

Чем быстрее вы это узнаете, тем быстрее согласитесь, что без кейтеринга нам не организовать встречу.

Это давно было, но старожилы помнят, как говорится.

Тропинка через лес вела к зелёному троллю.

Геннадий расстался с девяткой. Тяжело ему было продавать её.

Занёс ли ты посылку бабе Маше? Наколот ли ты ей дров?

Над лесом, прямо над яблоней, под которой стоял Штирлиц, нависла огромная туча. «Наверное, будет дождь», — подумал Штирлиц.

Слушай, я в этой ситуации помог бы не Васе, а Кате.

Видели корыто с сеном? А кто, прости господи, положил в него сено?..

Меня предупреждали, что виварий будет не просто выбить для нашего института.

Я забыл же вазу, и её нужно чем-то заменить. И купить надо бы чай да сахар, а то гостей угощать нечем.

Прежде чем вы ознакомитесь с делом, необходимо подписать договор о неразглашении. Вот дело, а вот договор.

Надя, не хочу тебя менсплейнить. Но ты точно внимательно прочитала заметку? Ведь рысь в тех лесах не водится.

Вам сказали, чем открывается эта дверь?

Так расстроился, что аж водку купил? Жизнь вынудила, получается?

Над тенью нависла другая тень.

Придется топать через лес. А я предупреждал, что ваза чёрт знает где хранится. Это реликвия.

На диаграмме были представлены незавидно низкие показатели, хоть Ваню и просили их скрыть.

«Настя защитила-то диссертацию по фаерворкам?» — закусив губу, спросил Андрей.

С нежностью глядела мать на своего ребенка. Я вытащил было телефон, чтобы сфоткать эту сцену, но передумал.

Еда ж Наде не нужна — чего нам переживать-то? Она же у нас суперчеловек, прости господи!

Когда я учился в средней школе, ни один Новый год не проходил без дискотеки.

Природу надобно беречь. Ведь лоно рек, морей и гор хранит безмерные богатства.

Некоторые инструкторы предлагают такой тренинг — к себе через тело.

Высоко в небе виднелся гелиевый шарик. Красота!

Роберта Михайловна! Загляни-ка потом в зал хоть — я хочу узнать твоё мнение о его реставрации.

Он завёз ведь продукты бабушке — чего она опять разоралась? Вот ругать она всегда готова.

Ни одна наша встреча без еды не обходилась. И на столе, увы, всегда стояла водка да самогон.

Я пытаюсь сказать, что не нужно было работать суетливо, как бы наспех. Так мы провалили предыдущий проект.

Замёрз ли он? По нему не скажешь.

Орфоэпический словарь 1983 года продавался, конечно, без диска.

Он разговаривает как судья. А ведёт себя как свинья — как Фома Фомич, благодетель...

Отряд конной полиции стоял возле нас. И слышалось ржание. Конное*.

Бежавший, видимо, споткнулся об тело, после чего вскочил и опять побежал. А потом опять споткнулся, но уже об ёлку. И не встал. Не повезло.

— Не надо бить камнями окна, ведь окна не виноваты в твоих проблемах с головой. — А вы точно психолог?

Коль палку не найдёшь, ломай ветку.

Сообщение для бухгалтера нужно было передать не через вдову, а через вас. Опять людей перепутали.

Ашшурбанал же гулял в том саду — это одна из местных достопримечательностей. Сад вот нас больше всего и смутил.

Но лошадь, к сожалению, упала. Упала лошадь. Смеялся Кузнецкий. Только один я лошади помог — теперь она живет да здравствует.

Всё зависит от вдовы. Именно ей решать, где хоронить умершего.

Он замёрз ведь потом, а не сразу.

Мне не приходилось раньше бывать в месте, подобном этому.

Вот тут-то и появился Лис. «Здравствуй», — сказал он. «Здравствуй», — вежливо ответил Маленький принц.

Они, как староватые родители, не всегда понимали, о чём говорят их дети: лонгсливы, шортбреды, пауэрбанки — абракадабра какая-то.

Ты знаешь, что мне сказали неправду?

Из белки суп обычно не варят. Или варят? Ты спросил — я засомневался.

Соседский мальчишка так неудачно упал с велосипеда, что аж вдох первые секунд десять сделать не мог.

Люди тогда всерьёз считали императора богоизбранным. Ведь власть даруется Всевышним, ага-ага.

Я наклонился над ним, а он, этот малютка-сурок, забился в ямку.

Я сказал не «помог», а «помог бы» — две большие разницы.

Лучше постучать, чем открывать замок отмычкой.

Отец так и не сказал, митинг ли это был. А мама не хочет спрашивать.

Буквы вне сетки встретятся первыми в соответствующем направлении.

Сдача больше 300 рублей, а вы от неё отказываетесь. Нет уж, берите. Вот чек, вот яблоки, вот сено — до свидания!

Я тебе потом на ушко скажу, чего не надо делать против ветра.

Научник попросил меня подумать над темой следующего доклада — придумать хоть что-нибудь. Но мне было не до этого: я пил и кутил.

Ты про Гену из девятого спрашиваешь? Так он вылетел, к сожалению, на региональном этапе.

На равнине было широко и привольно. Нечего и говорить, что воздух там был такой... волью наполненный, что ли.

Миша с Гришей не всё едят — плов вот оставили нетронутым.

Сквозь окна светило солнце. Оно освещало капкейки на столе.

Зря ты молоток не взял. Ведь вбить гвоздь, когда у тебя нет молотка, может быть довольно трудно. Я сегодня кэп, получается)))

Надо признаться, то завывание пугало нас. Вдруг, ни с того ни с сего, с ветки спрыгнула тёмная фигура.

Вам объяснили, чем быстрее всего можно выкопать себе могилу?

Трансляция была без видео.

Аввакум Вячеславович признал-таки свою ошибку. Вот раздал шоколадки в качестве извинений.

Те ребята у забора явно замёрзли. Может, пледами поделимся с ними?

Коль полку сам не починишь, хоть Ваню вызови — он подсобит тебе.

Лизе надо играть нерасторопнее, монументальнее. Ведь Лиза — её походка, взгляд, оценки — важна в этой сцене, как ничто другое.

Машина поравнялась с лесом и потом резко повернула в его сторону. А лес как побежи-и-и-и-ит!

«Ушла б Лена поскорее, ничего бы этого не случилось!» Задел же ты меня именно этой репликой. Тебе не кажется, что это виктимблейминг?

Придётся протиснуться туда через сетку: по-другому на огороженную территорию не попасть.

Формулу положено писать над вектором. Но это просто условность.

Наш гость из Эдинбурга объяснил, что вам надо немедленно уйти?

— Живёшь ли ты в вере, дитя моё? — Папа, не пей больше.

Близ каньона раздался выстрел.

Многие люди с музыкальным бэкграундом знают, какую роль в джазе играет уменьшенный лад.

Хватит уже лежмя лежать — устал он, видите ли, от бега.

Нужно сбегать за обезболивающим, ведь венесекцию без него слишком рискованно делать. Да и негуманно, честно говоря.

Пусть Пашка расскажет лучше, как он умудрился удариться об белку. Об белку, прости господи! Представляешь?

Дом вот, увы, не каждый построить может.

Запись начиналась с фразы «Да здравствует просвещение!».

Из мяса я тебе разве что котлеты слеплю — я тот ещё повар.

До сих пор помню, как судья назвал подозреваемого: он сказал «преступник», несмотря на то что это было только первое слушание по делу.

Он решил разузнать дорогу через лесников: ему казалось, что вина да сыра для этого хватит. Не хватило.

Но Саше говорили, чтоб хоть водолазку он снял: было очень жарко.

Этот вопрос стоит неостро, ведь лечь в больницу ты всегда успеешь. Или не успеешь, доктор?

Анфиса Никитична, выгляни-ка на секунду — покажу кое-что.

Завал же так быстро не разобрать — сходите пока в сад при местном музее. Вот сад вам наверняка больше всего понравится.

Я наклонился над никсой — она так прекрасно пела. Роковая ошибка!

Я вывез ведь Надю из госпиталя именно потому, что боялся за неё.

Откуда, спрашиваешь, ссадина? Да об ветку ударился.

Мы с Пашей подошли к камину. Вова стоял возле и нервно цедил шампанское*.

Князь лениво, как старый актёр, произносил очевидные вещи.

Помог бы кто ему, а не кричал — он выбыл же вчера из состязания.

В том-то и проблема, что показ был не с видео, а без видео.

Вне этих стен ему не выжить: он несведущее, наивное дитя.

Я вазу забыл же, и теперь непонятно, куда цветы ставить.

Вот так задача решается предприимчивыми сотрудниками, да!

Из Стёпы, как из тёса, можно сделать... Ну, давайте без оскорблений.

А зачем ты себе вещи на вырост покупаешь? Ведь выше ты не станешь.

Я бы не смеялся над тягой к знаниям. Между прочим, Пашка, в отличие от тебя, теперь знает, что делают с дипломом.

Прополощите рот содой. Вот сода всегда мне помогала, угу-угу.

Он пронёсся буквально сквозь лес, а не просто через лес.

Коль положиться на вас уж нельзя, ступайте поодаль и ждите.

Как правильно? Отче наш, иже еси на небеси, на небесе или на небесех?

Напрасно Параскева солгала нам. Ложь ведь быстро вскрылась.

Айтишники говорят, что без сервера проект, который мы хотим реализовать, не запустить.

Ты знаешь, что мне сказали тогда?

Слуга ж окна открыл — вот и повеяло свежестью лугов.

Сквозь облака пробивалось солнце — луч солнца золото-о-о-ого... Мы поняли, что дожить до рассвета нам всё же суждено.

Не пропали наши усилия втуне — вот девяносто человек собрали.

Мне рассказывали, что Паша стремительно пронёсся через лобби. Выбежал, мол, из номера — и помчал куда-то.

Наверное, не стоило у него в долг брать, ведь возвращать ему придётся в два раза больше.

Хоть шторы купили — одна радость.

Без вентилятора, дующего в лицо, я бы ещё снялся. А вот без видео за спиной я сниматься в клипе точно не буду.

Нас попросили завтра быть на работе к семи (да!) утра. Вот так задача!

А чего Ибрагим Авксентиевич не посоветовался с нянькой? Плов ведь Петенька не кушает.

Я туда залез лишь! И ничего больше не делал — клянусь!

Хоть охота в этих местах давно не ведётся, старожилы ещё помнят, какой страшной и жестокой она была когда-то.

Наташа ловко прыгает через лошадь. Ой! Не через лошадь, а через козла — с детства путаю это.

Вот дом, увы, не каждый построить может.

Из мести человек может сделать много зла.

Оказывается, чтобы попасть туда, надо было найти какой-то объезд. Объезд вот мы как раз и не нашли.

И представляешь: он припёрся к ней с ёлкой. Это такой подарочек был. Лучше б он пришёл к ней с едой.

Ушла бы Оля побыстрее, ибо помощи от неё мало*.

Здесь не обошлось без динго: они тут водятся.

Путь к роднику — через степь.

Нам нужно экономнее распределять пищу, ведь ржи надолго не хватит
при наших расходах

Сквозь кубы дети пытались добраться до финиша. Игрушечные кубы.

Людей хоть в зал наконец-то пустили — они два часа ждали совещания.

Я предлагаю путешествие не через горы, а через лес.

Наш гость из Эдинбурга объяснил, что вам надо теперь делать?

Сквозь кольцо была продета серебристая нить.

Вот думал бы он лучше — проблем было бы меньше.

Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное
ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5. Чередования по глухости/звонкости: распределение аллофонов по сочетаниям

Условная нумерация просодических позиций:

- 1 — сильная фразовая с акцентным выделением самой клитики,
- 2 — сильная фразовая с акцентным выделением носителя клитики,
- 3 — сильная фразовая без акцентного выделения,
- 4 — слабая фразовая.

При планировании эксперимента была допущена ошибка, поэтому в действительности у сочетаний *без видео* и *через лес* 4 = 3 (они находились скорее в сильной фразовой позиции, чем в слабой). Тем не менее в таблице даны разные цифры для различения данных по разным контекстам.

Возрастная группа	Старшая группа			Средняя группа			Младшая группа			Итого		
Аллофоны Сочетание	зв.	глух.	полу- зв.	зв.	глух.	полу- зв.	зв.	глух.	полу- зв.	зв.	глух.	полу- зв.
<i>аж вдох</i>	9	5	4	8	7	0	10	6	1	27	18	5
<i>аж водку</i>	3	17	0	0	20	0	0	20	0	3	57	0
<i>аж лопнул</i>	2	18	0	1	19	0	0	19	0	3	56	0
<i>аж окно</i>	2	16	0	1	17	1	1	18	0	4	51	1

<i>б — ушла б Лена</i>	10	7	0	7	10	1	8	10	0	25	27	1
<i>б — ушла б Оля</i>	8	12	0	2	16	1	1	16	1	11	44	2
<i>без вдовы</i>	18	1	0	19	1	0	18	0	1	55	2	1
<i>без вентилятора</i>	20	0	0	20	0	0	19	0	0	59	0	0
<i>без видео (1)</i>	17	2	1	16	2	2	17	2	1	50	6	4
<i>без видео (2)</i>	18	1	1	19	0	0	20	0	0	57	1	1
<i>без видео (3)</i>	20	0	0	19	0	1	17	0	3	56	0	4
<i>без видео (4)</i>	18	1	1	20	0	0	15	2	2	53	3	3
<i>без еды</i>	19	0	1	16	3	0	17	1	2	52	4	3
<i>без сервера</i>	0	19	0	0	19	0	0	19	0	0	57	0
<i>без яблока</i>	18	1	0	18	0	2	18	1	1	54	2	3
<i>ведь — аутолиз ведь</i>	0	16	1	0	20	0	0	19	0	0	55	1
<i>ведь — завёз ведь</i>	2	16	0	1	18	0	0	19	1	3	53	1
<i>ведь — замёрз ведь</i>	0	19	1	0	19	0	0	18	0	0	56	1
<i>ведь — ложь ведь</i>	0	19	0	0	20	0	0	16	0	0	55	0
<i>ведь — плов ведь (носитель)</i>	3	15	1	0	20	0	5	14	1	8	49	2
<i>ведь — плов ведь (клитика)</i>	3	5	8	0	7	11	5	8	7	8	20	26
<i>ведь вбить</i>	14	3	2	12	3	1	8	7	3	34	13	6
<i>ведь венесекцию</i>	1	18	0	0	19	0	0	20	0	1	57	0
<i>ведь власть</i>	1	16	1	0	19	0	2	17	0	3	52	1
<i>ведь возвращать</i>	0	15	0	3	17	0	0	16	3	3	48	3
<i>ведь выше</i>	0	19	0	0	19	0	0	19	0	0	57	0
<i>ведь лаборатория</i>	0	20	0	0	18	0	0	19	1	0	57	1
<i>ведь ложь</i>	0	20	0	0	20	0	0	18	0	0	58	0

<i>ведь Ломоносов</i>	0	18	1	0	19	0	0	20	0	0	57	1
<i>ведь лоно</i>	0	20	0	1	19	0	0	18	0	1	57	0
<i>ведь окна</i>	0	20	0	0	20	0	0	20	0	0	60	0
<i>ведь ржи</i>	1	19	0	0	20	0	0	20	0	1	59	0
<i>ведь рысь</i>	0	20	0	0	19	0	0	20	0	0	59	0
<i>вот — заповедь вот</i>	1	16	0	0	18	0	0	17	1	1	51	1
<i>вот — объезд вот</i>	0	19	0	0	20	0	0	18	0	0	57	0
<i>вот — оранжад вот</i>	0	12	0	0	20	0	0	14	0	0	46	0
<i>вот — отвёз вот</i>	0	19	0	0	20	0	0	20	0	0	59	0
<i>вот — плов вот</i> (носитель) (3)	2	18	0	0	18	2	2	16	1	4	52	3
<i>вот — плов вот</i> (носитель) (4)	3	6	1	0	8	1	3	7	0	6	21	2
<i>вот — плов вот</i> (клитика) (3)	5	4	10	4	6	9	5	8	4	14	18	23
<i>вот — плов вот</i> (клитика) (4)	4	2	3	0	1	8	4	3	3	8	6	14
<i>вот — сад вот</i>	0	18	0	0	18	0	0	18	0	0	54	0
<i>вот — тетрадь вот</i>	0	19	0	0	17	0	0	17	0	0	53	0
<i>ж — еда ж Наде</i>	8	6	2	5	8	4	8	9	1	21	23	7
<i>ж — овцу ж волк съест</i>	8	8	1	12	4	0	7	8	1	27	20	2
<i>ж — слуга ж окна</i>	6	8	0	6	12	0	4	8	1	16	28	1
<i>из лениности</i>	18	1	0	19	0	0	14	0	5	51	1	5
<i>из ленты</i>	20	0	0	18	1	0	18	0	2	56	1	2
<i>ли — баггинг ли</i>	0	17	0	2	16	1	0	16	0	2	49	1
<i>ли — достиг ли</i>	0	19	0	1	19	0	0	18	2	1	56	2
<i>ли — замёрз ли</i>	0	20	0	1	18	0	0	19	0	1	57	0
<i>ли — митинг ли</i>	0	20	0	1	18	1	1	17	1	2	55	2

<i>лишь — вылез лишь</i>	0	20	0	0	19	1	0	18	1	0	57	2
<i>лишь — залез лишь</i>	0	20	0	0	20	0	0	20	0	0	60	0
<i>лишь — заполз лишь</i>	0	18	0	0	18	2	1	19	0	1	55	2
<i>лишь — лонгшез лишь</i>	0	20	0	2	15	2	0	16	1	2	51	3
<i>над областями</i>	17	3	0	18	2	0	16	2	0	51	7	0
<i>от бега</i>	18	0	0	20	0	0	17	0	0	55	0	0
<i>от вдовы</i>	15	0	2	16	0	1	10	1	2	41	1	5
<i>против велосипеда (носитель)</i>	7	3	4	4	5	7	8	6	4	19	14	15
<i>против велосипеда (полуклитика)</i>	6	9	1	4	12	1	6	12	1	16	33	3
<i>против ветра (носитель)</i>	4	3	5	2	5	8	7	5	6	13	13	19
<i>против ветра (полуклитика)</i>	2	15	0	1	14	1	5	12	0	8	41	1
<i>с делом</i>	17	0	2	18	0	1	18	1	0	53	1	3
<i>с лесом</i>	0	20	0	0	20	0	0	20	0	0	60	0
<i>с нежностью</i>	0	20	0	0	20	0	0	19	0	0	59	0
<i>сквозь лес (1)</i>	1	18	0	1	16	2	1	19	0	3	53	2
<i>сквозь облака</i>	0	19	0	1	18	0	0	20	0	1	57	0
<i>уж нельзя</i>	0	12	0	1	15	0	1	13	0	2	40	0
<i>уж область</i>	2	17	0	3	14	3	3	14	0	8	45	3
<i>через вас</i>	18	0	0	19	0	1	17	1	0	54	1	1
<i>через вдову</i>	19	0	0	18	0	1	17	1	0	54	1	1
<i>через лес (1)</i>	18	0	2	13	2	2	14	1	5	45	3	9
<i>через лес (2)</i>	19	1	0	19	0	1	17	0	3	55	1	4
<i>через лес (3)</i>	17	1	2	19	0	0	18	0	2	54	1	4

<i>через лес (4)</i>	16	1	3	20	0	0	16	1	2	52	2	5
<i>через лесников (3)</i>	17	1	1	17	0	1	15	1	2	49	2	4
<i>через лобби</i>	16	1	2	16	0	3	16	2	1	48	3	6
<i>через лошадь (2)</i>	19	1	0	19	0	0	16	0	2	54	1	2
<i>через лошадь (3)</i>	19	0	1	19	0	0	18	2	0	56	2	1
<i>через тело</i>	0	19	0	0	20	0	0	20	0	0	59	0
Итого аллофонов	549	872	65	522	907	84	504	901	82	1575	2680	231
	1486			1513			1487			4486		

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6. Чередования по твердости/мягкости: распределение аллофонов по сочетаниям

Условная нумерация просодических позиций:

- 1 — сильная фразовая с акцентным выделением самой клитики,
- 2 — сильная фразовая с акцентным выделением носителя клитики,
- 3 — сильная фразовая без акцентного выделения,
- 4 — слабая фразовая.

При планировании эксперимента была допущена ошибка, поэтому в действительности у сочетаний *без видео* и *через лес* $4 = 3$ (они находились скорее в сильной фразовой позиции, чем в слабой). Тем не менее в таблице даны разные цифры для различения данных по разным контекстам.

Возрастная группа	Старшая группа			Средняя группа			Младшая группа			Итого		
Аллофоны Сочетание	тв.	мягк.	полу- мягк.	тв.	мягк.	полу- мягк.	тв.	мягк.	полу- мягк.	тв.	мягк.	полу- мягк.
<i>без видео</i> (1)	20	0	0	18	0	2	16	0	4	54	0	6
<i>без видео</i> (2)	19	0	1	16	0	3	11	1	8	46	1	12
<i>без видео</i> (3)	18	0	2	19	0	1	16	1	3	53	1	6
<i>без видео</i> (4)	20	0	0	17	0	3	14	0	5	51	0	8

<i>без динго</i>	7	11	2	7	9	3	8	10	1	22	30	6
<i>без диска</i>	13	3	4	11	5	4	10	7	3	34	15	11
<i>без дискотеки</i>	15	0	3	7	1	10	13	1	3	35	2	16
<i>без еды</i>	12	2	6	13	1	5	10	2	8	35	5	19
<i>без сделки</i>	9	6	4	10	2	7	9	8	3	28	16	14
<i>без сервера</i>	2	4	11	7	4	7	5	8	5	14	16	23
<i>без яблока</i>	16	0	2	18	0	2	14	2	4	48	2	8
<i>в вере</i>	1	14	2	0	12	6	2	10	7	3	36	15
<i>в небе</i>	17	0	1	20	0	0	19	0	0	56	0	1
<i>в ямку</i>	11	2	4	10	2	2	8	2	9	29	6	15
<i>ведь — аутолиз ведь</i>	16	0	1	20	0	0	18	0	1	54	0	2
<i>ведь — завёз ведь</i>	17	1	0	19	0	0	19	0	0	55	1	0
<i>ведь — плов ведь</i>	12	1	4	17	1	1	11	2	7	40	4	12
<i>вот дело</i>	20	0	0	19	0	1	16	2	2	55	2	3
<i>вот сено</i>	20	0	0	19	0	0	18	0	1	57	0	1
<i>вот чек</i>	19	0	0	19	0	1	17	2	1	55	2	2
<i>вот яблоки</i>	19	1	0	20	0	0	18	0	1	57	1	1
<i>из белки</i>	19	0	0	18	1	0	16	1	2	53	2	2
<i>из лениости</i>	19	0	0	18	0	1	19	0	0	56	0	1
<i>из ленты</i>	19	0	1	17	0	2	19	0	0	55	0	3
<i>из леса</i>	18	0	2	19	0	0	15	0	3	52	0	5
<i>из места</i>	19	0	0	19	0	1	17	1	1	55	1	2
<i>из мести</i>	14	3	3	17	1	2	9	2	8	40	6	13
<i>из мяса</i>	20	0	0	18	1	0	16	1	3	54	2	3

<i>из них</i>	6	12	2	4	12	3	2	17	1	12	41	6
<i>из Стёпы</i>	4	8	8	9	4	5	5	10	4	18	22	17
<i>из тёса</i>	5	13	2	11	6	2	8	7	2	24	26	6
<i>ли — занёс ли</i>	20	0	0	20	0	0	18	1	0	58	1	0
<i>ли — наколол ли</i>	16	2	1	18	1	0	15	1	1	49	4	2
<i>лишь — вылез лишь</i>	20	0	0	20	0	0	19	0	0	59	0	0
<i>над вектором</i>	18	0	0	20	0	0	19	0	0	57	0	0
<i>над лесом</i>	20	0	0	20	0	0	20	0	0	60	0	0
<i>над никсой</i>	15	4	0	10	5	2	11	5	2	36	14	4
<i>над ним</i>	3	14	2	3	16	0	4	13	0	10	43	2
<i>над сектой</i>	19	0	1	16	1	3	11	4	4	46	5	8
<i>над темой</i>	4	11	4	7	7	3	6	14	0	17	32	7
<i>над тенью</i>	10	6	3	5	11	3	4	11	4	19	28	10
<i>над тягой</i>	9	8	3	8	7	1	5	12	1	22	27	5
<i>над яблоней</i>	19	0	0	20	0	0	19	0	1	58	0	1
<i>об белку (2)</i>	9	5	4	14	1	4	15	1	4	38	7	12
<i>об белку (3)</i>	13	0	4	18	0	2	15	1	3	46	1	9
<i>об ветку</i>	18	0	1	19	0	1	19	0	0	56	0	2
<i>об ёлку</i>	19	0	1	18	0	2	17	0	3	54	0	6
<i>об тело</i>	16	0	2	20	0	0	19	0	1	55	0	3
<i>от бега</i>	18	0	0	20	0	0	18	0	0	56	0	0
<i>от чего</i>	4	11	4	5	11	1	1	17	1	10	39	6
<i>против велосипеда</i>	0	6	4	0	4	2	2	9	4	2	19	10
<i>против ветра</i>	2	4	5	0	4	10	2	10	4	4	18	19

<i>с ветки</i>	18	0	1	18	0	1	16	0	4	52	0	6
<i>с девяткой</i>	4	15	0	1	14	2	5	10	1	10	39	3
<i>с едой</i>	16	0	3	17	0	3	15	0	4	48	0	10
<i>с ёлкой</i>	13	3	4	15	0	5	16	0	3	44	3	12
<i>с нежностью</i>	2	8	7	6	4	6	3	8	7	11	20	20
<i>с пеной</i>	19	0	1	17	0	2	15	0	5	51	0	8
<i>с печенью</i>	13	1	6	14	0	5	10	3	6	37	4	17
<i>с пятнами</i>	14	1	4	15	0	2	15	3	0	44	4	6
<i>с сеном</i>	3	15	1	2	14	2	5	14	0	10	43	3
<i>через ельник</i>	17	2	1	17	0	3	10	3	7	44	5	11
<i>через лес (1)</i>	20	0	0	18	0	0	18	0	2	56	0	2
<i>через лес (2)</i>	20	0	0	20	0	0	18	0	2	58	0	2
<i>через лес (3)</i>	20	0	0	19	0	1	19	0	1	58	0	2
<i>через лес (4)</i>	19	0	1	18	0	2	16	0	3	53	0	6
<i>через лесников</i>	15	0	4	17	0	1	15	0	4	47	0	9
<i>через сетку</i>	4	11	4	5	5	10	5	10	3	14	26	17
<i>через степь</i>	4	11	5	8	7	4	5	7	6	17	25	15
<i>через тело</i>	5	6	7	10	8	2	11	8	1	26	22	10
Итого аллофонов	944	225	153	974	182	159	874	262	192	2792	669	504
	1322			1315			1328			3965		

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7. Избранные спектрограммы

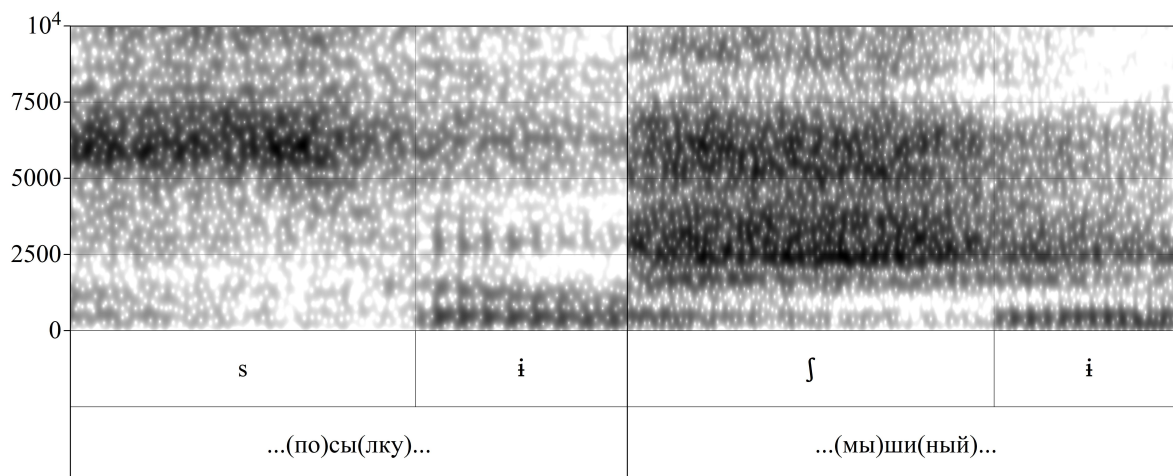

Рис. 1. Спектрограммы [с] и [ш], иллюстрирующие типичное соотношение (первых) частотных пиков в речи одного и того же респондента (АА-06)

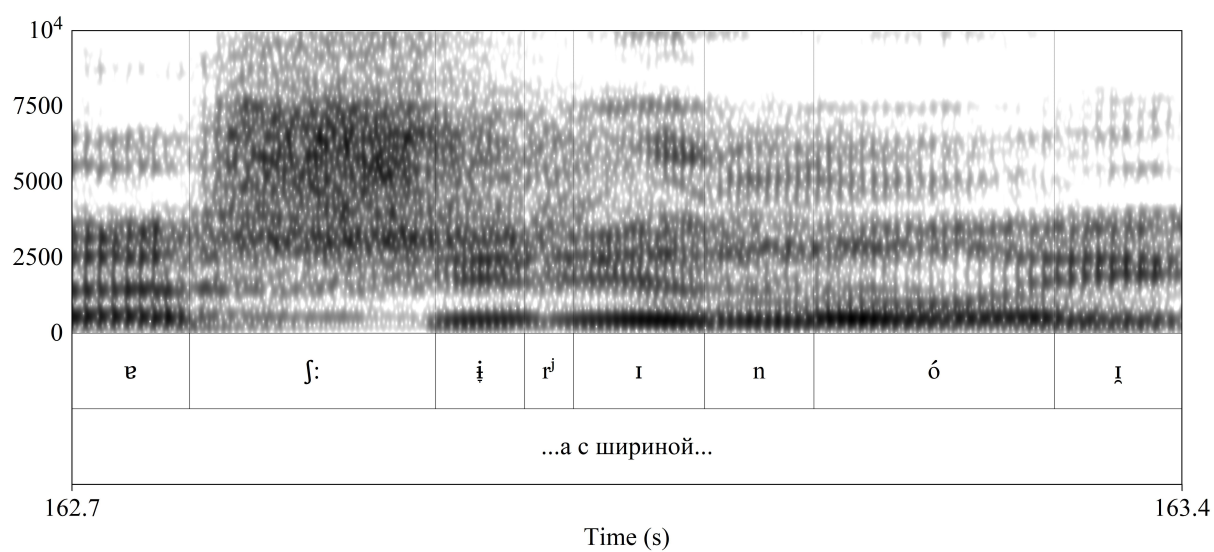

Рис. 2. Да не с длиной надо сравнивать это, а с шириной... (НВ-84)

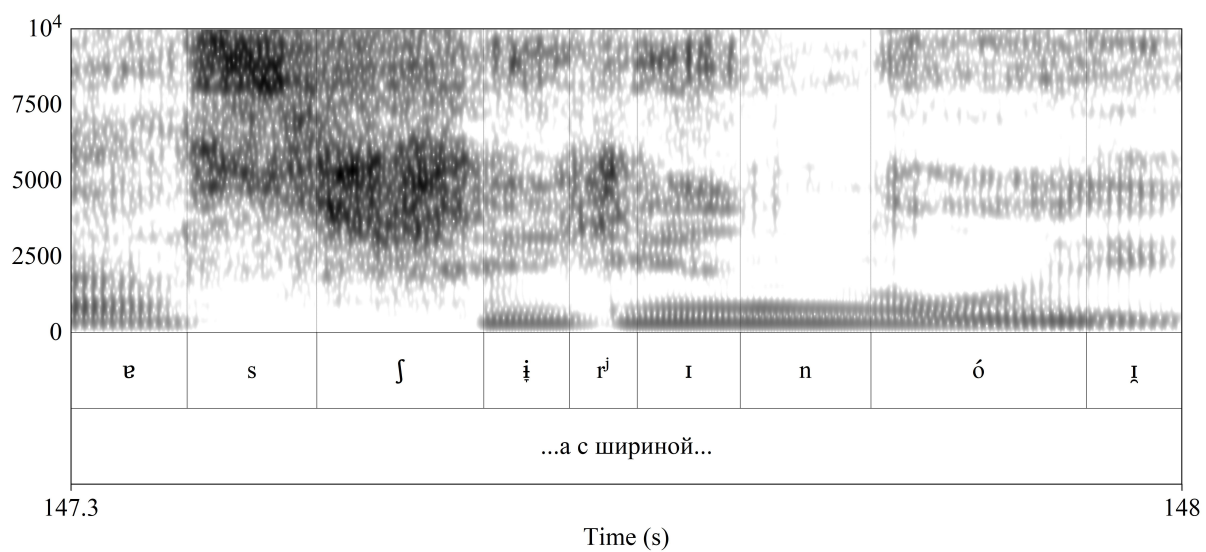

Рис. 3. Да не с длиной надо сравнивать это, а с шириной... (ТЮ-67)

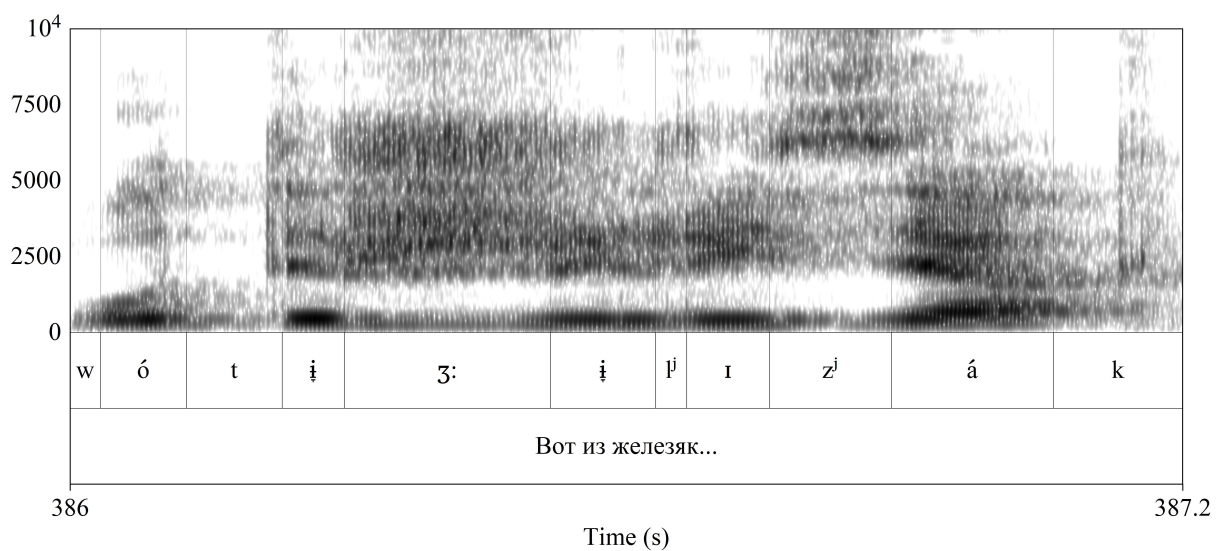

Рис. 4. Вот из железяк и собирается такой самодельный моторчик (НН-48)

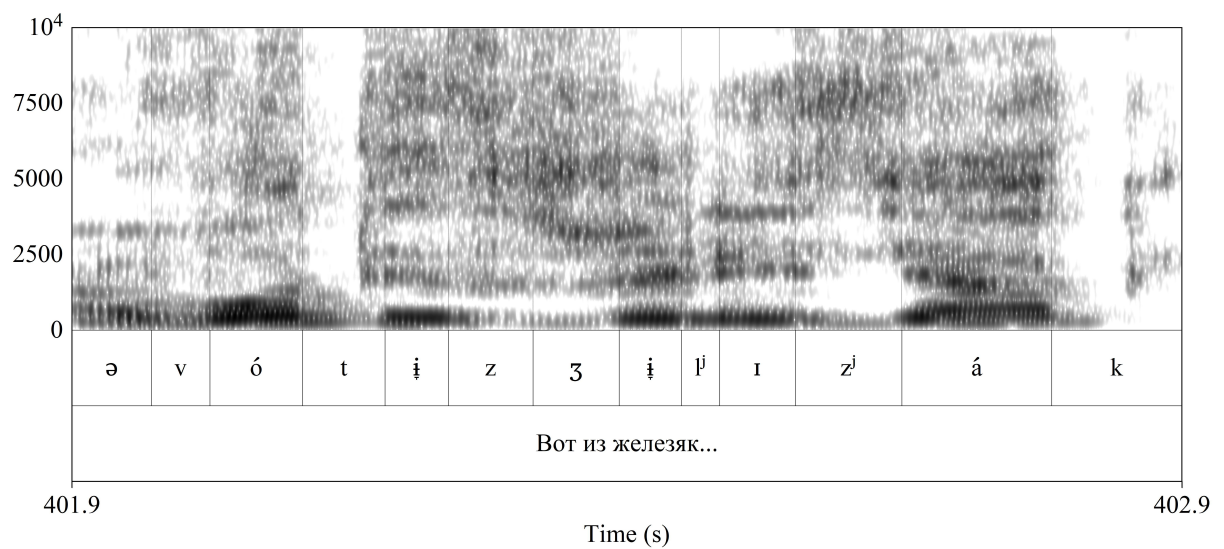

Рис. 5. *Вот из железак и собирается такой самодельный моторчик (ЯВ-80)*

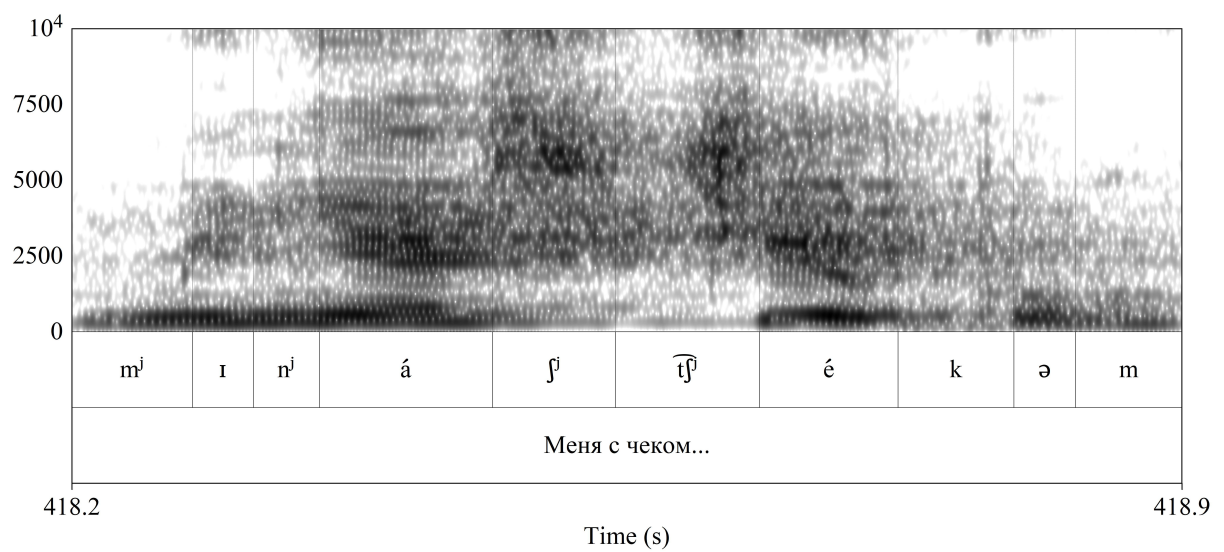

Рис. 6. *Меня с чеком пустят обратно? (ТД-76)*

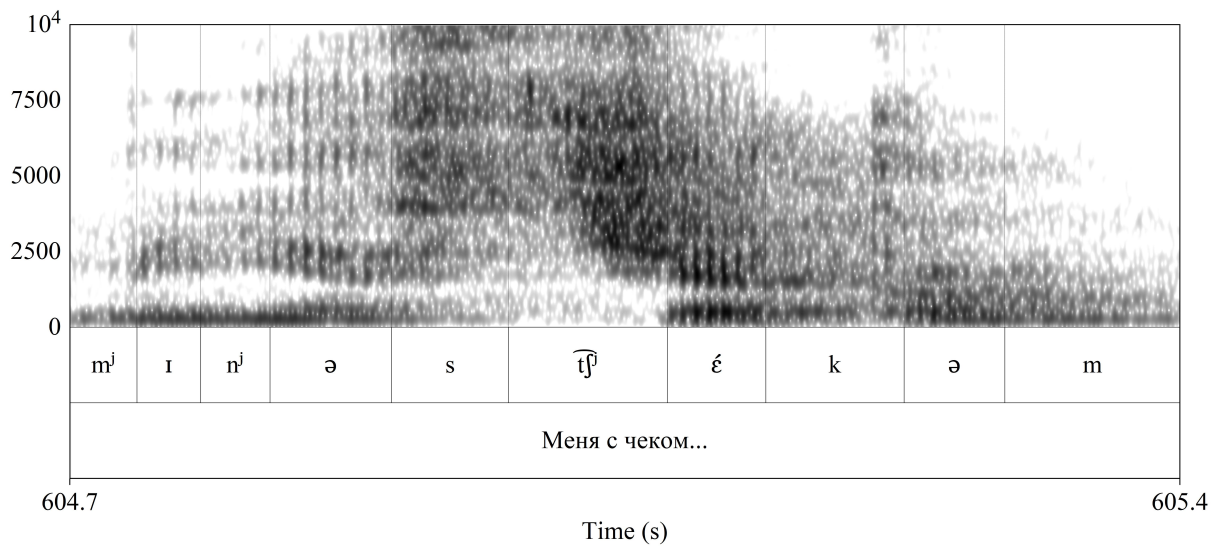

Рис. 7. *Меня с чеком пустят обратно? (ЛВ-80)*

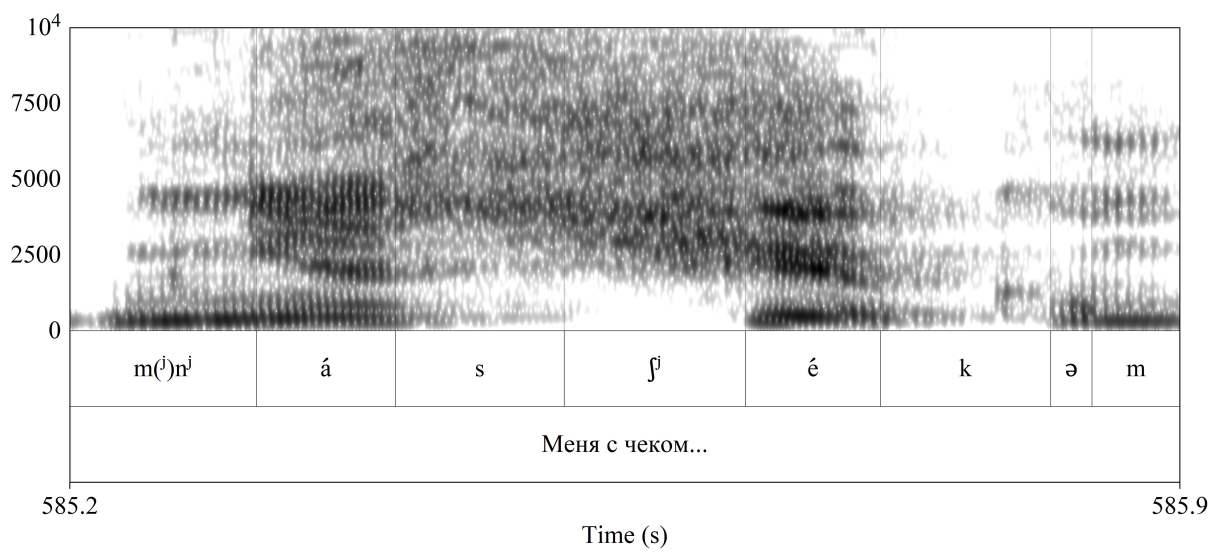

Рис. 8. *Меня с чеком пустят обратно? (ЛМ-01)*

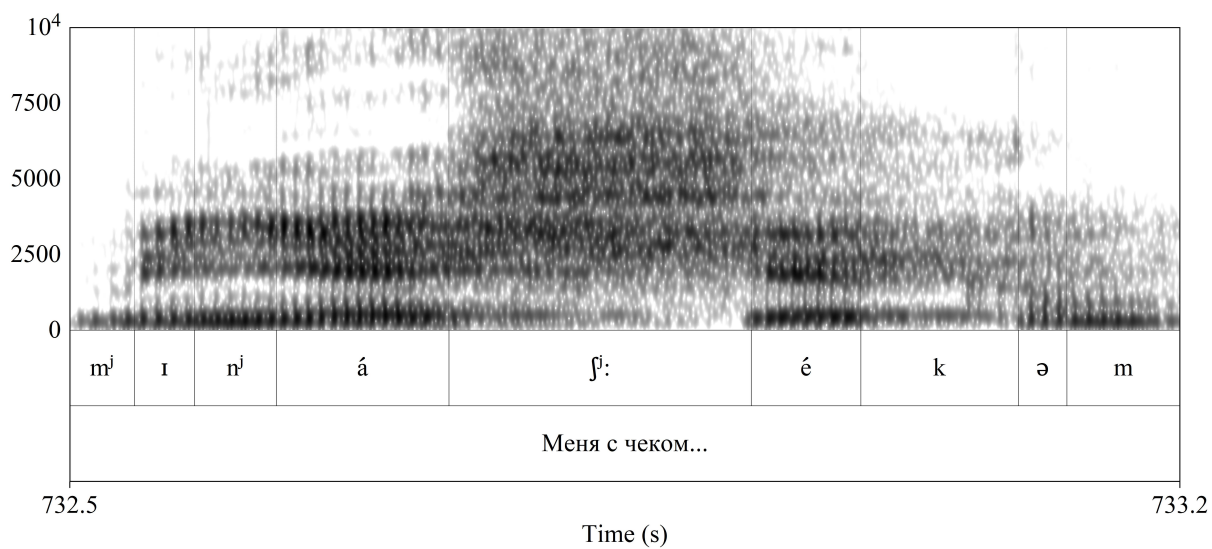

Рис. 9. *Меня с чеком пустят обратно? (ФО-55)*

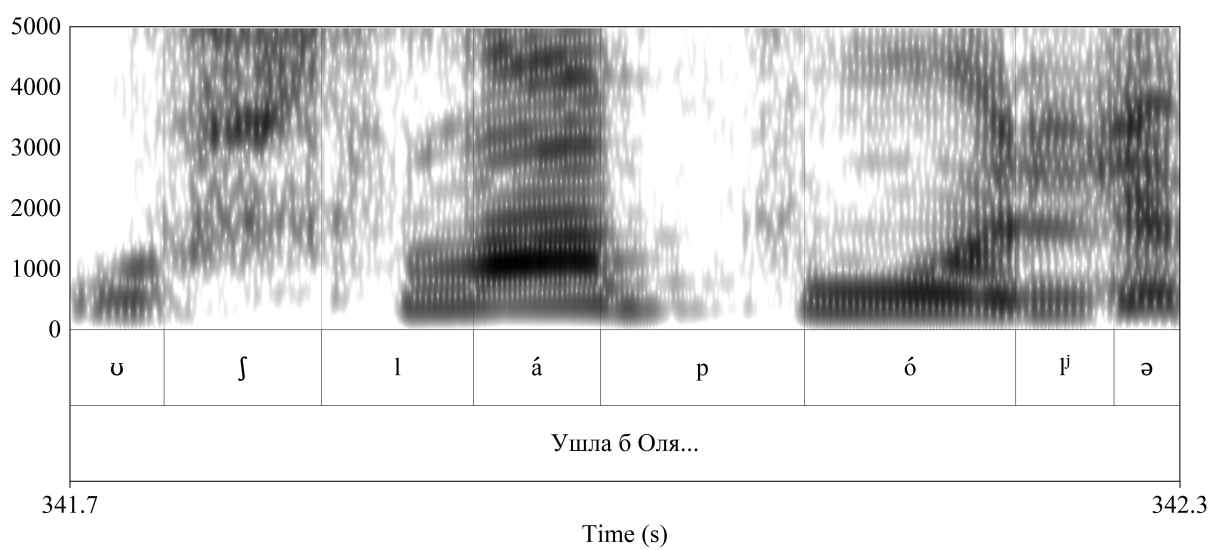

Рис. 10. *Ушла б Оля побыстрее, а не то придушу: посуду за собой не помыла (АС-84)*

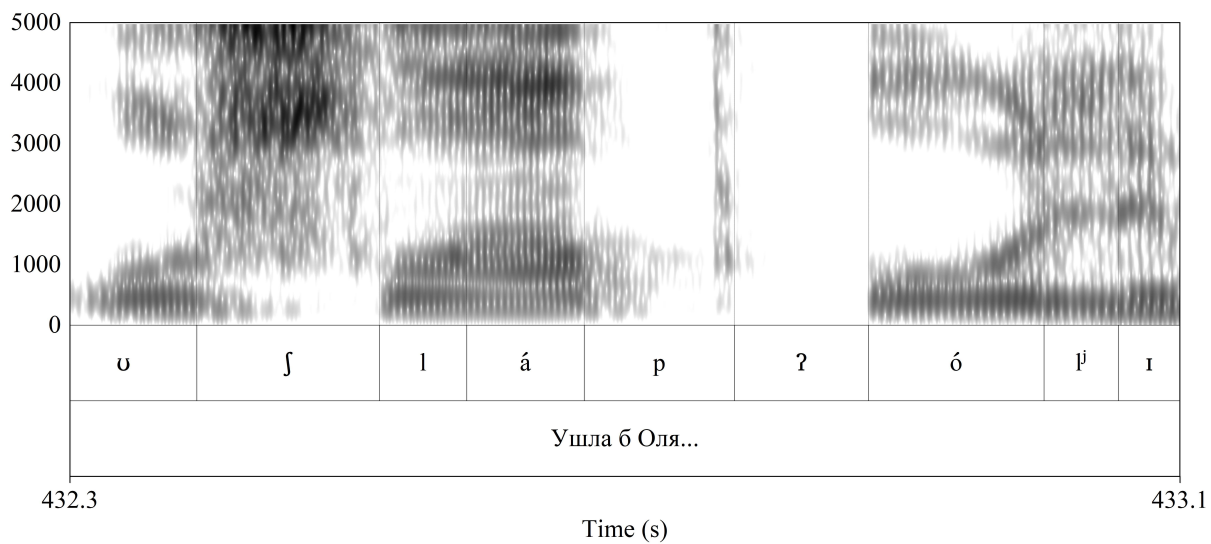

Рис. 11. Ушла б Оля побыстрее, а не то придушу: посуду за собой не помыла (НМ-71)

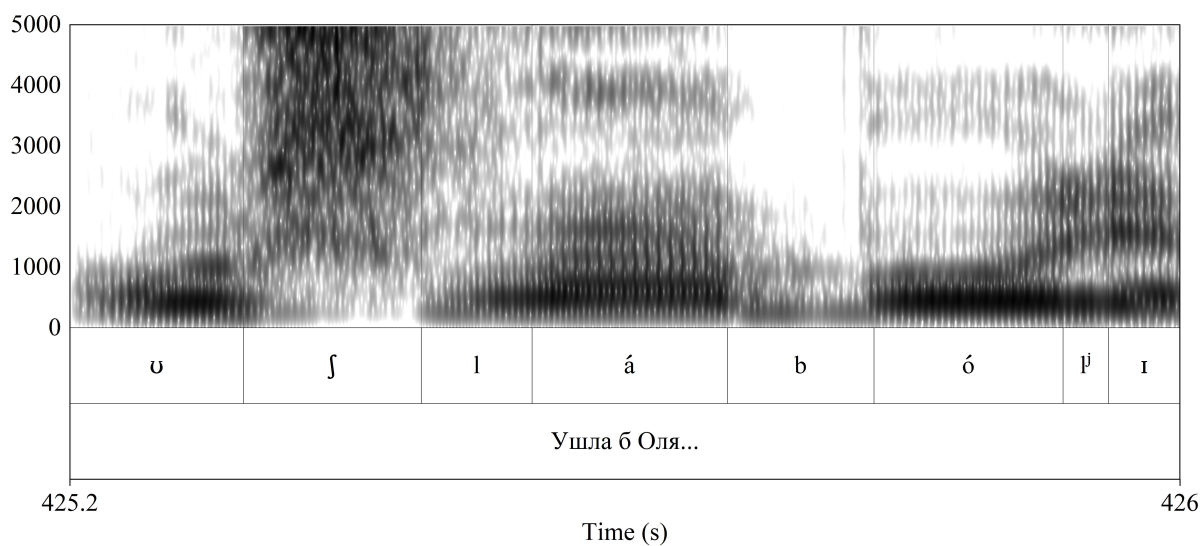

Рис. 12. Ушла б Оля побыстрее, а не то придушу: посуду за собой не помыла (ВИ-47)

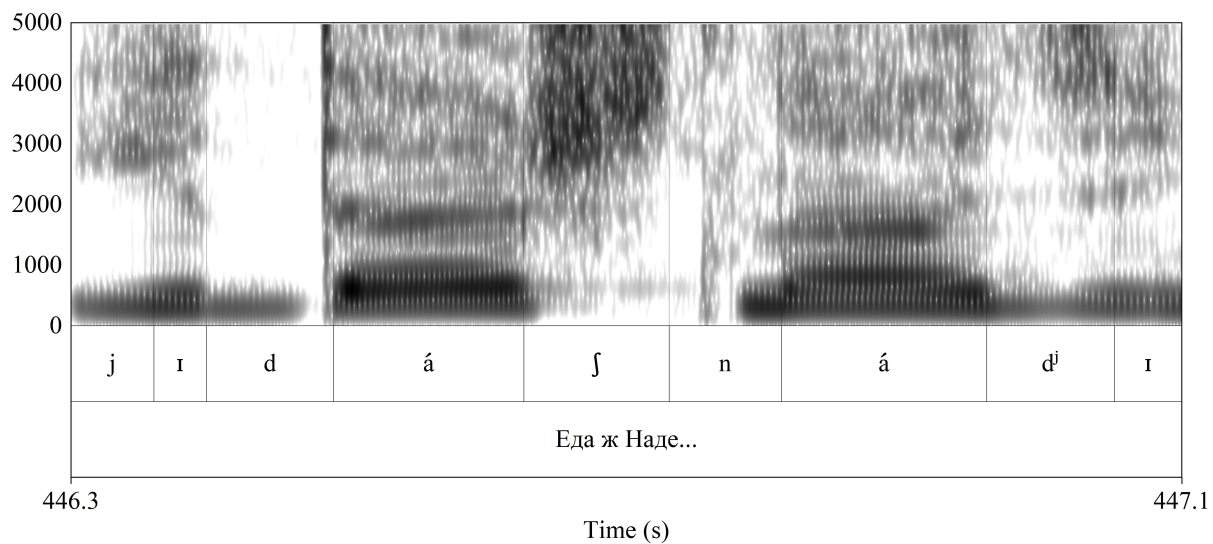

Рис. 13. *Еда ж Наде не нужна — чего нам переживать-то?* (АН-00)

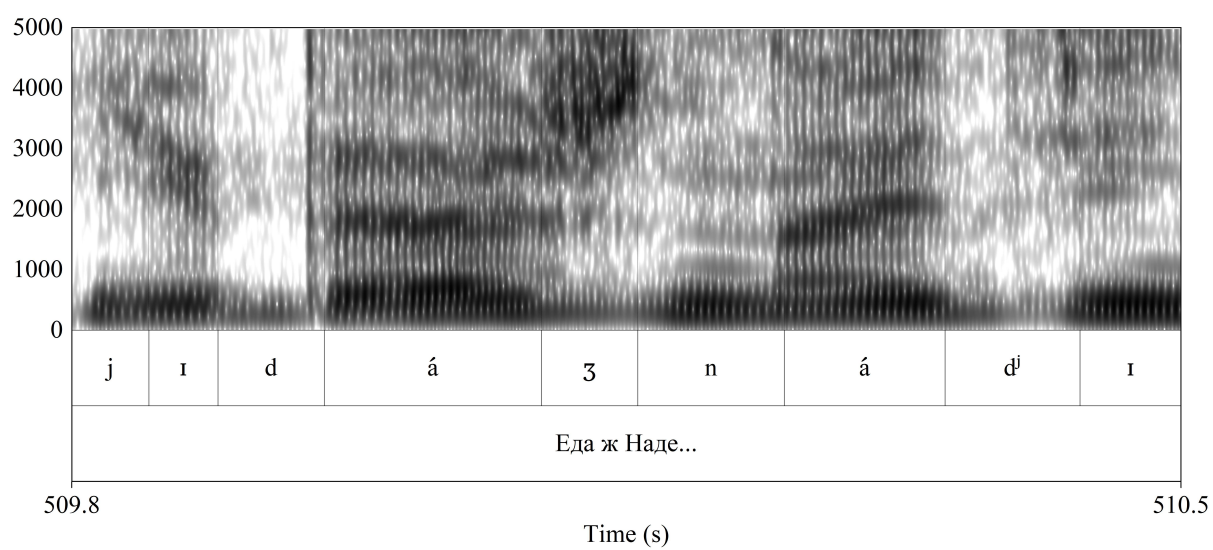

Рис. 14. *Еда ж Наде не нужна — чего нам переживать-то?* (ДА-01)

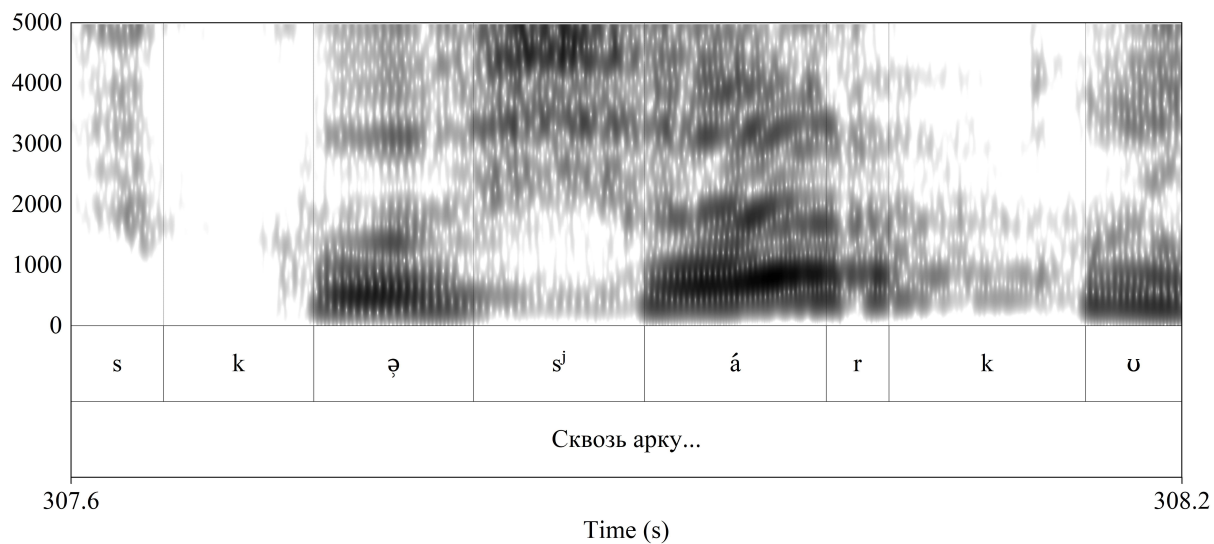

Рис. 15. *Сквозь арку нельзя было пройти: под ней образовалась давка (НМ-82)*

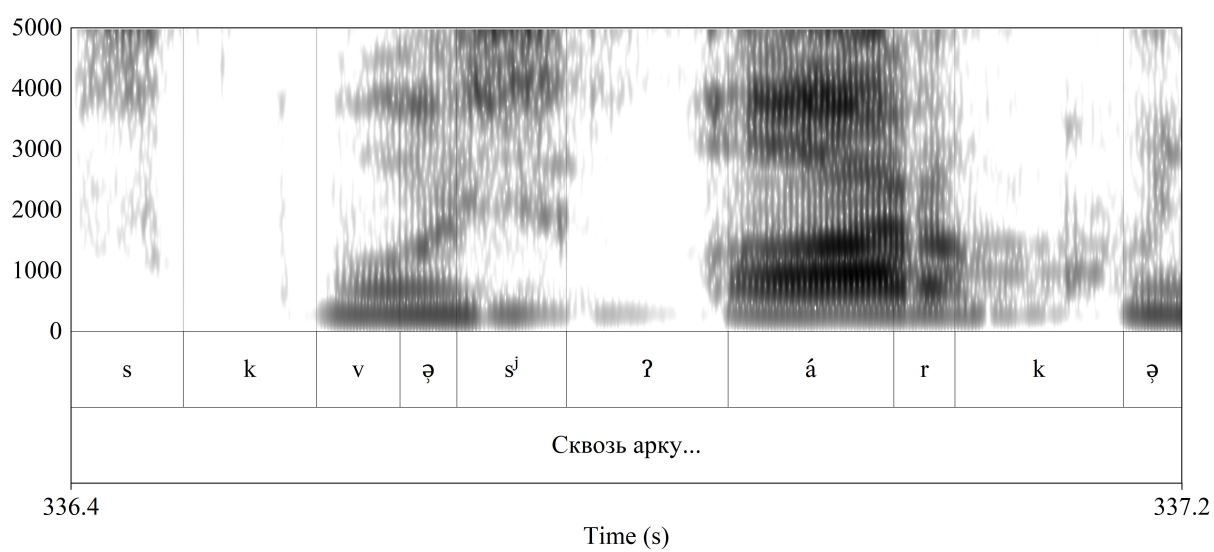

Рис. 16. *Сквозь арку нельзя было пройти: под ней образовалась давка (АА-70)*

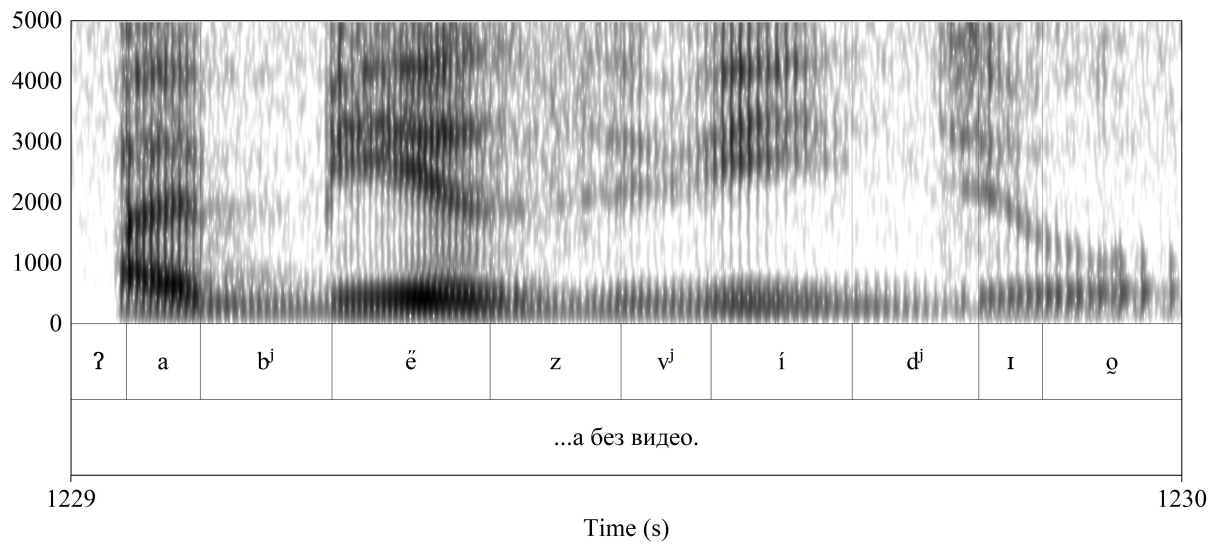

Рис. 17. В том-то и проблема, что показ был не с видео, а без видео (НН-48)

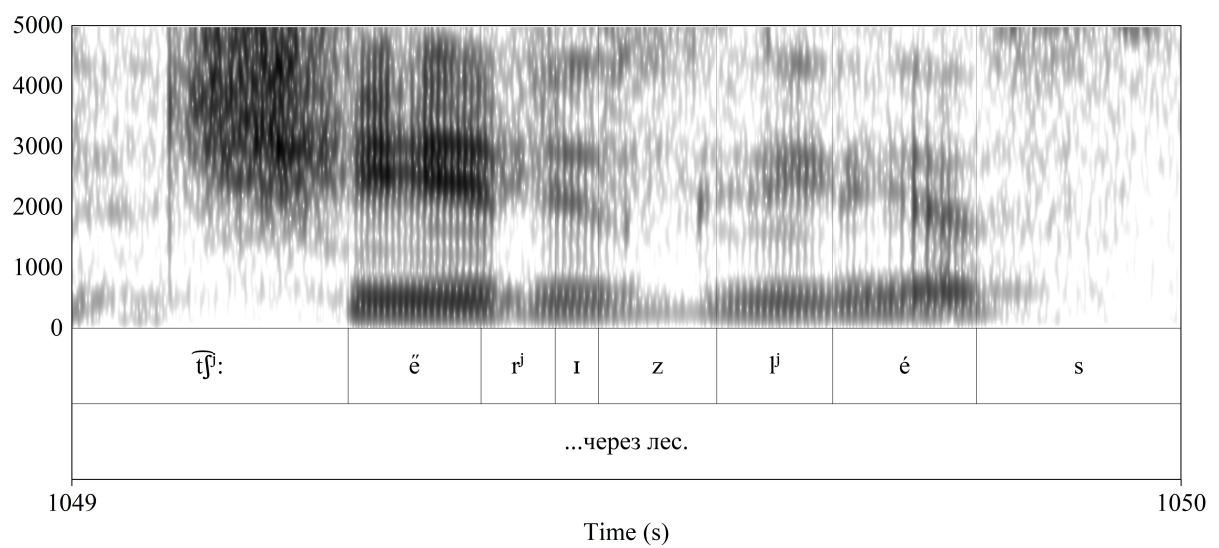

Рис. 18. Он пронёсся буквально сквозь лес, а не просто через лес (ДА-00)

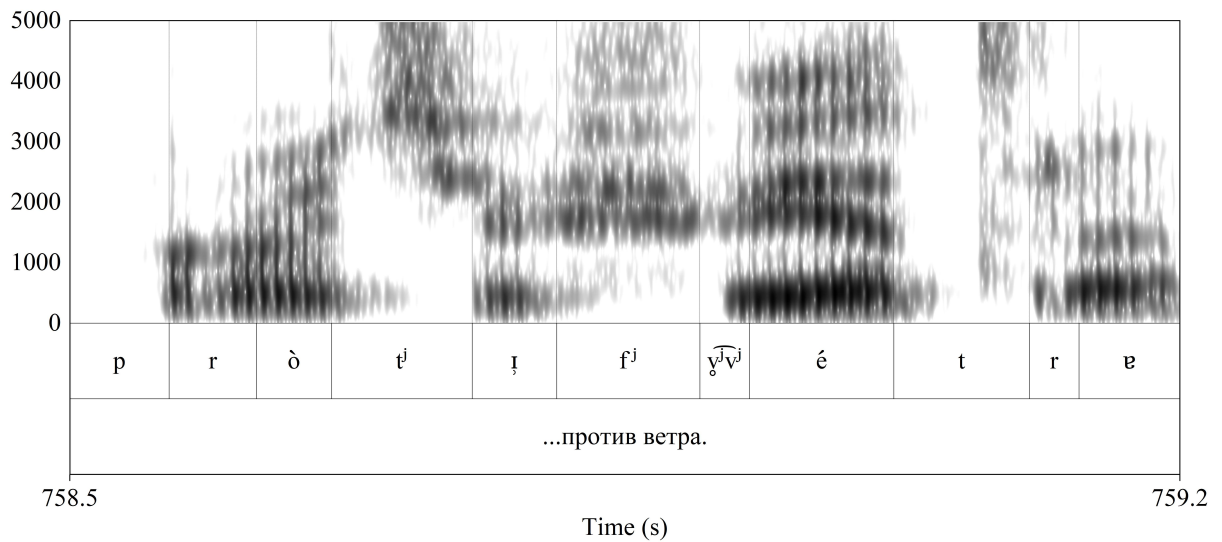

Рис. 19. *Я тебе потом на ушко скажу, чего не надо делать против ветра*
(AA-00)

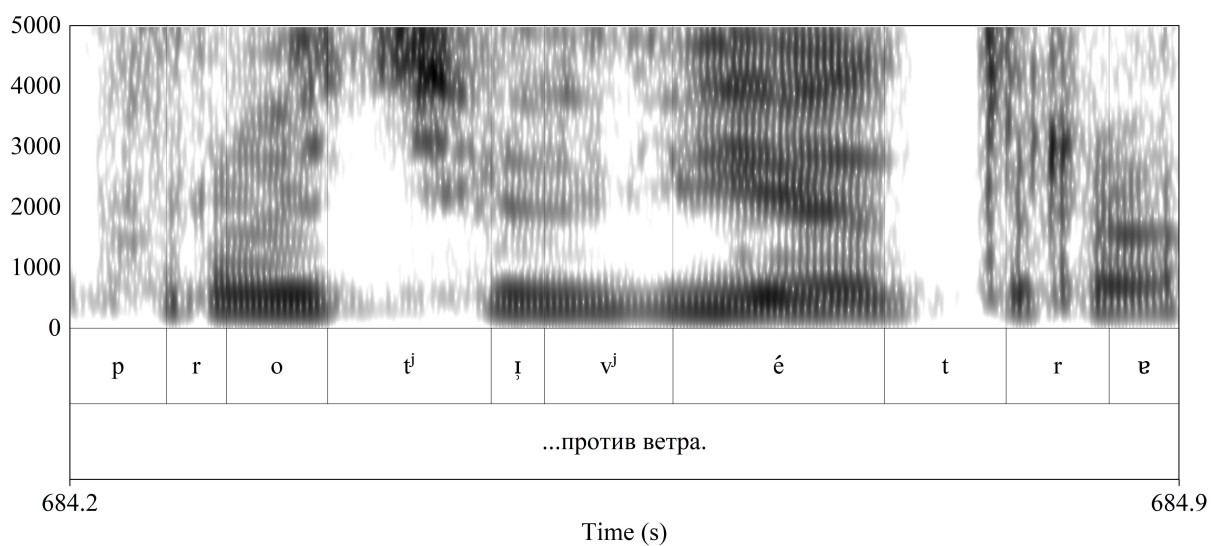

Рис. 20. *Я тебе потом на ушко скажу, чего не надо делать против ветра*
(BE2-06)

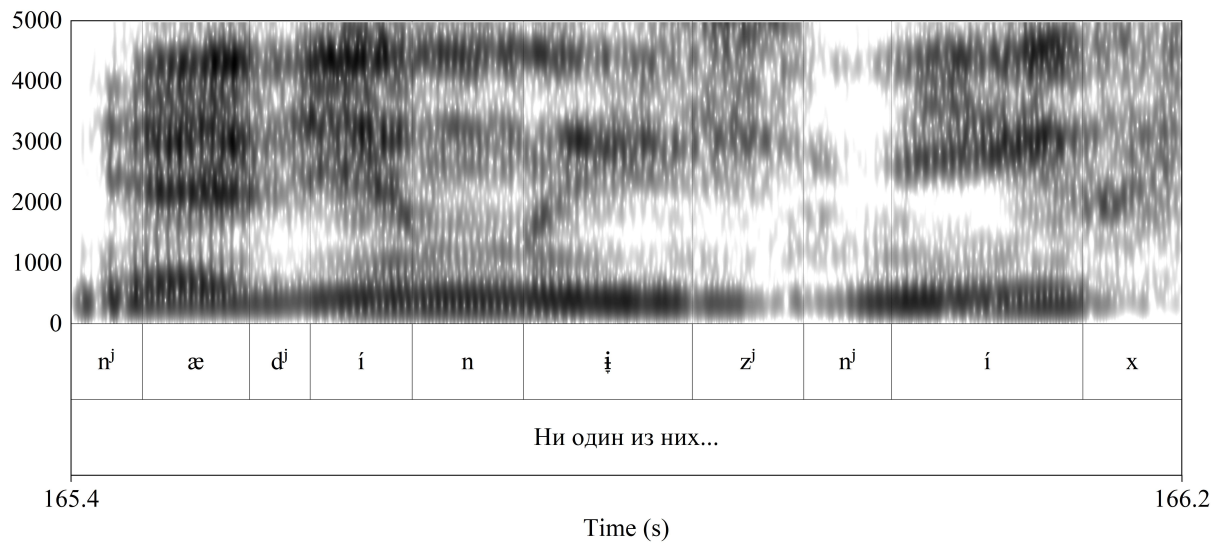

Рис. 21. *Ни один из них не ходил на пары* (ЛМ-01)

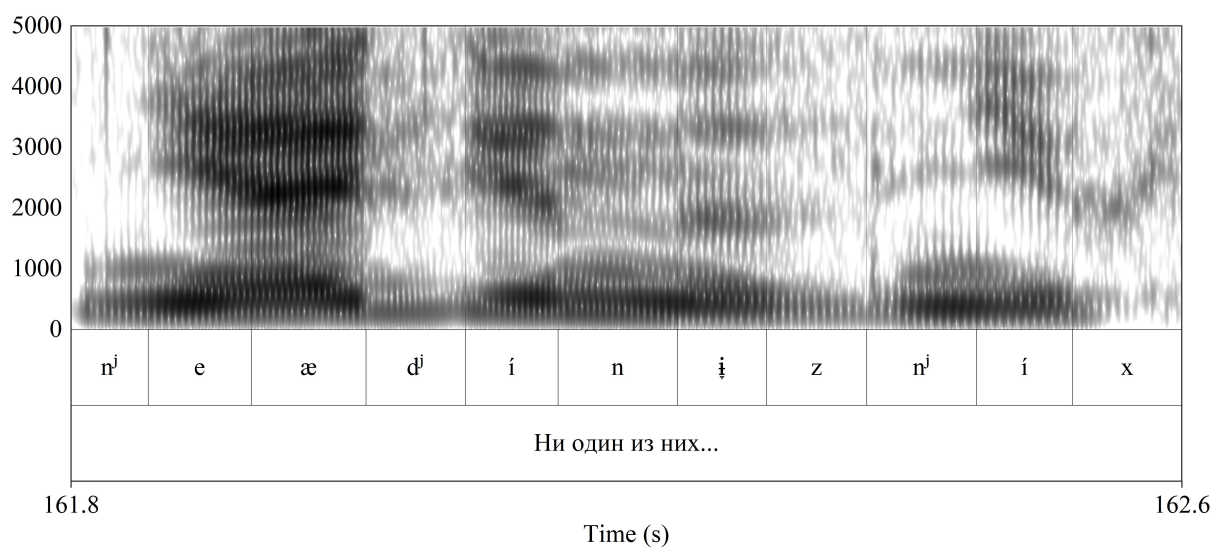

Рис. 22. *Ни один из них не ходил на пары* (НН-48)

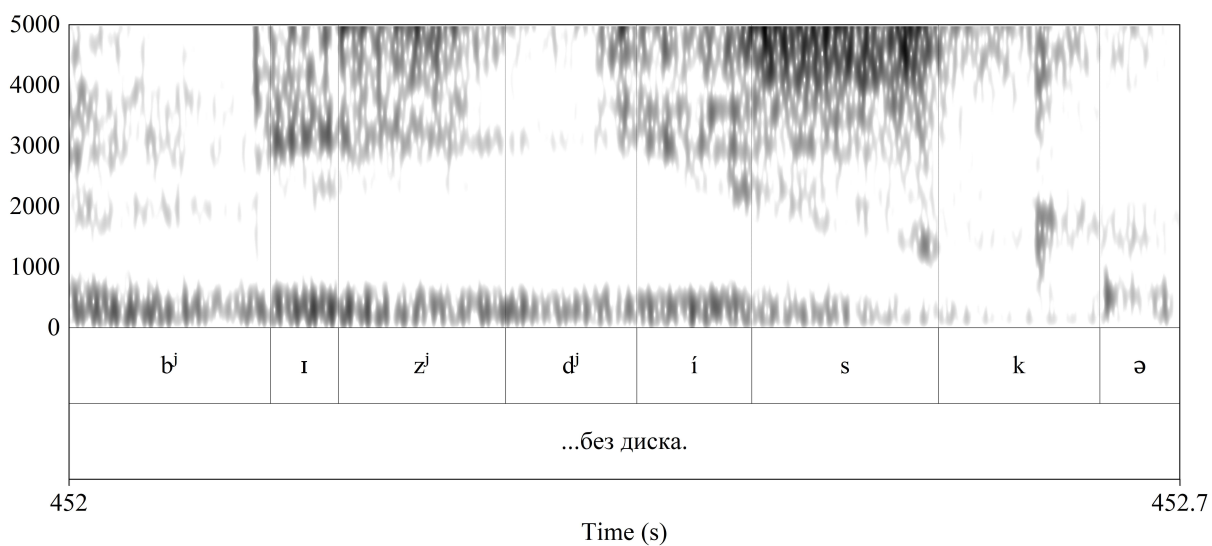

Рис. 23. Орфоэпический словарь 1983 года продавался, конечно, без диска
(АА-06)

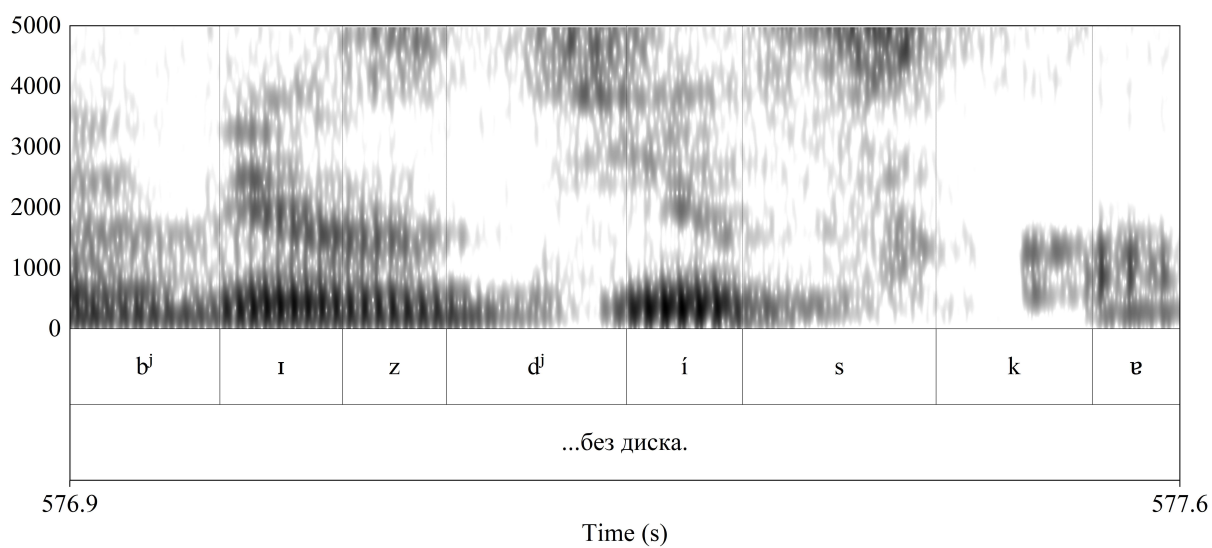

Рис. 24. Орфоэпический словарь 1983 года продавался, конечно, без диска
(МД-99)

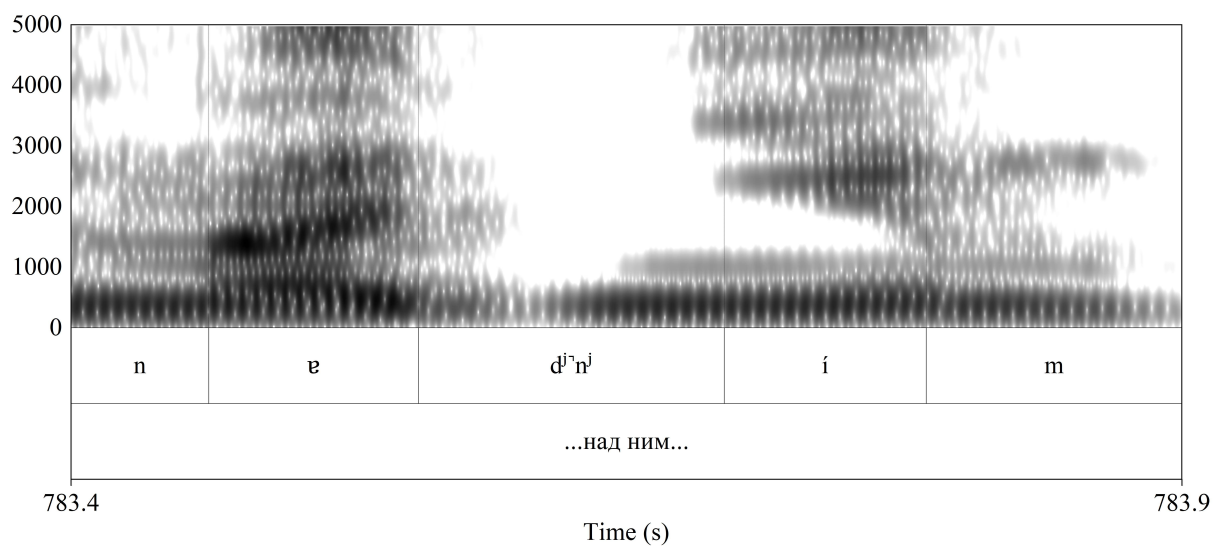

Рис. 25. Я наклонился над ним, а он, этот малютка-сурок, забился в ямку (ЯВ-80)

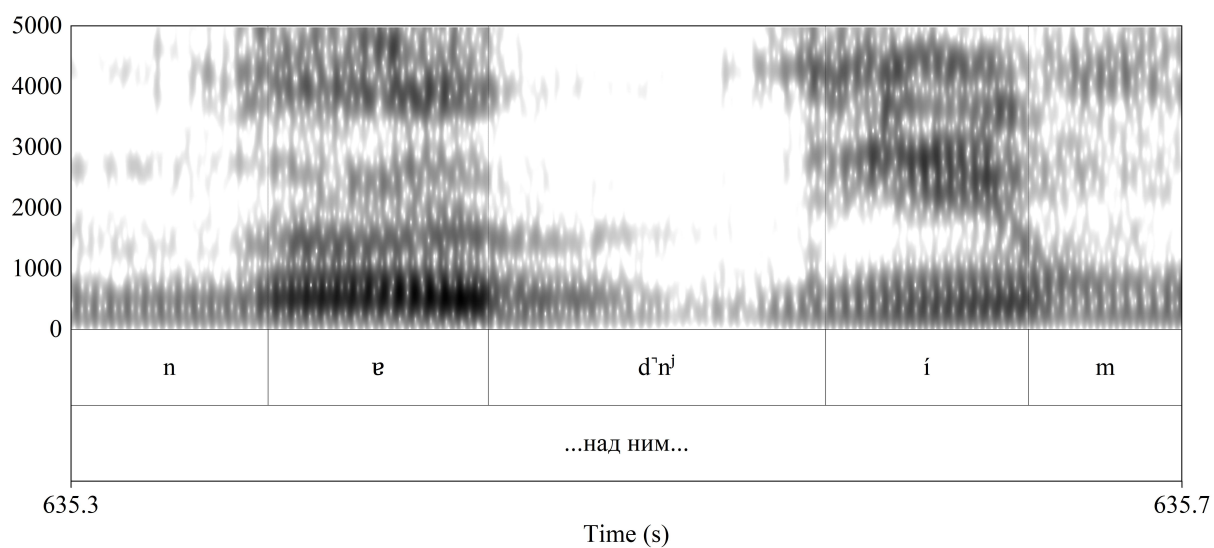

Рис. 26. Я наклонился над ним, а он, этот малютка-сурок, забился в ямку (ВВ-45)

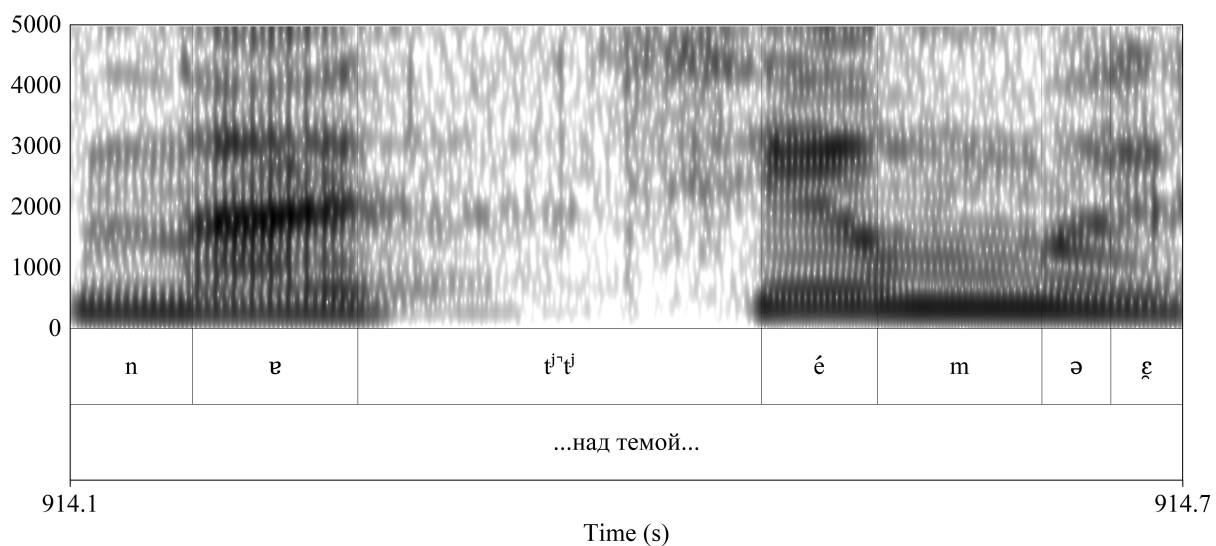

Рис. 27. Научник попросил меня подумать над темой следующего доклада
(ЕИ-54)

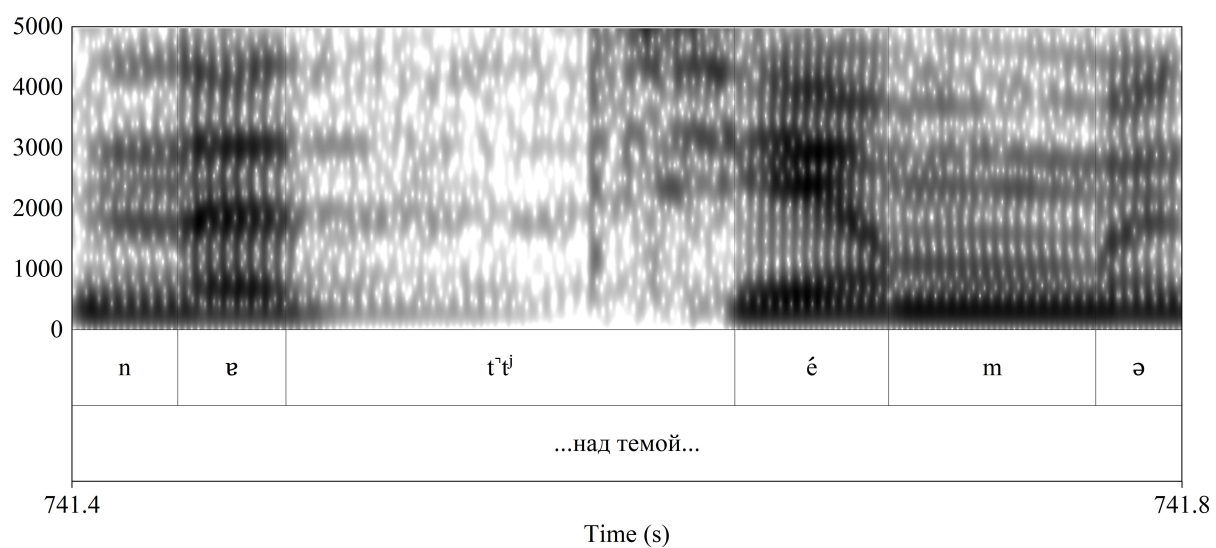

Рис. 28. Научник попросил меня подумать над темой следующего доклада
(ДА-00)